

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Республики
Бурятия

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№ 6 /88/ 2021

Таёжная, озёрная, степная,
Ты добрым светом солнечным полна.
Цветущая от края и до края,
Будь счастлива, родная сторона.

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№ 6 (88) ноябрь-декабрь 2021

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)

Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)

Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)

Редактор международного литературного отдела: Елена Думрауф-Шрейдер (Германия)

Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)

Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)

Редактор отдела прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)

Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)

Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.

Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.

Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Крымской литературной академии /Горловка, ДНР/.

Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.

Побужанский Эдуард Георгиевич, поэт, издатель, главный редактор издательства «Образ» /Москва/.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Информационные партнёры:

- Поэтическое издательство «Образ» /г. Москва/.
- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.

Дорогие друзья, коллеги, авторы и читатели журнала «Северо-Муйские огни», завершая ещё один успешно состоявшийся для нашего журнала литературный год, я как главный его представитель, учредитель журнала и его литературный редактор, хочу сердечно поблагодарить всех вас за активное участие в духовно-творческой работе над его изданием и поздравить с успешным выходом очередного номера – итоговым выпуском СМОГ-2021 №6 (ноябрь-декабрь), с нашим общим успехом! Да будет так и далее – в 2022-м! **С Новым годом, дорогие друзья!** С новыми жизненными и творческими достижениями, всех вам благ и доброго здоровья!

Виталий Кузнецов, главный редактор журнала «Северо-Муйские огни».

Подписано в печать 08.12.2021.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2021

Адрес редакции и издателя:

671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.

Тел.: 8 9024582889; 8 9246503603

Секретарь-референт: тел.: 8 9248385348

Форум журнала: <http://smogni2008.rusff.ru>

Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru

Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

- Владимир Спектор. «Но для цели благой. Вот в чём штука» (О книге В. Казакова «Воскрешение на Патриарших»)...3
 Нина Ищенко. Как победить Непобедимое Солнце: критика имманентной философии Пелевина.....5

Публицистика

- Анастасия Соколова. «Не ждать от клеветника правды» – или Картина маслом (продолжение).....10

Экологические страницы

- Лев Рябчиков. В Крым надо ездить, чтоб лечиться его красотой.....14

Поэты конца советской эпохи

- Альфа и мера Михаила Анищенко. Суд Синедриона (мистерия-триптих).....18

Привал на поэтической тропе

- Александр Балтин. Поэтическая гамма Ефима Гаммера.....22

- Ефим Гаммер. Стихи.....23

Проза

- Михаил Смирнов. Разговоры в ночи. Рассказ.....24

- Светлана Донченко. Дед. Рассказ.....29

- Александр Шерстюк. Корень из минус единицы. Из цикла «Сказы-коротышки».....30

- Михаил Спивак. Медаль Ушакова для канадского матроса. Рассказ.....31

- Дарья Фомина. Ваза с апельсиновыми деревьями. Рассказ.....35

- Дмитрий Воронин. Поздняя месть. Рассказ.....37

- Владимир Колабухин. Затмение. Рассказ.....40

- Сергей Кириллов. Урок. Рассказ.....43

- Леонид Китаев-Смык. Две удачи вороного коня. Рассказ.....44

- Юрий Егоров. «Охотники». Рассказ.....48

- Александр Дегтярёв. Рассказы.....50

- Светлана Чернышёва. Маленькая Галя (недетские истории).....51

- Елена Зяблова. Волшебная роща. Сказка-быль.....53

Поэзия

- Виталий Кузнецов. Ноябрь-декабрь (из книги «Двенадцать месяцев с душой»).....55

- Владимир Макаренков. «С Новым годом, друг мой стародавний!».....56

- Николай Ерёмин. Ноябрь 21-го.....58

- Наталия Каретникова. «Мороз и солнце с нами вновь!».....59

- Сергей Шилкин. Из новых стихов.....60

- Марк Польшковский. Стихи в декабре.....61

- Валерий Румянцев. «Пробегутся пальцы по годам...».....62

- Леонид Карпов. «...ещё один год проводил до порога...».....63

- Светлана Казакова. «Ах, как хочется вернуться...».....64

- Татьяна Собещанская. «За веком век летит подобно птице...».....65

- Сергей Ворошилов. «Здесь песней заонежскою...».....66

- Татьяна Белявская (Стрельникова). «Тридцать лет, как секунды, – врзлёт...».....67

- Анатолий Арестов. Стихи о разном – 2.....68

- Константин Емельянов. «Поколение сов».....69

- Андрей Ивонин. «Помедлив на последнем рубеже...».....70

- Борис Сулович. «В никуда из ниоткуда...».....71

- Владислав Бусов. «Заметки фенолога».....72

- Мария Япс. «Северный помидор».....73

Рыбохотобзор

- Олег Слободчиков. Жизнь в тайге. Повесть.....74

Обратная связь

- Зато не скучно! или При чём тут шапка Мономаха?.....86

- Слово о журнале.....87

- Творческий совет журнала.....88

Критика

... всякий читатель — критик, и всякий критик — читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск/Бад-Зоден

Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей.

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат международных литературных премий: имени Юрия Долгорукого, Сергея Михалкова, Владимира Даля, Николая Тихонова, Леонида Первомайского, Арсения Тарковского.

«Но для цели благой. Вот в чём штука»

О книге Владимира Казакова «Воскрешение на Патриарших»*

Бывает так – начинаешь читать книгу, на которую неожиданно обратил внимание в интернете, и уже не можешь остановиться. И потому, что интересно, и потому, что написано талантливо. И ещё потому (а это и важно, и приятно), что близка позиция автора, а его взгляды отзываются в читательской душе пониманием и сопереживанием. Именно так могу сказать о книге «Воскрешение на Патриарших» Владимира Казакова. Она не отпускала от себя, пока текст не дошёл до последней строчки. Герой повествования, живя в наше время, читает рукопись неизвестного автора, которая будто бы написана о нём самом, но события в ней происходят в уже далёком 1979 году, когда и герой был ещё юным студентом, и Москва – совсем другим городом.

«...Утренняя Москва была просторна и наивна. Казалось, что этот город семьдесят девятого года – ещё девушка. Это лет через двадцать пять она упадёт в глухой и кромешный блуд, продавая своё тело оборотистому хамлу и прочему хламу, для которых слово «Москва» – это только фантастический по доходности рынок недвижимости и рекламы. А пока всё было светло и чисто. И вывески на магазинах были какие-то человеческие – «Хлеб», «Молоко», «Продукты». ... Деревья были большими, люди – добрыми и благородными, а девушки несли в ладошках пригоршни счастья и, радостно смеясь, разжимали руки над головой Игоря...»

Вообще эта книга, кроме всего прочего, своеобразный гимн Москве, её не самым главным улочкам и площадям, центру и окраинам; и написан этот гимн с искренней и трогательной любовью, которая понятна и близка не только жителям столицы, но и, наверное, каждому читателю. Причём любовь – тоже полноправный персонаж романа, наряду с героем, его друзьями и Москвой. Любовь, целомудренная и возвышенная, что в современной литературе, в принципе, встречается не часто. Но, тем не менее, отсутствие откровенных постельных сцен абсолютно не обедняет повествование, не делает его менторски-ограниченным и ханжеским. Напротив, действие развивается естественно, поступки друзей не скованы условностями и вполне соответствуют духу времени. Однако о любви сказано трепетно и с чувством:

«Человек – существо аморфное. Такая масса, бурда, еле мыслящая. Без физической формы. Но возникает любовь, и как магнитное поле собирает железные опилки в определённую структуру, так и человек в любви превращается из биомассы в существо. С руками и ногами. То есть любящий его человек, думая о нём, создаёт ток, напряжение поля и держит его форму. Внешнюю и внутреннюю. Даже так – как человек думает об объекте любви, тем он и становится. То есть меняется не только морально, но и чисто физически. А когда любовь заканчивается, это – как выключили ток в электромагните, человек опять превращается в кучку опилок, мусора. Ну, или в бесформенный пластилин, какая разница...»

Ещё одно действующее лицо книги и рукописи, наряду с героями, московскими двориками и забегаловками, – алкоголь. Он льётся раздольно и пьётся от вольного, что называется, до потери пульса. Причём независимо от календарного времени, места пребывания и общественного строя. Меняются только названия напитков и этикетки, которые, соответствуя преysкурантам эпох, предстают то в виде элитного «вискаря», то повседневной «московской» и легендарного «солнцедара». Это не добавляет симпатии персонажам, среди которых студенты иныа и магазинные грузчики, средней руки начальники и творческие, пишущие личности. Всё это отражает реальность.

«... Дальше встреча друзей продолжалась по устоявшимся веками принципам неожиданной бессмыслицы. С накатом, налетом, надломом пьянка ширилась, заполняя весь парк лёгким дыханием сиюминутного раздолбайства, взлетала далеко-далеко в небесную высь, иногда шмякаясь лицом в жухлую и горячую от солнца траву...»

Реальность в книге и в жизни раздваивается, как было сказано, на «до» и «после». И, поочередно попадая в уже давнее прошлое, а после – возвращаясь в настоящее, герой мучительно анализирует «то, что было» и сравнивает с «тем, что стало».

В этом, на мой взгляд, главная прелесть и привлекательность книги – в этих размышлениях и сравнениях, в попытке разобраться в том, что произошло с некогда могучей и единой страной. Это жизненно важно не только для героя книги, но и для всех тех, кто рядом с ним, здесь и там, за год до московской Олимпиады, когда ещё не стреляли в Афгане, а мир казался незыблемым.

* Воскрешение на Патриарших. М.: Флюид ФриФлай, 2019. — 256 с. — (Книжная полка Вадима Левентяля)

«... Он до сих пор не мог всерьёз принять развал страны. То есть башкой-то он соображал, внутри – нет. И все эти президенты Молдавии, Грузии, Латвии, Украины казались ему плюшевыми зайчиками и мишками. А новоиспечённые государства выглядели какими-то невзаправдашными. Очень похожими на настоящие, очень похожими, но всё равно игрушечными. Дорогими и быстро ломающимися».

Человеку не дано заглянуть в будущее, узнать, что ждёт его и близких, страну и весь мир. И потому мы свыкаемся с этим, надеемся на лучшее и стараемся не думать о худшем. Но, если ты, по воле фантазии автора, возвращаешься в прошлое, идёшь по улице рядом с бывшими современниками, зная о том, что их ждёт совсем скоро, это странно и страшно. А герою от этого становится стыдно. Стыдно за жестокость и несправедливость, с которой будущее обойдётся с этими, пока ничего не подозревающими «простыми советскими людьми». Добавим, и непростыми тоже. А я благодарен автору за эту возможность порассуждать на тему, что же произошло или могло произойти, почему всё так случилось и могло ли быть иначе. И действительно, куда деваются все наши мысли...

«... А вот интересно, мысли людей в 79-м отличаются от моих мыслей? И куда они делись, мысли этих людей, идущих по улице Горького, чёрт-те сколько лет назад? Куда вообще деваются мысли? Ведь если мысль материальна, то сколько же бракованной ненужной материи вокруг! Или нужной. ... Очень странно и интересно. Вот спроси любого встречного-поперечного, как он представляет себе второе десятилетие двадцать первого века, он столько белиберды нанесёт, подцепленной из книжной серии «Библиотека советской фантастики». Машины, летающие по воздуху, самодвижущиеся тротуары, обжитые Марс с Лунной, победа над раком и другими болезнями. Некоторые наверняка расскажут бредятину про коммунизм и мир на всей планете! А ведь этого ничего не будет для идущих мне навстречу людей. Не будет. Я же это точно знаю. Интернет, пожалуй, и мобильники – вот и все изменения. ...Мне вдруг стало стыдно. Я знаю, что с ними, со всеми здесь стоящими, станет очень скоро. Всего через полгода начнётся бойня в Афганистане. Через десять лет СССР исчезнет. Я знаю про развал страны. Про нищету и голод. Про крушение идеалов, которым они отдали всё, про крах их жизни, который они с ужасом встретят стариками...»

Почему и зачем? Эти вопросы витают над страницами книги, над всеми превращениями и приключениями, разговорами, встречами и прощаниями... Ведь герой и его друзья – как раз из того комсомольского возраста, который успешнее других адаптировался к перестроечным реалиям, заняв появившиеся ниши новоявленных предпринимателей и кооператоров, банкиров или рэкетиров, пересев из райкомовских кресел в кабинеты администраций и департаментов... Хотя мест на бизнесовом олимпе (как и на любом другом) для всех не хватало, и неудачников ждал всё тот же ассортимент переименованных крепких напитков плюс неведомые ранее таблетки и уколы, позволяющие сознанию отключиться от действительности, воспарив над житейской бездной, а иногда и шагнув для этого прямо в открытое окно. Именно так и ушёл из жизни один из друзей героя, возможно, и бывший автором удивительной рукописи. Ушёл, так и не узнав, зачем всё произошло так, а не иначе, оставив этот вопрос, как завещание, своим друзьям, а любимым – как возможность выбора между поиском ответов на вечные вопросы и обретением непрочного счастья здесь и сейчас. Но мысли о прошлом и настоящем витают и над страницами, и над жизнью.

«... Советы попытались создать христианство без Христа. Конечно, проект в таком виде был обречён, но успехи были колоссальные. Действительно же люди в массе своей... были добрее. Честнее. Декларированным мерилем всего была польза человеку. Человек был на острие всех начинаний.

... Пусть всё делалось не так, многое не получалось, многое забалтывалось, но всё равно – изначально забота о простых людях. **Честность, самоотверженность, правдивость** декларировались и приветствовались. Сейчас – как сдуло. Только деньги – мера всех и всего. ... Официальный лозунг государства – «Человек человеку друг, товарищ и брат». А тридцать веков до этого – «*Ното homini lupus est*». Государство, выдвигающее лозунг, должно его толкать в жизнь. А с кем его воплощать?! Человек же, каким был до семнадцатого года, так и остался им и после... Конечно, не надо идеализировать советскую власть. Её делали и создавали эти же волки по волчьим законам. **Но для цели благой. Вот в чём штука**».

Соглашаться или не соглашаться с мыслями героя – это право читателя. Не зря сказано: «Каждый видит лишь то, что хочет; каждый знает лишь то, что умеет. Кто-то отметит, что день – короче, а для кого-то лишь ночь длиннее». Но вопросы эти, вероятно, возникали у каждого, и спасибо Владимиру Казакову, который поделился своими размышлениями. Вдумчивого читателя они не оставят равнодушным.

На Патриарших прудах, в районе которых происходит действие романа, по преданию, рассказанному герою случайным знакомым, воскресают, обретая бессмертие в следующей жизни, души тех, кто, как дома, бывал здесь, сживал на лавочках. А водная гладь отражала их мысли, посылая сигнал в вечность. Как дома... Это одно из ключевых понятий. О доме часто говорят герои книги. О доме, как символе постоянства и стабильности, символе благополучия и настоящей взрослой жизни, к которой все они стремятся, но не все обретают. Остаётся надежда на Патриаршие пруды, на вечное отражение пространства и во времени.

«... Понятие «дом» для меня всегда было очень болезненным. Я со школьных времён с завистью смотрел на одноклассников, у которых была своя комната. До сих пор помню, как в нашей комнатухе в коммунальной квартире на двадцать два человека, где я жил с родителями, ставил себе посредине кровати швабру и накрывал её скатертью. Это и был мой дом. Прошло лет сорок, уже нет отца, а в сущности ничего не изменилось. Я не обрёл дома. Та же палка со скатертью. Только она не в реальности, а в башке. Часто думаю, что «дом» – это удел взрослых, а я им так и не стал. И уже не стану. Хорошо это, плохо? Кто знает».

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик.

Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021). Редактор-составитель шести сборников Философского монтеневского общества Луганска. Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020).

Блог: ninaofterdingen.livejournal.com. Телеграм-канал: <https://t.me/ninaofterdingen/>

Как победить Непобедимое Солнце: критика имманентной философии Пелевина

Одной из главных книжных новинок года эпидемии, високосного 2020 года стал роман «Непобедимое Солнце» культового писателя, одного из самых популярных и продаваемых российских авторов Виктора Пелевина. Это роман-квест, в котором герои, а вместе с ними и читатели, проходят ряд испытаний в разных локациях ради того, чтобы найти волшебный предмет – артефакт, который позволит им перейти на новый уровень развития. Такая структура сюжета роднит роман с компьютерной игрой.

Пелевин известен также как автор-философ, а не просто создатель игровой литературы. И в этом его романе сокрыта буддистская философия, которая уходит корнями в глубокую древность. В Европе эта философия была известна как имманентная, разработанная Вильгельмом Шуппе. Пик популярности имманентной философии пришёлся на конец XIX – начало XX веков, благодаря чему мы получили три теории, опровергающие её, разработанные немцем Вильгельмом Вундтом, русским Алексеем Лосевым и англичанином Гилбертом Честертоном.

Роман написан от первого лица, от имени женского персонажа, нашей современницы, москвички Саши. Так как это роман-квест, его хронотоп очень богат. В книге представлены два временных среза – история одного из солдатских императоров Элагабала (Гелиогабала) и наши дни. Первая линия даётся с предысторией, захватывая времена императора Каракаллы. Вторая линия подаётся в виде путешествия, охватывающего множество локаций, включая Индию, Москву, Кубу, Турцию и Таиланд.

Каракалла, как и многие императоры поздней империи, титуловался Непобедимым Солнцем. Именно эта титулатура послужила названием романа.

Прозвище Каракалла происходит от названия плаща, который носил император. Накидка с рукавами, каракала, была распространена в восточных провинциях, где, в отличие от Рима, носили шитые вещи. Как пишет историк и культуролог Г. Кнаббе, в самой столице единственно достойной цивилизованного человека одеждой считалась одежда, которая драпирует тело и ни в коем случае не сшивается – именно такова римская тога. Уже туника воспринимается как уступка изнеженности и не допускается в официальных случаях.

Так что каракалла – это одежда человека неримской культуры, её символическое значение прекрасно осознавалось. Кстати, именно как символ протеста против языческой изнеженности каракаллу использовали христианские монахи первых веков христианства, сохранившие этот вид одежды до сих пор.

В древнеримском хронологическом срезе действие начинается в Малой Азии, а заканчивается в Риме. В этой части художественного пространства существует два сакральных центра – Харран на территории нынешней Турции и Рим, столица империи. Во втором временном срезе, в нашей современности, одним из важных локусов является Стамбул. Собственно, турецкое культурное наследие в этом локусе почти не проявляется, и гораздо важнее для сюжета исторические корни Стамбула, тот факт, что этот город – Константинополь, второй Рим, это связывает его с временем древних императоров. Развитие темы вечной империи в виде «Москва – третий Рим» или «Петербург – третий Рим», в книге отсутствует.

В начале сюжета два временных среза соединяются через Харран, город, где существовал храм Луны, с которым на мистическом уровне связаны оба императора, отец и сын, Каракалла и Гелиогабал, носящие титул Непобедимое Солнце. Постепенно действие полностью перемещается на этот мистический уровень, в сюжете появляются боги и зоны, и кульминация всего романа происходит перед алтарём, Чёрным камнем. Во времена Гелиогабала он находился в Риме, сейчас он находится на острове в Атлантическом океане, но его локализация в нашем географическом пространстве не имеет значения. Саша совершает ритуал, который несколько столетий назад совершил Гелиогабал. Римский император Непобедимое Солнце в тот раз погиб, а Саше удалось довести ритуал до благополучного финала и стать тем человеком, чья иллюзия или фантазия, или

представление формирует наш мир. Забегая вперёд, скажем, что Саша стала субъектом имманентной философии.

За сюжетом-квестом стоит космология и антропология, которую легко отождествить с индийской или буддийской. Несмотря на большую разницу, которую находят специалисты по истории философии между индуизмом, брахманизмом и буддизмом, для западного европейского ума здесь есть общие черты, которые и показаны в книге Пелевина. В обоих временных срезах путь героя приводит его к познанию тайн мира, и эти тайны сводятся к тому, что наш мир – это космическая иллюзия, сон или фантазия божества, а человек – некий сгусток неких текучих свойств мира, которые он ошибочно полагает своей личностью. Ошибочность этого полагания в том, что мира как такового нет, мир – иллюзия, и соответственно свойств никаких у него нет, природная подоснова человеческой личности не существует. Духовная основа личности тоже не существует, потому что психические свойства, память, характер также иллюзорны. Как только иллюзия рассеивается, человек понимает, что верный путь – покориться той воле, которая движет мир, полностью отказавшись от себя, и в таком совпадении с волей мира обрести небывалое могущество: научиться не хотеть недостижимого значит обрести полную свободу. Европейцы же понимали это так, что, когда иллюзия рассеется, человек обретёт небывалое могущество, обнаружив, что он сам и есть творец мира.

Это учение было очень популярно в Европе начала XX века под названием буддизм в том широком смысле слова, в котором его понимали увлекающиеся буддизмом интеллектуалы того времени. Основная идея, которая привлекала европейских интеллектуалов в буддизме, заключается в иллюзорности мира, всех его объектов. Реальный мир, согласно этому учению, – это только представления в голове субъекта, своеобразная Матрица. Это даёт ощущение независимости субъекта от мира, ощущение могущества и свободы. Среди поклонников индийской/буддистской мудрости находится множество духовных ориентиров европейской культуры, от Шопенгауэра и Германа Гессе до Елены Блаватской. Этот буддизм совпадает с солипсизмом имманентной философии.

Центральным вопросом имманентной философии, как и философии Пелевина, являются человек и предметы окружающего мира, личность и космос, их реальность или иллюзорность. Основатель имманентной философии Вильгельм Шуппе рассматривает этот вопрос в категориях субъекта и объекта: субъект реален, а объекты внешнего мира реальны только постольку, поскольку они имманентно даны в мысли субъекта (принцип имманенции). Шуппе отвергает так называемый принцип двойной данности: предмет не может быть дан и в мыслях, и в реальности, поскольку это противоречит экономии природы, и раз предмет точно дан человеку в мыслях и чувствах, это значит, что он не дан в реальности.

Единственная реальность предметов – это реальность мыслей человека о них, как в фильме «Матрица». Разные люди получают одинаковые впечатления от одного и того же предмета не потому, что предмет существует объективно вне человека, а потому что все люди устроены одинаково (родовое я) и имеют одну и ту же структуру познавательной способности. Общность родовой структуры человека проявляется как неустраняемый элемент любого психического акта, как мысль «я мыслю».

Критику этих положений с позиций психолога-естественника дал современник Шуппе, Вильгельм Вундт в 1896 году в статье «Имманентная философия», переведенной на русский язык в 1910 году.

Вильгельм Вундт (1832 – 1920) – выдающийся учёный своего времени, склонный к универсальному теоретическому синтезу всех сфер человеческого знания. Работавший в период расцвета позитивизма, вульгарного материализма, стремления элиминировать философию из научного познания мира и человека, Вундт никогда не опускался до редуктивных теорий философии, развивая собственную оригинальную философскую концепцию, в которой естественные науки и науки о духе были бы синтезированы на основе психологии. Вундт начинал как медик, естествоиспытатель, физиолог, а во второй половине своей жизни пришёл к философии и философскому осмыслению психологии, включая психологию народов, а также к созданию методологии гуманитарного исследования, которая оказалась востребована в XX веке, и к обобщению философского знания своего времени на универсальной основе. Именно в 80–90-е годы прославленный лейпцигский профессор издаёт основные философские труды: «Логика», «Этика» и «Система философии». В них Вундт предстаёт уже не просто как психолог, но как систематизатор всего пространства научных и философских знаний в целом, как теоретик-универсал.

Критика Вундтом имманентной философии в вопросе взаимоотношения субъекта и объекта сводится к следующему.

Вундт указывает, что принцип имманенции и утверждение о том, что любой объект может быть дан только один раз, ни на чём не основаны. Не существует ни логического вывода этого положения, ни его эмпирического подтверждения. Представление о том, что объект существует в реальности и воспринимается субъектом, не является логически противоречивым и не опровергается опытом.

Далее Вундт пишет, что представления, размышления и созерцания любого объекта далеко не всегда сопровождаются размышлением о субъекте, и чаще всего этого не происходит. Положенное Кантом в основу критики чистого разума представление о том, что мысль «я мыслю» сопутствует всем нашим процессам сознания, просто-напросто эмпирически неверно, и непонятно, почему нужно уважать логические доводы вопреки опытным данным.

Вундт находит две причины этого заблуждения. Во-первых, это некритическое смешение фактов сознания и размышлений об этих фактах. Такое смешение Вундт считает просто недостатком научной добросовестности. Вторая причина заключается в ложном выводе из верной посылки: поскольку каждый конкретный субъект имеет в сознании какие-то объекты, отсюда делается вывод, что любой объект предполагает наличие субъекта, то есть содержится в сознании субъекта, что уже неверно. Вундт переводит рассуждение в сферу психологии, где он был блестящим специалистом, и указывает, что существование объектов без размышляющих о них субъектах – доказанный эмпирический факт, который и закрывает дискуссию.

Таким образом, Вундт критикует имманентную философию как эмпирик, психолог-практик, и находит её несоответствующей реальным фактам. Однако критика на основе эмпирических данных никогда не бывает до конца убедительна. Учёный эмпирик может сделать достоверные выводы только о тех фактах, которые он изучил, и чтобы обобщить свои выводы, он должен обращаться к внеэмпирическому материалу, а на этот уровень, уровень философских категорий, Вундт не выходит.

На уровне философских категорий разворачивает свою критику имманентной философии Алексей Лосев (1893 – 1988) в «Диалектике мифа» (1930). Критика имманентной философии – далеко не самая важная часть его работы, тем не менее Лосев уделяет внимание этому вопросу и даёт диалектику субъекта и объекта.

Лосев начинает с диалектики субъекта и показывает, что субъект есть нечто существующее, которое можно мыслить и воспринимать. Это точно философское определение объекта, то есть субъект является объектом. Здесь же Лосев даёт критику солипсизма, показывая, что даже в этом крайнем случае, когда существует всего один субъект, он также является объектом, единственным реально существующим объектом, от которого зависит весь остальной мир вне его. «Таким образом, утверждая, что существуете только вы (а все остальное, по-вашему, есть только порождение вашего субъекта), – вы только назвали себя богом, а не субъективистом. Ваш субъект тоже реален и, значит, есть объект».

Далее философ разворачивает диалектику объекта. Объект есть нечто существующее, его можно мыслить и воспринимать. Это означает, что для объекта должен существовать, хотя бы в возможности, какой-то субъект, который сможет его мыслить и воспринимать. Если такого субъекта нет в принципе, это значит, что объект не воспринимаем в принципе, то есть не существует в объективной реальности. Следовательно, если есть объект, есть и субъект, либо нет такого субъекта, но тогда нет и объекта.

Сравнение позиции Вундта и Лосева по этому вопросу показывает причины их расхождения. Вундт проводит анализ в сфере психологии, в которой он отлично разбирался, и как он сам указывает, рассуждает о конкретных субъектах и объектах. Для конкретного субъекта воспринимать или не воспринимать какой-то конкретный объект – дело случая, внешних условий, и ни в коем случае не сущностное свойство. То же самое можно сказать и о конкретном объекте: будет ли его воспринимать какой-то конкретный субъект или нет, зависит от обстоятельств и никак не может быть определяющим свойством объекта.

В свою очередь, Лосев даёт диалектику понятия. Он работает не с конкретным объектом и конкретным субъектом, а с философскими категориями. Категория субъекта, рассмотренная диалектически, включает в себя категорию объекта и не существует независимо. Таким же образом объект как философская категория предполагает существование субъекта, как и показывает Лосев в своём анализе.

Помимо психологической и диалектической критики имманентной философии, существует ещё и морально-теологическая критика, которая проводится Гилбертом Честертоном. Английский писатель не раз обращался к этой теме. Он затрагивает её и в своих теоретических работах, а именно: в «Ортодоксии», и в художественных произведениях, как в рассказе «Преступление Гэбриэла Гейла». В своих текстах Честертон пишет о том, чем имманентная философия, она же буддизм, отличается от христианства и какие последствия в личном мировосприятии и общественной морали порождает это отличие.

В «Ортодоксии» Честертон пишет: «То, что передовые личности убеждённо говорят в переполненных залах, как правило, напрочь расходится с истиной. Наши трюизмы всегда лживы. Вот пример: на заседаниях этических и религиозных обществ очень любят поверхностную, якобы либеральную мысль: «религии отличаются только формой, учение их едино». Это ложь, это полностью противоречит фактам. Религии не очень отличаются обрядами, они страшно различны в учении.

Замечательный пример мнимой схожести – духовное единство буддизма и христианства. Представители популярной науки, вроде Блэтчфорда, настаивают, что христианство и буддизм очень похожи, особенно буддизм.

Буддизм одобряет милосердие и самоограничение – в этом буддизм не совпадает с христианством, а попросту не слишком расходится с общечеловеческим чувством. Буддисты в принципе осуждают насилие и излишества, поскольку их осуждает любой нормальный человек. Но ложно утверждение, будто буддизм и христианство одинаково их понимают. Все люди чувствуют, что мы в сетях греха. Почти все думают, что должен быть какой-то выход. Но что до того, каков этот выход, – нет в мире религий, противоречащих друг другу больше, чем христианство и буддизм.

Даже когда я с вместе с прочими хорошо осведомлёнными, хотя и не слишком педантичными людьми верил, что буддизм и христианство похожи, меня удивляла потрясающая разница в их искусстве. Я говорю не о технике изображения, но о том, что хотят изобразить. Никакие два идеала не противоречат друг другу так, как святой готической церкви и святой китайского храма. Они противоречат друг другу во всём, но самое главное – глаза буддиста всегда закрыты, глаза христианина широко распахнуты.

Тело буддийского святого плавно и гармонично, веки отяжелели и сомкнуты сном. От тела средневекового святого остался шаткий скелет, но у него пугающие живые глаза. Не может быть родства между духовными силами, чьи символы столь различны. Даже если эти образы – крайности, отклонения от основной веры, такие крайности может породить лишь подлинное различие. Буддист пристально глядит внутрь себя. Христианин пристально смотрит наружу. Если мы пойдём по этому следу, обнаружим интересные вещи.

Недавно миссис Безант в увлекательном очерке объявила, что есть только одна подлинная религия, все остальные – её отражение или искажение. Единая вера миссис Безант – это доктрина единой личности: все мы – один человек, и нет стен, ограждающих индивидуальность. Безант не учит нас любить своих близких – она хочет, чтобы мы стали своими ближними. Такова глубокая и многообещающая религия, которая должна примирить всех. Никакая теория не вызывает у меня более яростного протеста, чем эта.

Я хочу любить ближнего не потому, что он – я, а именно потому, что он – не я. Я хочу любить мир не как зеркало, в котором мне нравится моё отражение, а как женщину, потому что она совсем другая. Если души отделены друг от друга – любовь возможна. Если они едины – любви нет. Человек любит себя, но он не может в себя влюбиться, а если б смог – занудный вышел бы роман. В мире подлинных личностей «я» может быть неэгоистично, но мир миссис Безант – это всего лишь одно, неестественно эгоистичное «я».

Именно в этом вопросе буддизм на стороне современного пантеизма и имманентизма, а христианство стоит за человечность, свободу, любовь. Любви нужна личность, поэтому любовь жаждет различия. Христианин рад, что Бог разбил мир на кусочки, раз эти кусочки живые. Христианство велит детям любить друг друга, а не взрослому любить самого себя. Вот пропасть между буддизмом и христианством: буддисты и теософы считают, что личность недостойна человека, христианин видит в личности высший замысел Бога. Мировая душа теософии требует любви от человека, растворённого в ней. Но божественное средоточие христианской веры выбрасывает человека вовне, чтобы он мог любить Бога.

Вот почему почти безумным счастьем сверкают глаза святого на старой картине. Вот почему закрыты глаза величественного Будды. Святой счастлив, потому что он отрезан от мира, отделён от других и смотрит на всё в изумлении. Но может ли удивиться буддист, когда весь мир – одно, да и то безликое, так что оно не может удивиться себе?»

Эту же критику имманентной философии писатель даёт и в художественной форме.

В рассказе «Преступление Гэбриэла Гейла» главный герой, поэт Гэбриэл Гейл, совершил преступление: будучи в гостях, он во время грозы напал на одного из гостей, молодого человека по имени Сондерс, привязал его верёвкой к дереву и не давал ему сдвинуться с места, пока не кончилась гроза. Друзья поэта опасались обращения в полицию со стороны потерпевшего, однако, когда Гейл предложил спросить его самого, что он думает, молодой человек прислал телеграмму: «Бесконечно благодарен Гейлу за доброту, спасение жизни». Когда у Гейла просят объяснений, он говорит, что заметил, как Сондерс сходит с ума – превращается в субъекта имманентной философии, то есть начинает думать, что весь мир – только его представление, и он властен менять его по собственной воле. Как выразился бы Лосев, Сондерс становится Богом. Гейл понял это, потому что сам имел схожий опыт, был идеалистом:

«Слово «идеалист», – отвечал Гейл, – я употребил в философском смысле. Я имею в виду того, кто сомневается во всём, кроме своего сознания. Было это и со мной, со мной ведь было почти всё, что есть греховного и глупого на свете. Я только тем и полезен, что побывал в шкуре любого идиота. Поверьте мне, самый страшный и самый несчастный идиот тот, кто считает себя Творцом и Вседержителем. Человек сотворён, в этом вся его радость. Спаситель велел нам стать детьми, и радость наша в том, что мы получаем дары, подарки, сюрпризы. Подарок предполагает,

что есть ещё что-то и кто-то, кроме нас, и только тогда возможна благодарность. Подарок кладут в почтовый ящик, бросают в окно или через стену. Без этих весомых и чётких граней для человека нет радости.

Я тоже считал, что мир – в моём сознании. Я тоже дарил себе звёзды, солнце и луну, и без меня ничто не начало быть, что начало быть. Всякий, кто побывал в таком сердце мира, знает, что там – ад. Выйти из него можно только одним способом. Я знаю, сколько елейной лжи написано в оправдание зла. Я знаю доводы в пользу страданий, и не дай нам Господь умножить эту кощунственную болтовню! Но один довод подтверждён практикой, проверен на опыте: от кошмара всемогущества средство одно – боль. Мы не потерпели бы её, если бы всё было нам подвластно. Человек должен оказаться там, откуда бы он вырвался, если бы мог; только тогда он поймёт, что не всё на свете исходит из него».

Таким образом, Честертон также приходит к мысли, что субъект имманентной философии становится богом, творцом мира. Писатель также считает, что это состояние приводит человека к безумию, как минимум, к духовному кризису. Нераздельное слияние человека с миром делает невозможными любовь, благодарность, свободу. Человек остаётся наедине со своими фантазиями, и выйти из этого круга можно только волевым усилием, с помощью действия, которое преобразует жизнь. Логическая стройность имманентной философии не играет роли, коль скоро она приводит человека в духовный тупик.

Подведём итоги. В своём новом романе Виктор Пелевин выражает философскую концепцию, которая известна в европейской культуре как имманентная философия или буддизм. Основная идея этой философии заключается в том, что мир и личность, космос и человек, объект и субъект на самом деле представляют собой всемирную иллюзию. Пик популярности имманентной философии в Европе пришёлся на конец XIX – начало XX века, благодаря чему три замечательных философа оставили нам свою критику этого воззрения. Вундт как психолог показал, что приводимые основания имманентной философии неверны эмпирически. Лосев как диалектик показал, что имманентная философия не снимает проблемы субъекта и объекта, оставляя статус объекта за одним единственным субъектом, чья иллюзия и порождает мир. Честертон дал христианскую критику этих идей, показав, что разрушение субъекта в душе ведёт к безумию, а в общественной жизни – к апатии.

Почему же имманентная философия, столько раз раскритикованная, снова и снова находит сторонников, транслируется популярным автором, который создаёт ей имидж учения не для всех? Я вижу тому несколько причин. Имманентная философия на самом деле не разрушает иллюзию субъекта и объекта, а создаёт иллюзию свободы и могущества.

Во-первых, популярности имманентной философии способствует её элитарность. Как говорил граф Калиостро в фильме «Формула любви», всё на свете – игра моего ума, а если вы со мной согласитесь, то и вашего тоже. Соблазн проникнуть в секреты, открытые не каждому, и почувствовать себя причастным высших тайн, остаётся в силе и действует на людей.

Во-вторых, настоящее опровержение имманентной философии, диалектическое, слишком сложно для неспециалиста, и в рамках рассудочной логики и представлений здравого смысла, бытующих в нашей культуре после Канта, она действительно неопровержима. Чтобы её действительно опровергнуть, нужно воспользоваться советом Честертона и перейти с уровня логики на уровень практики. Не думать об аргументах, а подумать о своей жизни: к какому душевному и духовному состоянию приводит следование этой философии? Если к ощущению, что жизнь не стоит того, чтобы жить, а мир стоит того, чтобы исчезнуть, как наваждение, то эта философия ошибочна. Нужно отказаться от неё волевым усилием, не думая, логично это или нет. Когда речь заходит о спасении, утопающий хватается за соломинку, а не ищет логических доводов.

И ещё одна немаловажная причина, которая вытекает из последнего рассуждения. Имманентная философия, пелевинский буддизм – это выражение кризиса мироощущения и мировоззрения. Когда в обществе появляется множество людей, которые готовы убежать от реальности в виртуальный мир, философский или технический, это проблема не философии, а общества в целом, имманентная философия тут – только симптом.

В то же время философский анализ позволяет разобраться в истории и сущности имманентной философии, увидеть разные способы её преодоления, вписать её в социальный и исторический контекст, рассмотреть её последствия, оценить причины её влияния. Победить непобедимое Солнце каждый должен в одиночку, а кто предупреждён, тот вооружён.

Публицистика

Анастасия СОКОЛОВА

г. Москва

Член МГО Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, православный историк и писатель. Публиковалась в московских СМИ, журналах и альманахах. Автор 3 книг прозы и сборника стихов. Лауреат и дипломант ряда московских литературных фестивалей и поэтических конкурсов. Лауреат конкурса «Избранники Муз» в номинации «Избранник Клио» (история).

«Не ждать от клеветника правды» – или Картина маслом

(продолжение, начало в №5/87/2021)

Национальная история пишется обыкновенно друзьями.

История России писалась её врагами.

*Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества,
военный теоретик А. А. Гулёвич*

Царственные жертвы отравителей

В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля было произведено вскрытие гробниц царя Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича. Специалистами из НИИ судебной медицины Минздрава СССР были проведены химико-токсикологические исследования останков, которые показали в костях, волосах, ногтях и тканях одежды наличие ртути, мышьяка и меди.

Вот какие доводы приводит историк А. Боханов: «Теперь о крови, которая, как уверяют некоторые авторы, «лилась ручьём». На картине Репина её набралось на целую лужу. Сохранились волосы царевича ярко-жёлтого цвета 5-6 сантиметров длиной. Анализ показал, что признаков крови на волосах не обнаружено. Молекулярная структура крови такова, что отмыть от неё волосы без следа невозможно».

В костях Иоанна Грозного и его сына, царевича Иоанна Иоанновича, обнаружено пятикратное превышение ртути. «Отравление было длительным и хроническим», – делают своё заключение судмедэксперты. Столь высокая и одинаковая концентрация ртути в костях государя и царевича (до 1330 мкг на 100 г объекта исследования) говорит о том, что травить их начали одновременно, пытаясь устранить с престола не только царя, но и его наследника.

«По поводу болезни (царевича Ивана. – А.С.) можно сказать определённо – это было отравление сулемой», – заключает В. Г. Манягин в книге «Вождь Воинствующей Церкви».

После того как в 1990-х годах провели исследование захоронений московских великих княгинь и цариц, был выявлен факт отравления матери Иоанна Васильевича Грозного, великой княгини Елены Васильевны Глинской (1508-1538), и первой жены русского самодержца, матери царевича Иоанна Иоанновича, царицы Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой (1530/32?-1560). Обе скончались в возрасте тридцати лет.

Эти неопровержимые факты свидетельствует о том, что члены царской семьи из поколения в поколение становились жертвами отравителей.

«Те историки, которые стали бы настаивать на беспредельной ярости Ивана Грозного, – писал действительный член АН СССР, историк Р. Ю. Виппер (1859-1954), – должны бы задуматься над тем, насколько антигосударственно были в это время настроены высшие классы, значительная часть боярства и духовенства: замысел покушения на жизнь Царя был тесно связан с отдачей врагу не только вновь завоеванной территории, но и старых русских земель и богатств Московской державы; дело шло о внутреннем подрыве, об интервенции, о разделе великого государства».

«Картина крови»: замысел и воплощение

Не менее «доверчивыми», чем русские историки Н. М. Щербатов, В. О. Ключевский и Н. М. Карамзин, оказались и русские живописцы В. Г. Шварц, Н. С. Шустов и И. Е. Репин. Но если появление в 60-х годах XIX века картин Шварца и Шустова, изображавших Ивана Грозного, сидящего у гроба «убитого им сына», прошло почти незамеченным, то картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» с первого же дня публичного показа обрела скандальную репутацию. Что же подвигло живописца к написанию этой картины? Ответ находим в записках самого И. Е. Репина «Далёкое и близкое».

По воспоминаниям художника, впервые замысел картины возник как отклик на убийство в марте 1881 года императора Александра II народовольцем Игнатием Гриневицким и последовавшей за этим публичной казнью организаторов нападения. В своём творчестве художник много раз обращался к теме народовольцев. Его картины: «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Под конвоем. На грязной дороге», «Сходка», «Перед исповедью» отражали отношение художника к деятельности

членов террористической организации «Народная воля», взгляд которых на необходимость свержения самодержавия он полностью разделял. В лицах многих главных героев «народовольческой серии» не трудно угадать портретное сходство с их прототипом – самим автором картин. На казни народовольцев Репин счёл возможным присутствовать лично.

К мысли о написании картины художник снова вернулся, побывав на концерте Николая Римского-Корсакова: «Как-то в Москве в 1881 году я слышал новую вещь Римского-Корсакова – «Мель». Эти звуки завладели мною, и я подумал, нельзя ли воплотить в живописи то настроение, которое создалось у меня под влиянием этой музыки. Я вспомнил о царе Иване».

Идея написать картину окончательно завладела Репиным в 1883 году во время его путешествия по Европе, которое он совершил вместе с критиком Владимиром Стасовым. В Испании Репин присутствовал на корриде:

«Но никогда нигде на свете я не видел большего возбуждения толпы, как на бое быков. Толпа ревела, как море. Ладони трещали как митральезы и оскаленные зубы на загорелых рожах представляли живой ад. Владимир Васильевич (Стасов. – А.С.) принципиально не пошёл на это жестокое зрелище, а я думал только взглянуть, как это бывает».

Несчастья, живая смерть, убийство и кровь составляют такую влекущую к себе силу, что противостоять ей могут только высококультурные личности. В то время на всех выставках Европы в большом количестве выставлялись кровавые картины.

И я, заразившись, вероятно, этой кровавостью, по приезде домой сейчас же принялся за кровавую сцену «Иван Грозный с сыном». И картина крови имела большой успех».

Работал над полотном мастер с большим энтузиазмом. «Началась картина вдохновенно, шла залпами, – вспоминал он. – Чувства были перегружены ужасами современности... А наша ли история не даёт поддержки... Но всё, казалось, мало. В разгар ударов удачных мест разбирала дрожь, а потом естественно притуплялось чувство кошмара, брала усталость и разочарование... Я упрятывал картину с болезненным разочарованием в своих силах – слабо, слабо казалось всё это... Разве возможно... Но наутро испытывал опять трепет – да, что-то похожее на то, что могло быть... И нет возможности удержаться – опять в атаку. Никому не хотелось показывать этого ужаса... Я обращался в какого-то скупца, тайно живущего своей страшной картиной».

И далее: «Писал – залпами, мучился, переживал, вновь и вновь исправлял уже написанное, упрятывал с болезненным разочарованием в своих силах, вновь извлекал и вновь шёл в атаку. Мне минуты становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал её. На моих друзей она производила то же впечатление. Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над ней».

В 1884 году отмечалось 300-летие со дня преставления Ивана Грозного. К этой дате работа Репина над грандиозной (199,5 x 254 см), написанной маслом картиной «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», была завершена. В 1885 году художник впервые показал картину своим друзьям, среди которых присутствовали Иван Крамской, Иван Шишкин, Николай Ярошенко. Тогда Крамской выразил мнение всех присутствующих: «Нас охватило чувство совершенного удовлетворения за Репина».

Однако, когда полотно было представлено на XIII выставке Товарищества передвижных художественных выставок, проходившей в Санкт-Петербурге с 10 февраля по 17 марта 1885 года, вокруг картины разразился скандал. Единым фронтом против показа картины публике выступили Академия художеств и Святейший Правительствующий Синод в лице Обер-прокурора, профессора права Константина Петровича Победоносцева (1827-1907). Обер-прокурор был крайне возмущён её сюжетом, в котором вымысел выдавался за факт, и написал императору Александру III:

«...на передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство: Иоанн Грозный с убитым сыном... Эта картина просто отвратительна... Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент... чисто фантастический».

Профессор анатомии Императорской Академии художеств Фёдор Ландцерт (1833-1889), беседуя с учащимися Академии о картине Репина, высказал такое суждение: «Художник впал в шарж и непозволительное безвкусие, представив вместо Царского облика какую-то обезьяноподобную физиономию. В сознании каждого из нас, на основании впечатлений, вынесенных из чтения исторических повествований, из художественных пластических или сценических воспроизведений личности Иоанна Грозного, составил известный образный тип этого Царя, который не имеет ничего общего с представленным на картине господина Репина».

В марте выставка из Петербурга переехала в Москву, и с 28 марта по 21 апреля 1885 года проходила в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В конце апреля Императором Александром III публичный показ картины был запрещён. Павлу Михайловичу Третьякову запрещалось показывать приобретённую им картину «в помещениях, доступных публике... не допускать для выставок и вообще не допускать распространения её в публике какими-либо другими способами».

Но спустя всего три месяца, 11 июля 1885 года, под давлением общественного мнения, сформированного представителями интеллигенции, а также благодаря ходатайству близкого ко двору друга художника, академика Алексея Боголюбова запрет на показ картины был отозван.

Как считал поэт Максимилиан Волошин, «её временные запрещения были вызваны вовсе не соображениями порядка государственного, а какими-то опасениями характера общественно-

психологического, которые было трудно формулировать. Поэтому, в конце концов, она была разрешена».

Впечатления от увиденного

Народ хлынул в Третьяковскую галерею, чтобы увидеть картину, уже успевшую наделать столько шума. Сразу став центром внимания, полотно вызвало бурную и неоднозначную реакцию зрителей. Вероятно, для того чтобы усилить эффект от увиденного, в зале, где экспонировалась картина, организаторы выставки распорядились разостлать огромный кроваво-красный ковёр. И цель была достигнута. Приходя в ужас от созерцания кровавой сцены, многие зрители сразу же покидали зал, кто-то бился в истерике и падал в обморок, кто-то ругал и возмущался, кто-то хвалил и восхищался. Да, мнения были разные. Единство было только в одном – картина никого не оставляла равнодушным.

«Свойство этой картины таково, – писал М. Волошин, – почти никто не останавливается перед ней подолгу. Она не столь потрясает, сколько ошарашивает зрителя и лишает его мужества рассмотреть её подробнее. Она вызывает истерики с первого взгляда. Перед нею можно видеть дам, вооружённых флаконами с нюхательной солью, которые, поглядев, закрывают глаза, долго нюхают соль и потом решаются взглянуть снова. Многие проходят через комнату, где она висит, отворачивая и закрывая глаза... Впечатление, произведённое картиной Репина, безусловно, вредно... О нём говорят прошлогодние доклады учителей городских училищ, констатирующие особое нервно-возбуждённое состояние детей в течение нескольких дней после посещения Третьяковской галереи».

Но дети, как и взрослые, реагировали на картину по-разному. Так, сын великого Князя Константина Константиновича Романова (поэта К.Р.- А.С.) Гавриил Константинович вспоминал: «Будучи в Москве, мы осмотрели и её и, конечно, побывали в знаменитой Третьяковской галерее... Очень сильное впечатление произвела на меня картина Репина, висевшая одна, в отдельной зале, и изображающая убийство Иоанном Грозным Своего Сына. Я с трудом от неё оторвался».

«Многое, – писала искусствовед О. А. Ляскова, – свидетельствует о том, что современники художника сделали все общественно-социальные выводы, на которые их толкало содержание картины Репина...».

«Ещё нигде не описаны те переживания революционеров, – вспоминал один из ближайших сотрудников Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, – те клятвы, которые давали мы там, в Третьяковской галерее, при созерцании таких картин, как «Иван Грозный и сын Его Иван»... как та картина, на которой гордый и убеждённый народоволец отказывается перед смертной казнью принять благословение священника».

Приходили в восторг от созерцания картины и представители творческой интеллигенции. Так, художник Иван Крамской в письме журналисту Суворину с восторгом писал: «И как написано, Боже, как написано! В самом деле, вообразите, – тьма крови, а Вы о ней и не думаете, и она на Вас не действует, потому что в картине есть страшное, шумно выраженное отцовское горе и его громкий крик, а в руках у него сын – сын, которого он убил!».

После возвращения с выставки русский певец Фёдор Шаляпин восклицал: «Считаю себя счастливым жить вместе в одно время с дорогим Ильёй Ефимовичем и горжусь принадлежать к его эпохе!».

Лев Толстой пишет Репину: «Третьего дня был на выставке и хотел тотчас же писать Вам, да не успел. Написать хотелось вот что – так, как оно казалось мне: молодец Репин, именно молодец. Тут что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель. На словах многое бы сказал Вам, но в письме не хочется умствовать. У нас была геморроидальная, полоумная приживалка-старуха, и ещё есть Карамазов-отец. Иоанн Ваш для меня соединение этой приживалки и Карамазова. Он самый плюгавый и жалкий убийца, какими они должны быть, – и красивая смертная красота сына. Хорошо, очень хорошо...».

Восхищался картиной и друг художника, писатель Всеволод Гаршин, позировавший Репину при написании образа царевича Ивана: «Да, – писал он, – такой картины у нас ещё не было, ни у Репина, ни у кого другого, – и я желал бы осмотреть все европейские галереи для того только, чтобы сказать то же про Европу. Представь себе Грозного, с которого соскочил царь, владыка, – ничего этого нет: перед тобой выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара на минуту стал человеком...».

Я рад, что живу в то время, когда живёт Илья Ефимович Репин. У меня нет похвалы для этой картины, которая была бы её достойна!».

Русский историк, почётный член Петербургской академии наук, И. Е. Забелин (1820-1908), писал: «Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах и идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем... Вся наша история есть тёмное царство, варварство, суесвятства, рабство и так дальше. Лицемерить нечего: так думает большинство образованных русских людей».

Разрушительная сила
или «жертвы репинского произведения»

По словам Репина, «несчастья, живая смерть, убийства и кровь составляют ... влекущую к себе силу...». И, как показало время, силу разрушительную.

«В лице Гаршина, – вспоминал Репин, – меня поразила обречённость: у него было лицо человека, обречённого погибнуть. Это было то, что мне нужно для моего царевича».

И Гаршин вскоре действительно погиб. Он сошёл с ума и в приступе безумия бросился в лестничный пролёт.

Кроме Гаршина при написании образа царевича Репину позировал художник Владимир Менк. Для создания образа Ивана Грозного мастеру позировали известный художник Григорий Мясоедов и композитор Павел Бларамберг.

После того как Репин написал свою самую знаменитую картину, художник Мясоедов в беспричинной ярости чуть не прикончил своего маленького сына, тоже Ивана.

За время работы над картиной здоровье Репина сильно подорвалось: начала сохнуть правая рука, а после завершения картины рука отнялась. Художнику пришлось учиться писать левой рукой. У друзей Репина были все основания опасаться и за психическое здоровье художника.

Спустя четверть века после создания знаменитой картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» Репина снова влекут «тьма крови», страдание, смерть... В 1909 году по заказу банкира Павла Рябушинского он пишет второй авторский вариант картины, которому сам художник дал название «Сыноубийца». Теперь на холсте появились черты модернистской живописи. Ныне картина находится в Воронежском областном художественном музее имени И. Н. Крамского.

В январе 1913 года газеты сообщали: «В Третьяковской галерее, по Лаврушинскому переулку, имел место следующий небывалый случай: была изрезана известная картина Репина – «Убийство Иоанном Грозным своего сына...». Молодой старообрядец-иконописец Абрам Балашов, сын крупного мебельного фабриканта, набросился на картину с ножом, со словами «Кровь! К чему кровь! Долой кровь!» и исполосовал центр картины – лицо царя Ивана и голову наследника. Вандаля признали невменяемым и отправили на лечение в психиатрическую больницу».

Узнав о порче картины, хранитель Третьяковской галереи Георгий Хруслов бросился под поезд.

Поэт Максимилиан Волошин обвинил в случившемся прежде всего самого художника: «Поступок Абрама Балашова нельзя принять за акт банального музейного вандализма. Он обусловлен, он непосредственно вызван самой художественной сущностью репинской картины».

Выступая с докладом на диспуте, в котором Репин принял участие, Волошин говорил: «Иллюзия личной безопасности, на которой построена вся европейская культура, настолько отучила нас от зрелища крови и смерти, что, с одной стороны, сделала их для нас в десять раз ужаснее, а с другой – пробудила в глубине души тайное стыдное любопытство... В лице Балашова мы имеем дело не с преступником, а с жертвой репинского произведения... Его вина в том, что он поверил Репину вполне...».

Поэт предложил убрать картину из Третьяковки и передать её в европейский «паноптикум» скандальных картин.

Заметка из Петербургского листка: «В течение 10 последних дней в Петербурге раскупили все открытки с репродукцией картины И. Е. Репина, изрезанной в Москве. Оптовые торговцы открытками заброшены заказами по телеграфу из провинции, причём дают двойную цену».

В ходе реставрационных работ Репин пытался переписать повреждённый участок картины в своей новой (поздней) манере. Известный реставратор Игорь Грабарь смыл новые краски Репина и сделал «всё как было». Из воспоминаний Грабаря:

«Хорошо зная страсть Репина к переписыванию своих картин – он как раз в это время переписывал к худшему свою прекрасную вещь «Явленная икона» – я имел все основания опасаться за целостность обоих голов изрезанной картины, всё ещё прекрасных, несмотря на зиявшие белой меловой подготовкой места ранения. Когда я вошёл в комнату, где была заперта картина, и увидел её, я глазам своим не поверил: голова Грозного была совершенно новая, только что свежее написанная сверху донизу в какой-то неприятной лиловой гамме, до ужаса не вязавшейся с остальной гаммой картины. Медлить было нельзя – краски могли к утру значительно затвердеть. Узнав, что Репин писал на керосине – он давно уже заменил им скипидар прежнего времени, – я тут же сначала насухо, потом с керосином протёр ватой все прописанные места, пока от утренней живописи не осталось и следа и полностью засияла живопись 1884 года...».

И мастерски отреставрированная Грабарём картина снова заняла своё место в постоянной экспозиции в Третьяковской галерее. Кроваво-красное напольное покрытие на этот раз решили не стлать.

Когда картина была полностью отреставрирована, Московская городская управа выразила Репину благодарность за безвозмездную работу по реставрации картины. Репин не стал отрицать своего «участия» в реставрации картины и ответил управе:

«Ваше внимание к моему труду по восстановлению растерзанной картины «Иван Грозный и сын его Иван» меня глубоко тронуло. А решение управы, как я слышал, покрыть стёклами картины Третьяковской галереи даже большого размера очень успокаивает; если блеск стёкол и будет несколько мешать виду картин, зато сохранятся они идеально». *Новое время, 15 (02) марта 1913*

Но Репин ошибся.

Экологические страницы.....**Лев РЯБЧИКОВ**

г. Симферополь, Крым

Президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева. Директор Крымского регионального отделения Литературного сообщества писателей России. Лауреат международной премии им. М. А. Шолохова в области литературы и искусства. Заслуженный деятель искусств и лауреат Государственной премии Республики Крым. Редактор изданий военно-патриотического проекта «Солдаты Победы». Автор более двух десятков книг поэзии, прозы и публицистики.

В Крым надо ездить, чтоб лечиться его красотой

Многие ныне кипят возмущением, наблюдая лично или на телеэкране, как в крымских городах выкорчёвывают вековые деревья, что похоже на отношение к ветеранам в нашем обществе. У иных наворачивались слёзы на глазах, когда ТВ беспристрастно показывало, как захламлинные реки в Керчи и Ялте, переполненные ливневой водой, вышли из берегов и понесли по улицам, волоча годами в них сваливаемые отходы и разбрасывая их по подвалам и подъездам домов, в которых живут те, кто превратил русла в свалки.

Природа наконец-то возмутилась. Вы разделяете её возмущение? Считаете, что надо что-то предпринимать? Рекомендую за советами обратиться к книгам мудрого крымского поэта и краеведа Владимира Терехова. Первым делом, наверное, следует прочитать его последний капитальный труд – без малого 750-страничный том краеведческих очерков о прибрежном Крыме «Берега полуострова Тавриды», чтобы глазами автора взглянуть на красоты и богатство полуострова и, поняв, в каком сказочном царстве Её Величества Природы мы живём, проникнуться тревогой за его судьбу.

От него можно перейти к более раннему путеводителю «Там, за Демерджи», самому, на мой взгляд, лирическому краеведческому произведению Владимира Терехова, в котором тоже чётко сказано, что надо делать, как себя вести, чтобы не навредить главному достоянию Крыма.

После этого издания, считаю, надо углубиться в книгу «За перевалом перевал». Это воинствующее творение настолько перепугало киевских чиновников, что они распорядились уничтожить весь тираж уже отпечатанной в 1983 году книги, и она с дополнениями увидела свет только в 1991-м, в последнем году существования СССР.

Кому ты – Крым,

А мне ты – Родина! –

эти строки тоже уже покойного поэта Валерия Субботенко поставлены в эпиграф не случайно. Крым для Владимира Терехова именно родина, любимая и единственная. Впечатление о ней и познание её накапливались у него с детских лет. Он обошёл всё её побережье, горы, леса, пообщался, можно сказать, с каждой скалой, с каждым деревом почтенного возраста, с каждой полянкой в лесу, с каждой речкой, с каждым родничком. Книга о полуострове Тавриде писалась долго, с большими перерывами, хотя значилась в планах издательства «Таврия» с середины 80-х годов. «За это время, – говорится в «Зачине» к тому, – изменилось не только отношение к Крыму, но и люди, населяющие его... Изменилось понимание «Крыма», по мнению автора, не в лучшую сторону. Но «не изменилось главное – место Крыма на лике Земли и в сердцах десятков, а то и сотен миллионов людей. И хочется беречь это место и прежние понимание. Или хотя бы память о них...»

Изданным своё главное детище автор уже не увидел. Но многим процитированные выше слова, уверен (может быть, подсознательно), лезут в душу. И пробудится тревога за Крым, который упорно застраивают, меняют очертания его берегов (например, ту же неповторимую Бакальскую косу!), замусоривают, отгораживают для личного пользования. И если это не прекратить, не дать хапугам по рукам и по загривку, то через достаточно недолгое время от Крыма останется только его название и воспоминания о неповторимой его природе.

Ситуацию очень обострённо воспринимал Владимир Павлович и неустанно призывал беречь этот орден на груди планеты, «волшебный край, очей отраду», его природу, его целебную красоту, его историю, его таинственные загадки. Много чего надо беречь... Всё, всё! Начиная от Ворот, с перешейка, по которому прежде все вступали или въезжали на полуостров (теперь эту функцию (какое казённое словцо!) выполняет самый протяжённый в Европе Крымский мост, соединивший кубанское побережье с восстановившей свой российский статус Тавридой).

Время от времени войска вторгались в Крым, обходя Перекопские укрепления, через Сиваш, шлёпая по солёной воде, покрывающие вязкое дно. Сколько народов перебивало в Крыму, вращая в него и ассимилируясь с ранее пришедшими и осевшими на его благодатной почве. В главах о Северной Таврии более 150 страниц отведено многовековой истории земли Крымской и тем, кто, независимо от времени поселения в ней, являются коренными народами. У краеведа свой взгляд на историческое прошлое и нынешние времена, и он весьма обоснованно оспаривает утвердившие представления о некоторых событиях.

Если даже только перечислять памятные места и памятники природы, которые значатся на маршруте путешествия краеведа, то пришлось бы занять ими несколько десятков страниц. Поэтому позвольте мне обратить внимание на некоторые из них, как показалось, выделенные и самим автором. К примеру, очень интересно рассказано о перекопских соляных промыслах. Читал и много слышал об этих озёрах и чумаках, развозивших их соль по всей России и за рубеж. Книга существенно пополнила эти знания. Оказывается, «Перекопье» подобно вогнутой дуге, состоящей из

разных горных пород и выходящей своими краями за пределами Сиваша и Каркинитского залива Чёрного моря. Веками в ней скапливались воды рек и дождевых потоков, и они в конце концов заполнили 8 озёр, самые известные из которых – Старое и Красное. За тысячелетия дно их покрыл слой ила толщиной от 4 до 8 метров. А в воде постепенно стала концентрироваться соль, и ещё до нашей эры ею стали пользоваться люди. Со временем наладился её промысел, и солью, признанной лучшей в той же Европе, стали торговать, а доходы от её продажи поступали в казну местных властителей, в частности, крымских ханов. Для меня стало новостью то, что после вхождения Крыма в состав Российской державы правом распоряжаться добытой солью был наделён устроитель новой жизни на полуострове светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, деятельностью которого я давно интересуюсь.

В своё время я, как, наверное, и автор «Брегов полуденной Тавриды», обошёл по периметру Казантип, в прошлом рифовый остров, а ныне мыс, вдающийся в Азовское море, и убедился, что он действительно своего рода природный казан, сформированный дождями, ветром, просадками почвы. Стояло тогда жаркое утро, навстречу мне неслась саранча, отъевшаяся до размера воробьёв, и больно била меня по лицу. Внизу на берегу бухточки разложили костёр рыбаки и варили уху, о чём свидетельствовал доносящийся вкусный запах. На скалах, прильнувших к берегу, шумели птичьи базары. В «Казане» гудел насос, видимо, качавший нефть, которая была тут найдена, но в небольшом количестве, и её добывали для местных нужд. Мыс со стороны моря огибал просторный пляж, засыпанный бархатистым песком. Раздолье для любителей загара и очень тёплой морской воды!

С Казантипом, как подробно рассмотрено в книге, связан подъём общественного самосознания крымчан, возвысившегося до коллективного требования восстановления на полуострове республики и возвращения её в состав России. В начале 80-х годов прошлого столетия было принято решение построить в Крыму, и именно в районе Казантипа, атомную электростанцию. Проект стройки был привязан к местности, но с пренебрежением того, что под ней проходит тектонический разлом, а также её высокой сейсмической активности, о которой свидетельствовали исследованные археологами руины древних поселений. Несмотря на возражения осведомлённых крымских учёных, строительство началось. Но тут произошла авария на Чернобыльской АЭС, взбудоражившая весь мир и, конечно же, Крым. Ведь такое может произойти и на объекте, ударно сооружаемом день и ночь, без перерыва. После взрыва ядерного топлива Крым перестал бы существовать как здравница на протяжении столетий, навсегда померкла бы красота его природы.

Массовое движение за прекращение создания «мирной атомной бомбы», как указано в томе, возглавила ассоциация «Экология и мир», в числе учредителей и активистов которой был и Владимир Терехов. Под выдвинутым требованием поставили подписи 300 000 человек. В сентябре 1989 году многокилометровая траурная процессия двинулась за чёрным гробом, символизирующим возможное будущее Крыма, к строящемуся корпусу атомного реактора. У входа в здание была вырыта могила, в которую и опустили гроб. В конце того же месяца Совет Министров СССР принял решение о перепрофилировании Крымской АЭС в учебный центр атомщиков, в котором тоже предусматривался действующий реактор. Но этого не случилось из-за событий, приведших к развалу Советского Союза и всего социалистического содружества.

А ток на Казантипе вырабатывает ветровая электростанция. До 1995 года выдавал его и построенный по соседству научный полигон – солнечная электростанция. Но начавшийся разгул вседозволенности положил конец перспективному эксперименту – огромные зеркала СЭС растащили, спустили вниз поднятый на высоту 80 метров паровой котёл и тоже приватизировали...

В книге сосредоточено огромное количество познавательных фактов, живописных портретов памятников природы, истории, культуры, оценок деятельности людей во всех сферах жизни полуострова. Пересказывать их – дело неблагодарное, всё равно лучше автора не скажешь. Рискну лишь, минуя восточное, южное и большую часть западного побережья полуденной Тавриды, оказаться на отдалённом от курортных центров Тарханкуте. Здешние места на отдельных участках близки к первобытному состоянию. Сюда едут провести время любители экзотического и экстремального отдыха. Подтягиваются и те, кто предпочитает немногочисленные пляжи и чистую морскую воду. Юные пары приезжают нырнуть в «ванну любви», что, как утверждают знатоки, усилит их чувства друг к другу. Когда-то, рассказывает автор книги, купол большого карстового зала провалился, и теперь в этой купели можно плавать, нырять в неё с высоты, подныривать под арку в сторону моря и тем же путём возвращаться. Летом тут многолюдно. И мы с женой однажды постояли возле, но прыгать в неё, взявшись за руки, не стали, не потому, что страшно, а потому, что по возрасту превосходили молодых людей, которые, зажмурившись, ухали в тёплую воду «ванны любви».

Владимир Терехов особо выделил два здешних незаурядных места – Атлеш Малый и Атлеш Большой. Их бухты защищены мысами от набегов бурных волн. Но море всё равно соединилось с бухтами, высверлив в скалах сквозные тоннели. Они, сам ощутил, производят большое впечатление на тех, кто передвигается по ним на лодке или вплавь. В Большом Атлеше тоннель просторен и по высоте напоминает арку. А тоннель в Малом Атлеше тесный и протяжённостью около 100 метров. Когда плывешь по нему, вспоминается, как корабль Одиссея проскочил между со скоростью смыкающимися скалами. Вдруг и тут стенки сомкнуться? Не сомкнулись – сработаны морем надёжно. Прежде здесь занимались масштабным рыбным промыслом. Наблюдали со скал за перемещением косяков, извлекали из моря сети, наполненные живым серебром. Сейчас оба Атлеша – объекты туристических экскурсий. По выдолбленным в скале ступеням можно подняться наверх, откуда хорошо просматривается Тарханкутский маяк, особенно необходимый для тутошнего оживлённого

мореплавания. Утверждают, что он, в ином виде, конечно, существовал с тех пор, когда древние эллины начали селиться на побережье полуострова. Мне рассказывали, несколько иначе, чем в книге, что, убегая из Крыма, гитлеровские вояки заминировали маяк с тем, чтобы из отдаления взорвать его. Когда враги ушли, местные пацаны, наблюдавшие за ними, перерезали провод. Маяк уцелел.

Достаточно много места в этом солидном издании отведено этому особому району Республики Крым. Почитайте – узнаете много интересного. А я, как и намечал, беру в руки небольшой томик под названием «Там, за Демерджи».

Это вышедший в 1988 году вторым изданием путеводитель по горам в преддверии крымского Южного бережья. Внимание всякого при подъезде к Алуште обращено влево на скалу, напоминающую голову женщины. Слышится: «Это голова Екатерины. Сама природа создала её изображение». Всем понятно, что речь идёт о Екатерине Второй, при которой Крым воссоединился с Россией. Это природное изваяние находится на горе Демерджи, завершающей с южной стороны горный массив Демерджи. Чего только нет в его каменной «коллекции»! Достаточно назвать Долину Привидений и водопад Джур-Джур... Удивительно ли, что автор путеводителя, в юную пору побывав здесь, прикипел к этим горам всем сердцем. Вот что он сам об этом написал: «Я давно уже знаю многое из того, что должен знать взрослый человек... знаю даже несколько больше, поскольку профессия моя одно время имела прямое касательство к геологии. И, тем не менее, я всё ещё не потерял удивления перед горой, удивления почти детского, выражающегося словами: «Вот это да!» Нельзя сказать, что, кроме Демерджи, я других гор не видел... Их вершины гораздо выше Демерджи, роскошнее и грандиознее. Но всё равно я продолжаю удивляться своей горой и восхищаться ею». Краевед признаётся, что написал книжку для того, чтобы и другие увлеклись ею, проследовав по маршрутам, проложенным им через леса и горы. Но, оговаривается Владимир Терехов, он не приглашает следовать за ним тех, кто «выходит на природу» для того, чтобы пошуметь, поесть, выпить, повалять дурака, покидать в родники отходы от трапезы «на лоне».

Снова его цитирую: «Охота пуще неволи. Хочется швырнуть, поддать ногой пустую консервную банку, хочется скатить по склону слабо лежащую глыбу, хочется трахнуть об камень пустую бутылку, чтоб только брызнуло! Хочется окурочить швырнуть этак позаковыристой куда-нибудь к чёрту! Хочется костёр разжечь, хочется топором потыкать в дерево – просто так. Благо, оно сдачи не даст... По туристским тропам народу ходит больше, чем деревьев растёт вокруг. Ткни каждый топором по стволу – леса и не станет».

Только люди беспокоящиеся, как бы не навредить природе, вправе, по его убеждению, подняться на вершину Демерджи, с которой открывается потрясающий душу вид на всё побережье от Алушты до Судака, необозримый простор моря. «И сердце будет биться не только от подъёма в гору, но и от любви к родной земле, от гордости за неё».

Второе издание «Там, за Демерджи» вышло после того, как, по распоряжению Госкомиздата Украинской ССР, был уничтожен тираж книги «За перевалом перевал» из-за её заострённо критической направленности. Но вскоре был запущен механизм так называемой «перестройки», нацеленной на развал СССР путём якобы демократических преобразований, а на самом деле перенастраивания мозгов населения бесконечной болтовнёй, именуемой «гласностью». И Владимир Терехов, пользуясь этим обстоятельством, дополняет путеводитель заключительной главкой с весьма актуальным (особенно для нашего времени) названием «Пожалейте родничок», словно предчувствовал предстоящую водную блокаду Крыма.

Ещё в советскую пору было запрещено разводить в лесах костры. Ныне, в обстановке повышенной пожароопасности, запрещено даже посещать леса, хотя любители поесть шашлыки с лесным дымком запреты игнорируют. И надо таких любителей облагать беспощадными штрафами. Повторю сказанное на этот счёт Владимиром Павловичем: «Отдыхать на природе будем не так, как нам хочется, а как это будет безвредно для природы. И любовь к природе в наших детях будем воспитывать не у костра и без топора в руках». Он писал это, когда стало уже совершенно очевидно, что «природа Крымских гор нуждается лишь в одном – в отдыхе и лечении».

А проявление её нездоровья всё приметнее. Несколько лет назад меня привезли на Грушевое озеро под Симферополем. В обрамлении зарослей дикой груши оно выглядело как нечто пасторальное. Бесчисленный рыбный народ, гуляя, слегка морщил водную гладь, по которой неторопливо дрейфовали лебеди. На берегах, укрытые в елях, дремали домики для любителей рыбной ловли, которые наезжали в этот тихий уголок по выходным. Взволнованный этой красотой, я написал несколько стихотворений. Одно из них завершалось такой картиной:

Дорожкой лунной по воде
Иду я к спальне лебедей.
Спят... Мир вокруг притих –
Ничто не потревожит их.
Глядится небо в озерцо –
Всё в звёздах озерца лицо.

И вот вижу в новостях ТВ то же озеро, превратившееся в заросший тиной пруд, давно отступивший от своих прежних берегов. Комментатор говорит, что большая часть рыбы в нём погибла, потому что вода отравлена сбросами каких-то предприятий, но и такую её без ограничений качают на полив садов и огородов соседнего села и дачных посёлков. За что же мы так ненавидим свою мать Природу, а, следовательно, и самих себя?!

Книгу о Горном Крыме «За перевалом перевал», как уже было сказано, сначала уничтожили, а потом снова напечатали 30 лет назад, перед развалом Советского Союза и образования незалежной

Украины. «Экологические проблемы не знают государственных, классовых, этнических, узкорегиональных границ – горький опыт Чернобыля говорит об этом, об этом говорит явление кислотных дождей. Поэтому книга, посвящённая Крыму, имеет звучание гораздо более универсальное. Особенно расширяет значение книги то обстоятельство, что Крым является всесоюзной здравницей и центром международного туризма, – справедливо отметил во вступительном слове к изданию тогдашний директор Института мировой литературы, литературный критик Феликс Кузнецов. – Но и сегодня не исчезла ни одна из проблем, пожалуй, они стали ещё острее; не устарело ни одно её слово, тем более, что автор над книгой поработал, освежил, осовременил...»

Сам автор, наученный горьким опытом, в своём вступлении достаточно сдержан. Крым, по его словам, находится «на оживлённом пути производственного, технического прогресса, который холоден к сантиментам, презирает сомнения, ценит лишь твёрдость и пользу. Его неумолимый принцип – покорить, утвердиться, взять... Говоря об агрессивности технического прогресса, нужно иметь в виду, что, кроме него, существует прогресс общекультурный, прогресс нравственный, существует духовный прогресс, наконец. Именно они призваны... избавить цивилизацию от примата технологии, сделать технический прогресс подлинным слугой народа. Главной заповедью прогресса должно быть правило: «Не повреди». Но это правило до сих пор ещё не осознано в должной мере теми, в чьих руках производство...»

Когда он это писал, ещё теплилась надежда двинуть вперёд «духовный прогресс». И тогдашние политики с высоких трибун это обещали. Теперь же «главная заповедь» технического прогресса не то, что «ещё не осознана в достаточной мере», но он, так называемый прогресс, и не думает её осознать. Растут объёмы выработки в карьерах, где скалы обращаются в щебень, экскаваторы сгребают с пляжей песок, и самосвалы увозят его на стройки с полуострова и с отдалённых регионов. Ради извлечения прибылей на побережье у моря сооружают «бунгалo» для времяпрепровождения, в парках – памятниках ландшафтного искусства – выкорчёвывают редкие деревья, чтобы построить прибыльную здравницу. Возмущённое местное население успокаивают заверениями: «Всё восстановим... чуть поодаль». Врут – живые памятники природы невозможно восстановить, как не смогли при всём желании восстановить некогда вырубленные заповедные леса в Горном Крыму. На их место что-то выросло, но явно не то.

Начальствующих особ в книгах Владимира Терехова шокирует то, что он провозглашает главным достоянием Крыма его природную красоту, духовно оздоравливающую людей, избавляющую от недугов, прибавляющую им жизнестойкости. А как же рекреационные ресурсы полуострова? Ведь именно с расчётом использования их на полную катушку 500 (на то время) министерств, ведомств, солидных учреждений заполнили побережье своими санаториями, пансионатами, туристическими комплексами! Увы, отвечает краевед, рекреационные ресурсы близки к истощению. В частности, все вносят свою «лепту» в отравление морских вод. В их числе гиганты химии на Перекопе, сельское хозяйство, использующее химические подкормки, добытчики полезных ископаемых на шельфе, флот... Поджигают и курортников. «Ныне на самую популярную часть крымской курортной зоны приходится не более 1,5 тысяч квадратных километров, говорится в книге. Представляете, как бывает переселена эта территория в пик курортных страстей. Это одна сторона. А вот другая: каждый турист ежедневно «вырабатывает» не менее 2,5 килограммов мусора, всего в целом по Крыму – 20 тысяч тонн. Если принять, что каждый отдыхающий живёт в Крыму хотя бы полмесяца, получается 300 тысяч тонн...» Стихийные свалки, замусоренные биваки туристов уродуют не только пейзаж, от попадания в пищу брошенного пластика, осколков посуды всё чаще гибнут и домашние, и дикие животные. Ливни сносят с побережья этот мусор и в море.

Удивительное существо человек, размышляет писатель, ведь многое, что он делает, причиняет ему вред, усложняет ему жизнь, вызывает болезни. Он перечисляет: извели леса – лишились воды; распахали склоны – эрозия съела поля; забрали на стройки песок и гальку с пляжей – море подмывает набережные и дома. Мы это ныне наблюдаем в Крыму и даже уже привыкли. Ну, снесли старые деревья с улиц Симферополя, но ведь посадили новые. Благодушные мы – пройдёт время, и будем вспоминать деревья, которые были большими, а посаженные вместо них такими не вырастут.

К чему приходит наше, человеческое, равнодушие? К всепланетным катастрофам. В книге приведены жуткие примеры. Ежегодно покрываются новостройками 3 000 000 квадратных километров суши; ежегодно раскорчёвываются 300 000 квадратных километров лесов; ежедневно исчезает с лица Земли один вид растений или животных... Примеры можно продолжать. Всё это происходит нашими усилиями на нашей планете. Крым – крошечная частица её, но одна из самых живописных. И одно выкорчеванное в нём дерево равноценно соскоблённому мазку с полотна великого художника.

Владимир Терехов считал своей главной задачей как писателя и краеведа подвигнуть людей на сохранение Горного Крыма для Вечности. Написав эти книги, он её выполнил. Наш долг, по примеру писателей Забайкалья, вставших на защиту Байкала и заповедных мест вокруг него, донести вложенные в эти издания любовь и тревогу до тех, кто воспринял бы их и стал его последователем в этом деле. Для начала, на мой взгляд, надо не ограничиваться традиционными Тереховскими чтениями, а периодически проводить в местечках по маршруту «Брегов полуденной Тавриды» встречи писателей и специалистов с населением, чтобы знакомить его с воинственным наследием защитника крымской природы. И, по возможности, формировать отряды волонтеров движения «Сохраним Крым для потомков».

P.S. Судя по наводнениям и пожарам, разбушевавшимся повсеместно, терпение нашей матери-Природы, как и предсказано краеведом, подходит к концу.

Поэты конца советской эпохи.....

Подлинная история писателя содержится в его книгах, а не в фактах биографии.

Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) — английский писатель

Альфа и мера Михаила Анищенко

Михаил Всеволодович Анищенко-Шелехметский

(9 ноября 1950 — 24 ноября 2012, Шелехметь) – поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России.

Жил в Куйбышеве (ныне Самара). Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, помощником мэра, журналистом.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Был учеником известного поэта Юрия Кузнецова.

Печататься начал в семидесятые годы прошлого столетия.

За первую книгу получил Всесоюзную премию им. Н. Островского.

24 ноября 2012 года Михаил Всеволодович Анищенко умер в Самаре от сердечного приступа в возрасте 62 лет.

Суд Синедриона

(мистерия-триптих)

Часть вторая

1.....
.....
.....
.....

2. Снова ночь на земле – непомерна и неодолима.
Моисеев закон – твёрже сердца и крепче казны.
Ночь входила в жилища уснувшего Ершалаима,
И незримый огонь оплавлял перелётные сны.

3. А в ночи, во дворце, во владениях Анны-Ганана
Медным холодом глаз обрастал, словно инеем дом;
И в мерцанье свечей поднимался стеною тумана
Неподвластный душе настороженный Синедрион.

4. От стены до стены – седовласые гордые старцы.
От окна до окна – ненавистные Риму вожди.
Фарисеи стояли, готовые разом взорваться,
Саддукеи сидели, прижав отвращенье к груди.

5. В темноте, во дворце, во владениях Анны-Ганана,
Где высокая служба по датам заветным текла,
Было много надежд и заветов, и лжи, и дурмана,
Только чистого воздуха – было не больше глотка.

6. Иисус задышался и воздух ловил, словно рыба,
Иисус понимал, что грозит ему завтра с утра;
Он качал головой, и вздыхал, и печалился, ибо
Всполошился петух, и сбылось отречение Петра.

7. И с небесной тоской, и со злостью упавшего грифа,
В драгоценных одеждах, в сиянье подземных камней,
Из тумана и тьмы проступал, словно айсберг, Каифа,
Охранитель и царь золотых иудейских корней.

8. И стоял Иисус в серебристой накидке тумана,
И горели всю ночь за спиной Иисуса мосты;
И молчанье его было Богу открыто, как рана,
Но Каифа не мог запустить в эту рану персты.

9. Иисус словно спал, опуская усталые плечи;
Он клонился всем телом на дно золотой западни;
И когда он вдыхал – угасали лампы и свечи,
А когда выдыхал – ещё ярче горели они.

10. И Каифа взошёл на помост из ливанского кедра,
Как змеиною кожей, крахмальной одеждой шурша;
За спиной его затаила дыхание вера,
Над его головой негасимо светилась душа.

11. И Каифа сказал: «Завершаются речи и встречи.
Скоро ты замолчишь, ускользящий воздух лова,
Как отныне молчит голова Иоанна Предтечи,
И как Лазарь молчит, перед смертью проклявший тебя.

Ты зовёшь за собой – от домов и мычащего стада,
Ты желаешь, чтоб я был покорен и гол как сокол;
Объясни же, сынок, для чего и кому это надо,
Объясни же, сынок! И садись вместе с нами за стол!»

12. Дом стоял и дышал, и светился в ночи, словно призма,
И рвалось полотно неделимой когда-то судьбы.
Фарисеи – столпы беспросветного патриотизма,
Саддукеи – бобры, подгрызавшие эти столпы.

13. И Каифа сказал: «Ты – туман бездорожья, ты – морок!
Ты забыл свою мать, и отца не считаешь отцом!
Ты смутил гольтьбу, тебе дом Моисеев не дорог,
И чужие черты ты скрываешь под нашим лицом!»

14. И Христос побледнел, и по склону тоски покатился,
Но припомнил тот шторм, достающий волнами луну,
А ещё он узрел, как в тот вечер рыбак усомнился,
Усомнился рыбак и пошёл, словно камень, ко дну.

15. Но молчал Иисус, как молчит роковое раздумье,
Как святых книг – под песками прошедших веков,
Как дороги молчат перед бездною тьмы и безумья,
Как молчит многоточье, познавшее истину слов.

16. И Каифа сказал: «Наша жизнь – это жёны и дети.
Говори, отчего одинок ты до эдаких лет?
Отвечай, почему никого ты не любишь на свете,
Нет жены у тебя, и возлюбленной, знаю я, нет!»

17. Но молчал Иисус. Духота всё сильнее морила.
Он стоял, как пастух, сиротлив, беззащитен и бос...
Как звезда над рекой, в его сердце стояла Мария,
И он чувствовал запах её беспросветных волос.

18. Он увидел вдали, на великом и горьком просторе,
Покосившийся дом и ушедшую из дому тьму
В час, когда перед ним волновалась вода, словно море.
И избитые ноги она умывала ему.

19. А затем волосами, по телу текущими грустно,
Вытирала она Иисусу смиренную плоть:
И в груди у него восходили озимые чувства,
Те, которые он обречён был до смерти полоть.

20. Обречённый на смерть от пылающих гневом устоев,
Необъятного неба заложник и вечный должник,
Он ушёл от неё, ничего для неё не устроив,
Он ушёл от неё, как под землю уходит родник.

21. Был полуночный час, и, как улья, созвездья гудели,
И шептала она, становясь на глазах ледяной:
«Я не знаю, родной, что случится с тобой в Иудее,
Но прошу и молю: не ходи в Иудею, родной!»

22. Он смотрел на неё, понимая её с опозданием,
На ладонях её он читал предречённую вязь;
И потом на коленях, под звёздами, под мирозданием,
Он стоял до утра, за неё сиротливо молясь.

23. И бледнел Иисус, говоря ей печально и строго:
«Отпусти меня, жено! Как птицу с руки – отпусти!
Ты весенний туман, я – упавшая с неба дорога,
И мне надо насквозь все соблазны земные пройти!»

24. И вздохнула она, и во тьму уронила объятья,
И сказала она, преклоняя колени во мгле:
«Жизнь твоя, Иисус, будет выше любого распятия,
Не ходи в Иудею. Подольше живи на земле!»

25. Он опять повторил: «Мариам! Ты и боль, и тревога!
Но не надо заклятий! Есть то, что зовётся судьбой!
Ты весенний туман, я – упавшая с неба дорога,
Я вина без прощенья, покуда я рядом с тобой».

26. «Отпускаю тебя! Отпускаю, но верю и знаю,
Ты сегодня со мною почувствовал нежность в груди.
Отпускаю тебя. И ушедшим тебя принимаю.
Поцелуй меня так! И вот так! А теперь – уходи!»

27. И она приняла всё, что он обозначил судьбою,
И она замерла над неясной ещё бороздой,
Где дышало зерно: «Я не знаю, что будет с тобою»,
И вздыхала земля: «Я не знаю, что будет с тобой».

28. И взглянул Иисус, словно птица летящая, длинно
На земные просторы, где стыло людское жильё;
И увидел Голгофу, где слёзы лила Магдалина,
И увидел Иуду, стоявшего подле неё.

29. Где-то камень вздохнул, где-то шут улыбнулся блаженно,
И опять на земле, словно это случилось во сне,
Не решился сказать Иисус: «Я люблю тебя, жено,
Я уйду, но вернусь. Не рыдай, моя жено, по мне!»

30. «Что же, дело твоё. Ещё миг – и проснётся долина.
Ты сказал – и пропал мой последний и главный вопрос.
Так иди же, Христос!» – и застыла в ночи Магдалина.
И очнулся Христос. И Каифу увидел Христос.

31. И Каифа сказал, словно бросил убитому саван,
И Каифа вздохнул, роковыми словами знобя:
«Для чего же хотел ты украсть Моисееву славу,
Для чего же ты к Торе решился прибавить себя?
О, я знаю! О да! Ты о славе мечтал, о короне,
Но безумные мысли тебя поедают живьём!
Ты нелеп и смешон. Отрубив неизбывные корни,
Ты не знаешь, сынок, для чего и зачем мы живём.
Мы живём на земле, как трава над родными гробами,
На земле, где живём мы, губу закусив досиня,
Ты, сынок, день за днём говоришь не своими губами,
Не своими глазами, сынок, ты глядишь на меня!»

32. И Каифа сказал: «Хороша ли, плоха ли идея,
Дело вовсе не в ней, это знают и пламя, и лёд.
Сердце мира одно, это сердце зовут – Иудея,
Оно бьётся во мне, но в тебе это сердце умрёт!
Я люблю, мой сынок, и овец, и скрипящие двери,
Мне нужны, словно воздух, мои кипарисы в дыму,
Виноградные лозы, идущие по воду дочери,
И я это, сынок, никогда не отдам никому!
Я люблю всех людей, пастухов, скобарей и поэтов,
Из людей моя плоть состоит, как из капель вода.
Я люблю даже пыль на страницах старинных заветов,
И я это, сынок, никому не отдам никогда!»

33. Но молчал Иисус, одиноко белея из мрака,
И качался во тьме разукрашенный золотом трон;
И почти не дыша, ожидая условного знака,
Был готов ко всему утомившийся Синедрион.

34. А Каифа кричал, словно гром, разгоняя химеры,
И случайных сомнений тотчас же сгорала трава;
И летели в ночи, как осколки разорванной веры,
Напоённые ядом, змеиным и прочим, слова:

35. «Мы живём, до конца отдаваясь земному сиянию,
Строим наши дома, греем руки над вечным огнём;
Неужели теперь за отъявленной рванью и пьянью,
Мы в твои палестины от этого мира уйдём?
Запад – смерть! А Восток? Иудеи не верят Востоку!
Лучше верить себе и кричать с вековечной тоской:
«Неужели врагу мы подставим не битую щёку,
Для того чтоб она уравнилась с побитой щекой?»

36. И Каифа сказал: «Мы живём, чтоб бороться с пороком.
Любим мы только то, что проверено нами давно.
Ибо сказано в Торе: «Не верьте прохожим пророкам»,
Ибо сказано в Торе: «Любите, что свыше дано».
Ты пришёл, как смутьян, словно варвар из царства Урарта,
Но свою эпопею ты больше не сможешь продлить!
Тора учит любить и отца, и невесту, и брата,
Так почто же ты хочешь всё это навек разделить?
Ты зовёшь за собой – от домов и мычащего стада,
От садов, от детей, от всего, что нам Богом дано;
Объясни же, сынок, для чего и кому это надо,
Объясни же, сынок! Есть и фрукты у нас, и вино!»

37. Но молчал Иисус, понимал Иисус, что в пути лишь
То большое, чего невозможно понять и объять,
Что уже открываются белые двери чистилищ,
Что уже ничего на земле не воротится вспять.

38. И Каифа сказал: «Не надейся, сынок, на спасенье!
Повидала Голгофа ещё не таких ловкачей!»
Но в глазах у него Иисус разглядел на мгновение
Свет отцовских очей, испытующих сына очей.

39. И Каифа во тьме, задавив, как гадюку, зевоту,
Иисусу сказал: «По делам мы тебе воздадим!
О, как просто, сынок, осквернил ты святую субботу,
Оживил мертвеца, но он только прикинулся им!
Ты искусно играл на тоске и предсказанном чуде,
Ты не царь, не мессия! Ты просто коварный игрок!
Да и хлеб, что вчера раздавал ты ликующим людям,
Может, отнял его ты у наших потомков, сынок?
Всё, чем жили отцы, позабыв, растоптав или предав,
Нашу жизнь осуждать всё равно ты, сынок, не спеши;
Ты не знаешь ещё, как, все боли земные изведав,
Мы восходим во тьму неизведанной нами души!
Ты не знаешь, что там? Нет, не ведает ты и не знаешь!
Отвечай же! Рыдай! Помолиться хотя бы изволь!
Нет, всё так же молчишь, о спасении не умоляешь,
Да способен ли ты хоть на время почувствовать боль?
Что я вижу? Слеза? Покатилась и тут же пропала...
Нет слезы, нет тебя, может быть, ничего уже нет?
Ты зовёшь нас туда, где живая нога не ступала,
Ну, а если там нет ничего – на две тысячи лет?»

40. Но молчал Иисус, и молчала душа его – пленница,
А рассвет уже был, как великой надежды звено,
Ибо знал Иисус: «Человек не умрёт, но изменится,
Если он, Иисус, и умрёт, и взойдёт, как зерно».

41. А потом Иисус, не познавший и капли гордыни,
Вспомнил дни, что теперь ходили на странные сны:
Как недавно его в золотой беспросветной пустыне
Обвивал, как удав, разноцветный соблазн сатаны.

42. Сатана говорил и свежо, и легко, и искусно,
Говорил, словно вестник, как тайну познавший гонец.
Речь его, как удав, обвивала во тьме Иисуса,
Как зелёный удав в девятьсот двадцать восемь колец.

43. Сатана говорил обо всём, что случится на свете,
Если он, Иисус, всё же выберет крестную смерть:
«И тогда на земле просияет империя смерти,
И во имя твоё станут в пламени люди гореть».

44. Сатана говорил в сокровенном и жутком размахе:
«Твою звёздную славу навечно присвоит жульё,

И во имя твоё будут кровью окрашены плахи,
И взойдут палачи на престолы во имя твоё.
Будут вопли и вой подниматься до самого неба,
Будут горькие стоны и хрипы разорванных ртов.
Неужели, Христос, твоё сердце по-прежнему слепо,
И тебя не страшат миллионы кровавых крестов?
Пронесутся века. Будет бизнес на крови доходен.
И другого Христа, как тебя, предадут и убьют...
Только любит Господь не героев, а тех, кто доходит,
Только те, что доходят, все тайны свои познают!
Поезжай по земле, по пескам золотым и по пашням,
Променяй этот крест на горящую в небе звезду.
Тебе страшно, Христос?
«Сатана, мне по-прежнему страшно».
«Не ходи в Иудею!»
«Сегодня же утром уйду!»

45. «Что же, дело твоё. Пусть кричат от бессилия внуки,
Пусть идёт по земле беспощадный кровавый покос,
Пусть несчастный Пилат умывает дрожащие руки...»
И очнулся Христос. И Каифу увидел Христос.

46. И Каифа сказал: «Ты искал непомерную славу.
Только скоро тебе предстоит на иное взирать:
Будет площадь кричать: «Не Христа отпустить, но Варавву!
Не Христа отпустить – будут тысячи ртов повторять».

47. И Каифа вздохнул, и блистала его диадема,
И крутилось судеб неразгаданных веретено...
И увидел Христос старый домик на дне Вифлеема,
Как в забытом колодце, в нём было свежо и темно.

48. И увидел Христос всё, чем он никогда не гордился:
У слепого окна беспримерно уставшую мать;
И увидел отца, только образ отцовский двоился,
Словно кто-то мешал Иисусу отца вспоминать.

49. И вздохнул Иисус: «Не бывает ни поздно, ни рано.
Если струшу сейчас, никогда не прощайте меня!»
И вздохнули пески, и вздохнули пещеры Кумрана,
И вздохнул за песчинкой никем не замеченный я.

50. И Каифа подумал: «О подлость! Зачем он не с нами?»,
Ощущая при этом какую-то тайную сладость.
«Если б наши слова да его золотыми устами,
Я бы отдал ему и любовь, и надежды, и власть!»

51. И опять тишина, тишина, как открытая рана.
И за окнами дома потёмки чернее смолья.
И вздыхали пески, и вздыхали пещеры Кумрана,
И вздыхал за песчинкой никем не замеченный я.

52. И Каифа сказал: «Ты, сынок, проповедовал всуе!
В Гефсиманском саду ты рыдал и метался, как трус!»
И сказал Иисус: «Вижу я, как сижу одесную
От Отца своего», – и качнулся слегка Иисус.

53. И Каифа вздохнул, и прошёл к арестанту бесшумно,
И над яростным миром воздел Моисееву длань;
И заплакал Каифа, вращая глазами безумно,
И на теле своём разорвал драгоценную ткань.

54. Поднялись, как пески, исповедники Синедриона,
Разъярённые чувства тотчас поднялись на дыбы:
«Вот тебе чудеса! Вот тебе небеса и корона!»
И смешались дыханья, подобно дыханью толпы.

55. А Каифа молчал и руками водил, как весами,
Повторяя слова, затаившие горе и сладость:
«Что за подлая жизнь? Почему и зачем он не с нами?
Я бы отдал ему и любовь, и надежды, и власть!»

56. И лежал Иисус, закрывая десницы и плечи,
И дышал, как кричал, под ногами сопящей возни;
И когда он вдыхал – угасали лампы и свечи,
А когда выдыхал – ещё ярче горели они.

Послесловие

1. Пронеслись времена по лагунам морским и по рифам,
И прошёл по земле беспощадный кровавый покос;
И всё так же во мне погибает от боли Каифа,
И всё так же молчит в ожидании смерти Христос.

2. И опять я один, я один в бесконечной пустыне,
И меня, как удав, обвивает в ночи сатана:
И опять я, храня беспросветные злые святыни,
За спиною Каифы молчу у ночного окна.

3. Снова ночь, и не счесть на земле неприкаянных сирот,
И капканов, и пут, и намокших от крови плетей;
И младенцы кричат, и в ночи просыпается Ирод,
И велит убивать всех подряд Вифлеемских детей.

4. Повторяется всё, и сбываются все предсказания.
Всюду ложь и кресты, и страна, как Иуда, бледна.
Что за век на земле? И какого ещё наказанья
Надо нам ожидать за стояние возле окна?

5. Всё сильнее земля сотрясает все наши устои,
За ответом любым поднимается новый вопрос;
За писаньем святым есть другое писанье святое,
За распятым Христом есть ещё не распятый Христос.

6. О, родная земля, глухомань ты моя, немереча,
Подскажи мне, земля, как рождает бессмертие смерть,
Где с пропавшим отцом нам обещана новая встреча;
Подскажи мне, земля, или ты, колокольная медь!

7. Я стою у окна, перепутав все даты и сроки.
Скоро будет гроза, и всё громче звенит тишина.
Где-то спят города. Где-то истину слышат пророки.
Спит Отчизна моя. И один я стою у окна.

8. А в ночи, за окном, кто-то ходит с рукою воздетой,
Кто-то песню поёт, кто-то слышит неведомый глас;
И горит надо всеми легко и незыблемо свет Твой,
О, прекрасный Отец, в раннем детстве покинувший нас.

*27 августа – 7 сентября 2010 года – 8-9 июля 2011 года,
Шелехметь*

Словесная симфония «Суда Синедриона»

Михаил Анищенко, считая своим учителем Юрия Кузнецова, избрав его любимым своим современным поэтом, ничуть не был зависим от него ни интонационно, ни стилистически, ни сущностно; однако думается «Суд Синедриона» Анищенко – эта грандиозная, полыхающая красками смыслов и метафор поэма, – вызвана к жизни и огромным даром поэта, и... тем, что последними творениями Кузнецова были именно мистические поэмы на евангельские темы...

(Не есть ли всё подлинное поэтическое творчество – подспудно живущее в каждой поэтической психике желание комментировать Евангелие, дающее образцовые стихи, пускай и без рифм?)

У Михаила Анищенко много поэтических козырей, необъёмимых карт: роскошь его метафор порою ослепляет, неожиданность эпитетов представляет определяемый предмет со стороны, о какой читатель и не подумал бы, но главное, что поражает в сочинениях Анищенко – свобода дыхания: долгого, пронизанного сиянием высокого летнего воздуха; дыхания, льющего строку к строке так, что неизвестно, что испытываешь сильнее: потрясение? заморозённость? может быть, ощущение счастья?

Итак, мистическая поэма-триптих «Суд Синедриона» (сакральное число три не могло не прозвучать под поэтическим сводом).

Уже с первого катрена раскрываются все великие возможности поэта:

Снова ночь на земле – непомерна и неодолима.
Моисеев закон – твёрже сердца и крепче казны.
Ночь входила в жилища уснувшего Ершалаима,
И незримый огонь оплавлял перелётные сны.

И не стандартное определение ночи, и мощное – в меру самого закона – определение оно, и огонь, что оплавляет, как свечи, «перелётные сны».

Далее панорама разворачивается шире, мощнее, страшнее, глубже: ибо поэт, рискуя собою (если вспомнить предупреждение Ницше), дерзает заглядывать не просто в бездну, но в бездну бездн:

А в ночи, во дворце, во владениях Анны-Ганана,
Медным холодом глаз обрастал, словно инеем, дом;
И в мерцанье свечей, поднимался стеною тумана,
Неподвластный душе настороженный Синедрион.

Стихи не подвластны логике – той, земной, в пределах которой происходят наши жизни, они подвластны одновременно и логике любви (как сказал другой поэт: «На логику вещей ссылаясь, Не знаешь о другой, увы – В какой, сознанием растворяясь, Узнал бы логику любви»), и – в случае Анищенко – логике откровения... Ибо: «Медным холодом глаз обрастал, словно инеем, дом...» – это не из реальности: из запредельности, из области озарения, когда поэт и сам не объяснит, откуда, по каким каналам, или небесным дугам спущена строка; но сияет она, и нарушение логики земной кажется невыносимой точностью (подобно тому, как возможна «невыносимая лёгкость бытия»).

Туман... старцы Синедриона вырисовываются в панораме, и Суд зреет, копится, готов обрушиться свинцовым шаром на того, кто пришёл менять мир.

В темноте, во дворце, во владениях Анны-Ганана,
Где высокая служба по датам заветным текла,
Было много надежд и заветов, и лжи, и дурмана,
Только чистого воздуха – было не больше глотка.

Ибо чистый воздух – за Иисусом, ибо правда всегда рядится в простые одежды – если не в лохмотья.

Михаил Анищенко делает невозможное: он зажигает фонарик чуда в каждой строфе, если не строке, и сумма их, соединённая ликованием огромного таланта, уходит в непредставимую, как собственно не представляет современный человек тогдашних событий, вечность.

Она седая, – эта вечность, а холодная, или нет – неведомо никому.

И с небесной тоской, и со злостью упавшего грифа,
В драгоценных одеждах, в сиянье подземных камней,
Из тумана и тьмы проступал, словно айсберг, Каифа,
Охранитель и царь золотых иудейских корней.

Ибо мыслимое золотом оказывается на деле тленом, и не зря речено про «гробы повапленные»; а вроде бы не уместный в данном контексте «айсберг» совершенно естественно ложится в строку.

И стоял Иисус в серебристой накидке тумана,
И горели всю ночь за спиной Иисуса мосты;
И молчанье его было Богу открыто, как рана,
Но Каифа не мог запустить в эту рану персты.

Метафизика и мистика, история и фантазия пересекаются, ткнут причудливо роскошь поэмы: Каифа не может обрести подлинной веры, ибо вектор жизни его ложен; первосвященник иудейский не может вложить пальцы в рану Иисусова молчания, как вложит потом Фома персты в просветлённую плоть Иисуса.

Как горит это молчание, открытое Богу, как рана! Как страшно и дико врезается, врывается образ в сознание читающего!

Шире и шире охватывает материал Анищенко – или обрушивается мощью дара своего на онный, самый грандиозный в истории человечества материал.

Глубже и глубже разворачивается бездна, и слои её, данные стихом совершенным и мелодичным, глубоким и... безмолвным (будто не словами поэма писана, а не определёнными ещё кодами), проступают с торжественной постепенностью; вороха обвинений, столь характерных для иудейского микрокосма, сыплются на святую голову Иисуса...

Быть может, и сама поэма – святая?

Но так не определяют поэтический текст.

В любом случае, созерцая чтением сие значительное полотно, мы понимаем, насколько высокой может быть современная поэзия – и насколько не прав мир, отказывающийся от неё.

...А Суд длится и длится – не правый и не правильный, чужой свету и самой корневой сущности жизни; суд длится триумфом торгашей и бездарей, сладкоречивых пустобрёхов и просто подлецов...

Привал на поэтической тропе.....

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Поэтическая гамма Ефима Гаммера

Когда ж ещё размышлять о добре, как не ночью?

Ночью, стягивающей все ассоциации в тяжёлые дуги, что оплетают сознание, и общение с сигаретой: краткое, как выстрел, воспринимается единственно возможным:

А ночь – ничья! По обе тьмы от пули
придирчиво нацелена в висок
недолговечной сигареты – дуры,
с которой повенчался дурачок
на пять минут, всего на семь затяжек,
чтобы прогреть замёрзшее нутро.
И кто? Когда? В каких словах докажет,
как выглядит вселенское добро?

Стих, густо сделанный, и туго скреплённый плавными переходами строк – из одной мысли в другую; логично идущий к завершению, за которым открывается пространственная перспектива...

Потому, что для многого слов не находится, или они выглядят слишком тяжелостопными, чтобы обозначить тончайшее, неуловимое...

Метафизика присуща Гаммеру в большей мере, чем лирический порыв: но и последний, буде возникнет, может быть исследован метафизическими лучами...

Однако именно течение строк по руслу сути привлекает значительно больше:

Асфальты – в горизонт,
обманный час распутья,
сомнений пустоцвет,
затейливый покой,
и медленно текут
ручьи по руслу сути,
и сердце говорит
с непознанной судьбой.

Судьба всегда хранит элемент неопределённости; и опыт наш – вчера не знал – сегодня знаешь, хотя порой и хочется вернуться от этого знания во вчера.

Возникает ощущение сиротства: напряжённые пульсации стихотворения трактуют его как бездомность:

Бездомность, суета отринутого мира.
Повергнутая в чувство светотень.
И не до жиру. И опять мигрень
от ощущенья: будто в центре тира
стою – открыт для пули и ножа.
Разборчиво перо, забывчива душа.
Вновь сосланы года на каторжную память.
И трезвый разум, честью дорожа,
всё полагает, что пришло править.

Стих Гаммера тяжёл – мыслью: он работает с постоянным осмыслением реальности и своего места в ней, и его обнажённость: в средоточие момента – может восприниматься выпадением в запредельность.

...ибо к запредельности тяготеет всё подлинное в поэзии: а поэзия Гаммера несомненно из этого ряда.

Ефим ГАММЕР

г. Иерусалим, Израиль

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге. Журналист. Закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, работал в газетах «Латвийский моряк» (Рига) и «Ленские зори» (г. Киренск, Иркутская обл.) Лауреат ряда российских и международных литературных премий, в том числе Бунинской премии (серебряная медаль/Москва–2008), премии «Добрая лира» (Санкт-Петербург–2007, 2019), «Золотое перо Руси» (золотой знак/Москва, 2005/и золотая медаль на постаменте/2010), всероссийской премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2019). Автор 28 книг (роман «Приёмные дети войны» был отмечен Фондом «Русский мир»). Лауреат (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова (2012 г.) за лучшее художественное произведение для подростков и дипломант 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2014 году на Международном конкурсе журналистики, проведённом в Сибири, «Неизвестная Россия» стал победителем в номинации «Мастерство» за очерк о сибиряке Никодиме Корзенникове, легендарном солдате Второй мировой войны «Разминуться со смертью».

Работает на радио «Голос Израиля». Редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний kaleйдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, входит в состав редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Публикуется в журналах и альманахах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

1

Уходят люди за кордон.
Умыв Россию кровью сердца.
Судьба к судьбе, но от себя не деться.
Жизнь надвое разделал Рубикон.

2

Познакомились Случай с Удачей.
Породнились Огонь и Вода.
Слепота с Глухотой судачат,
подпевает им Немота.

3

Всё жарче ветер конских тел.
И кнут всё жарче, жарче – жалом.
И тройка прибавляет жару,
чтоб возчик кости обогрел.
Петля к петле, виток к витку.
Но солнцу в сердце не вместиться.
И тройка, высветясь Жар-птицей,
сжигает вожжи на скаку.
И возчик кувырком в сугроб.
А тройка дальше, выше – в небыль.
И северным сияньем небо
озарено до звёздных троп.

4

Пунктирное стечение минут.
Свет из-под свай – в тоску и стужу.
А жизнь идёт. И западает в душу,
что при подсчёте каждый третий – Брут.
Календари всё врут.
Перенесли мы прошлое на завтра.
Ещё нам ждаться рожденья правды
и вызова на первобытный суд.

5

Пришла пора
заблудшими устами
благое слово
отыскать в душе.
Но то ли мы
от несвобод устали,
но то ли мы,
напитанные гарью,
парим ещё
в каком-то мираже.
И мир закрыт,
как деревенский ставень.
За ним – мы знаем –
истинность пути,
но нам никак
заблудшими устами
благое слово –
ЭТО – не найти.

6

Растаскали на гвозди Россию.
Молотки закупили в Сельпо.
И пошли – горевые, босые –
боль души заколачивать в гроб.
– Кто вы братцы? Откуда вы, люди?
Отвечает заёмный мужик:
– Дайте срок, и мы волю добудем.
в нужный день,
в нужный час,
в нужный миг.

7

Винтовка, винтовка,
подружка, плутовка,
винтовка, винтовка,
куда ни шагать,
приспело таскать
тебя кверху головкой,
и если прикажут,
вновь воевать.
И мы навоюем,
в зной, дождь и под снегом,
как надобно людям,
винтовка, заметь.
Не выгодно быть
на земле человеком,
не ласково ползать
на брюхе сквозь смерть.
Винтовка, винтовка,
подружка, плутовка,
винтовка, винтовка,
пришло: погибать.
Не вспомним с тобой
никакую Каховку,
а вспомним: железно:
«Родина – мать!»
И кинемся яро,
влекомые жаром.
За честь и за волю
душой пробурев.
И выльется ало
вино из бокала.
И кто-то из сердца
подхватит припев:
«Мы – поле, мы – воздух,
отвага и радость.
И нас по сей день
не постигнуть умом
Винтовка, винтовка,
усллада, награда.
Мы люди, как люди,
нам в смерть без возврата –
на братских могилах
нет наших имён».

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Михаил СМIRHOV

г. Салават, Республика Башкортостан

Член товарищества детских и юношеских писателей России, Международного творческого объединения детских авторов. Лауреат международного литературного фестиваля «Русский Stil – 2010», международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, международной премии «Филантроп» 2016 год и др. Обладатель Знака особого отличия «Серебряное перо Руси», звания «Серебряное перо Руси». Награждён медалью «Русский STIL», медалью им. Ф. М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью им. Льва Николаевича Толстого «За воспитание, обучение, просвещение». Автор 6 книг малой прозы (одна – в соавторстве с Сергеем Малашко). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» (2019). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Разговоры в ночи

Рассказ

Наступили выходные дни. Прихватив тощий рюкзак, я спозаранку заторопился на вокзал. Хотел на первом автобусе отправиться в Ивановку, чтобы посидеть возле костра и послушать сонные перекаты, посмотреть на звёздное небо, а ежели на огонёк заглянут местные жители, тогда просидим до рассвета. И начнутся разговоры ни о чём, но в то же время обо всём, и о жизни – тоже...

На улице прохладно. На вокзале мало пассажиров. Одни стоят возле кассы, другие сидят в автобусах, а некоторые дремлют, опустив головы или прислонившись к окну. Водитель захлопнул дверцы. Заглянул в салон. Следом заурчал мотор, и автобус направился по объездной дороге в сторону соседнего городка. Тихо в автобусе. Редкие разговоры вполголоса. Да и разговоры-то отрывочные. Скажут два-три слова и молчат. Снова скажут, и опять тишина. И так всю дорогу. Я сидел и смотрел в окно, за которым промелькнула деревня, следом большой посёлок, с одной стороны вереница домов, а с другой видны поля и лесопосадки. Тускло засеребрилась узкая речушка, по берегам заросшая кустарником. Кое-где видны машины – рыбаки приехали за карасями. Много их – карасей этих, но мелкие, не больше ладошки, но вкусные, особенно, если со сметаной пожарить. У, язык проглотишь! Автобус накренился на крутом повороте, мелькнул поднятый шлагбаум, рядом перемигивается светофор, неподалёку будка обходчика и сам обходчик стоит на крыльце в оранжевой спецовке. Скоро состав пройдёт. Сидит, его дожидается. Ещё один поворот. Сонные пассажиры невольно ухватились за поручни, встрепенулись и опять задремали. А я сидел и крутил головой, посматривая по сторонам. Казалось, дорога знакома до мелочей и пейзажи, проплывающие за окном, тоже знакомы, но всегда, когда уезжал в природу, как называл такие поездки, я не отрывался от окна, словно впервые видел эти места. Вот мелькнул столб с покорёженной табличкой «Ивановка», и я заторопился к выходу, попросил водителя притормозить и, не дожидаясь, когда автобус остановится, выскочил на обочину. Ух, как взлетели облачка пыли под ногами!

– Счастливой дороги! – протяжно крикнул вслед автобусу и закрутил головой, дожидаясь, когда мимо меня промчатся машины. – Куда же вы гоните, а? Взгляните, какая красота вокруг! – и обвёл рукой окоём, показывая.

И правда, люди, куда же вы торопитесь? Остановитесь на минутку. Посмотрите. Вокруг такой простор, аж дух захватывает. Бездонная синь над головой, вдалеке темнеют горы и виднеются деревушки, что разбросаны по берегам реки – душа радуется, а люди этого не замечают. Летят по дорогам и ничего, кроме серого полотна, они не видят. Может, у них вся жизнь – дорога, а может, просто не рассмотрели красоту этой жизни и довольствуются малым, а на большее времени не хватает или желания, чтобы остановиться и взглянуть. Каждый человек идёт по своей дороге. У одних она серая и узкая, как эта, у других – весь мир перед ними...

Я стоял, посматривая в сторону реки, куда направлялся. Солнце уже взошло, но ещё не появилось из-за далёких гор, лишь небо стало ярким, облака окрасились в бело-розовый цвет и оттуда, с высоты этих облаков, едва слышны птичьи голоса. Я запрокинул голову – не видно. Да и как рассмотришь этих пташек, этих птичек-невеличек, мимо которых вблизи пройдёшь и не заметишь, а там, на такой высоте – подавно.

Ещё раз взглянув по сторонам, перешёл на другую сторону дороги. Сбежал по крутому откосу и едва успел остановиться перед огромной лужей. Она всегда здесь была, даже в засушливые годы. Может, подземная река близко подходит к поверхности – никто не знает. Даже в жаркий день, если потрогать воду, почувствуешь, что она не прогрелась, холодная была, словно родниковая. Наверное, так и есть, близко жила проходит. Машины, какие направлялись в Ивановку, чтобы не увязнуть в этой луже, исхитрились пробить колею среди пшеницы, что росла вдоль просёлочной дороги, и мотаются по ней, лишь бы в луже не застрять. Я поправил тощий рюкзак, где была пара-тройка бутербродов да гостинцы, а остальной запас провизии хранился в шалаше возле реки. Бывало, на всякий случай совал в рюкзак тёплый свитер или куртку, в зависимости от погоды. И зимой ездил в Ивановку. Привозил гостинцы, всякую мелочь, которая постоянно нужна, но которой в деревне не сыщешь, брал лекарства, если просили, потому что своей аптеки не было. Добирался до деревни, по дороге разносил свёртки и пакетики, и у кого-нибудь останавливался на ночлег. Днём помогал по хозяйству, а вечерами слушал долгую жизнь, о которой они рассказывали. Неделю-две не бываешь,

а приезжаешь, и такое чувство, словно не расставались, будто на пять минут выходил и вернулся. Наверное, поэтому тянуло меня сюда, чтобы послушать неспешную деревенскую жизнь...

Я взглянул вдаль, где виднелись горы, покрытые густым лесом. Вскоре заполыхают багрянцем леса, а с берёз потечёт золото. Немного осталось, и наступит осень. Вся округа преобразится, станет яркой и нарядной, а на душе появится лёгкая грусть, потому что осень – это время грусти и раздумий...

Я неторопливо шагал по просёлку. По земле, припадая, словно были поранены, впереди бежали трясогузки. Хитрые! Стараются отвлечь от своих гнёзд. Изредка, там и сям виднелись столбики – суслики. Неподвижно замерли, потом раздаётся резкий свист, и они исчезают, словно и не было их на дороге. Пройдёшь, оглянешься, а они стоят и смотрят вслед. Дорожная стража, что ни говори!

Порыв ветра донёс запах креозота. Впереди подмигнул светофор. Рядом ещё одна будка обходчика – необжитая. Сюда редкий раз подъезжает машина. Загалдев, выберутся несколько человек в оранжевых куртках. Пройдутся с длинными молотками по рельсам. Если повезёт с ними столкнуться, послушаешь этот малиновый звон, как они постукивают по металлу, и дальше отправляешься.

Небольшой подъём и за поворотом открывается огромный луг, по которому ходили несколько местных жителей, то и дело кланяясь земле – грибы собирают. У, вкусные грибы! Маленькие, словно трёхкопеечные монетки, запах с горчинкой, терпковатые, а душистые – страсть! И я прирасслабился к ним. Замечу, если местные собирают, тоже тороплюсь. Многих уже знал. Познакомились за годы, когда стал сюда приезжать. Случайно наткнулся на эту деревню, мотаясь по округе. Чем-то она зацепила меня, может природой, а может деревенской жизнью, и я стал приезжать сюда. В любое время ездил, как летом, так и зимой. И душа радовалась, когда вдалеке видел деревню. Небольшая она – эта Ивановка, и жителей осталось немного. И они радовались, когда я приезжал. Частенько ко мне приходили. Сидели поздними вечерами возле реки и костра и разговаривали. О чём? Да ни о чём. Просто о жизни говорили.

Сколько лет сюда приезжаю, а ничего не меняется в округе. Остановился на пригорке, наблюдаю, как деловито трусит коротконогая лопухая собака по своим собачьим делам, в стороне замекла коза, запутавшись в верёвке, и к ней поспешила хозяйка – сгорбленная временем старушка. Я знаю её – это баба Катя. Зимой частенько у неё останавливаюсь, и сейчас нужно заглянуть к ней, гостинец оставить. Одна живёт. Корову не держит – силы не те, а вот козу ещё можно прокормить. Как же без скотины в деревне – это не принято.

Я присел на краю обочины. Здесь сильнее чувствуешь тонкий запах пыли, духмяно повеяло повядшим сеном, кое-где виднелись небольшие копны, а там огромный омет стоит – это у Васильевых. Они корову держат, а сено заготавливать сыновья приезжают. Словно паутинки разбегались заросшие тропки. Сверху, с пригорка их ещё можно заметить, а спустишься, везде крапива и чертополох да сиротливые островки сирени виднеются, а рядом ямы и кое-где ещё сохранились печные трубы – в этих местах дома стояли. А теперь лишь сорняки да вездесущая крапива напоминают, что когда-то здесь была большая деревня и жизнь кипела, а сейчас едва теплится. Хиреют деревни. Молодёжь в города уезжает, а старикам некуда податься. Где родился, там и... Вот и живут, свой век доживают. Много таких умирающих деревень по российским просторам разбросано. Правду говорят, если поставить всего лишь по одному кресту на месте каждой исчезнувшей деревни, тогда вся страна покроется крестами. Всё может быть...

В основном, сюда приезжают рыбаки. Утром, едва начнёт светать, смотришь – пылят машины по дорогам. Одни поворачивают в сторону старых конюшен, значит едут на Красный Яр, там хороший спуск к реке, и машина всегда под рукой. А другие направо поехали, огибая деревню – это на Ивановские обрывы подались. Красивое место! Протянулись обрывы между Ивановкой и Васильевкой, дугой изогнулись, разрезанные узкими оврагами. Рыбаки оставляют транспорт на обрывах, а сами оврагами спускаются к воде. Здесь у каждого своё место, куда он годами приезжает. И почти везде роднички пробиваются, журчат, звенят, перекачиваясь по камушкам. Вечерами, если со стороны взглянуть на обрывы, повсюду огоньки костров заметны. Некоторые возле воды разводят костры, а другие на обрывах устраиваются. Там ветерок, значит, и комаров будет поменьше. Одни рыбаки возле костров суеются, на ужин уху готовят или затируху на скорую руку, а другие поужинали и, присев возле огня, о чём-то тихо беседуют...

Мне нравилось наблюдать за рыбаками, слушать бормотание перекатов, смотреть на бегущую воду, что стремилась вдаль, да глядеть на огонь и думать. О чём? Да обо всём и о жизни – тоже. Чаще всего я добирался до небольшого заросшего полуострова по разбитой деревенской дороге. Проходил деревню, ненадолго останавливался со знакомыми, к некоторым заходил, оставлял гостинцы или лекарства, какие они просили купить, а то просто заглядывал, чтобы поздороваться и немного поговорить о том о сём, а потом дальше шагал по разбитой дороге. В конце деревни поднимался на взгорок и сразу уходил на полуостров, где река делает поворот. Отодвигая ветви, пробирался на прибрежную косу, где возле кустов был небольшой шалаш, который я ставил каждый год, где лежали удочки и всякие припасы. Палатку не любил. Больше нравилось самому поставить шалаш, натаскать туда охапки духмяного сена, в угол рюкзак и припасы, зная, что никто не украдёт, не позарится на них. Здесь не принято воровать. Наоборот, иногда приезжал и видел, что в шалаше гостинчик дожидается. В основном, картошка лежала да огурцы с помидорами, а бывало, полкаравая хлеба принесут. Знали, что в выходной обязательно приеду. И я радовался этим небольшим гостинцам. Радовался и знал, что кто-нибудь вечером заглянет ко мне на огонёк и начнутся долгие разговоры. Вроде бы ни о чём беседовали, но в то же время – о жизни...

Я разжигал костёр, благо, что дрова всегда были в запасе, присаживался возле своего убежища и подолгу наблюдал за рекой, слушал говорливые перекаты и смотрел на рыбаков, которые в забродку ловили рыбу или отдыхали, расположившись на берегу. Днём, когда вода прогревалась, на противоположной стороне появлялись ребяташки из деревни, что расположилась за высоким

бугром. Раздеваясь на бегу и бросая одежду на камни, мальчишки и девчонки с криками и визгом проносились по мелководью, поднимая каскады брызг, и ныряли, исчезая на несколько секунд, а потом появлялись ниже по течению и, громко переговариваясь, неторопливо плыли к малышне, что резвилась возле берега. Вволю накупавшись, они выбирались на галечный берег, вздрагивая от прохладной воды, ложились и грелись под тёплыми солнечными лучами. Купались до тех пор, пока на бугре не появлялся кто-нибудь из взрослых и, громко закричав, звал домой. И сразу же, мелькая загоревшими спинами, они бежали, собирая одежду, и мчались по склону, а на следующий день опять прибегали сюда. И так, пока не заканчивалось лето...

Наступили вечерние сумерки, а я всё сидел возле костра и смотрел по сторонам, словно замороженный. Не иначе, какая-то магия была у этих мест. Изредка доносились голоса доярок, которые торопились домой после вечерней дойки. Где-то проскрипела телега, а следом протарахтело несколько мотоциклов и затихли вдаль. Скорее всего, это ребята поехали в клуб, что был в соседней деревне. Вернутся к утру, не раньше. А там рыбаки, уставшие за день, неторопливо выходили из реки и, уложив аккуратно удилища, умывшись, присаживались возле костров, доставали из рюкзаков нехитрую снедь и пристраивались возле котелков. А после ужина, привалившись к валунам или просто растянувшись на земле, рыбаки вели долгие, неторопливые разговоры: кто и сколько поймал, кто и на что ловил и будет ли ночью дождь, при этом посматривали на красноватый закат и вытянутые перистые облака – первые предвестники дождя.

Отмахиваясь от комаров, я подобрал сухие ветви в костёр, дождался, когда по ним побежали огоньки и, подтащив, положил в огонь край бревна, занесённого на полуостров половодьем. Теперь можно не беспокоиться, что он потухнет. Так и будет тихонечко гореть до утра, согревая меня в прохладной ночи.

Мой костёр видно издали. И частенько бывало, что кто-нибудь заглядывал на огонёк. Заметят костёр – и приходят. Деревня-то рядышком. Спустятся на речную косу, а там краем реки и на мой полуостров. Мой... А может, правда, стал моим полуостровом. Рыбаки тут не встают. И течение быстрое, и слишком мелко, чтобы рыбачить взбродку. Но мелочёвку для уха всегда наловишь в небольших заводях. А много ль нужно одному-то?! Всего ничего! С десятка пескарей или верховок с плотвичками – и уха готова. В дальнем углу запас картошки, есть немного репчатого лука и соль в банке. Там же котелок держал и закопчённый чайник – его старый Ефим притащил. Ещё по весне принёс, а с ним пучки всяких трав. Чай пили с ним. Заваришь, положишь немного душицы, Иван-чая, а то и просто мяту сунешь, и начинали пить чай. У, вкусно! Так и остался чайник. Дед Ефим частенько заходит. Вон его дом, на краю обрыва стоит! Там, между двух берёз, крыша виднеется. Он сразу замечает, когда я приезжаю. С сыном живёт. Жену похоронил. С той поры мается, как он говорит. Места не может найти. Вот и пристрастился ко мне приходиться, чтобы по душам поговорить. Посидим в ночной тиши. Чай попьём, потом старый Ефим начинал о своей жизни рассказывать, как жили в деревне, чем занимались, о своих предках рассказывал, которые здесь родились, жизнь прожили и ушли в мир иной, о сыне-пьянчужке говорил и радовался, что жена не видела, что сын спивается, и в этом себя корил, а его выгораживал. Выговорится и замолкает. Сидим возле костра, курим и молчим. Каждый о своём думает. У каждого свои мысли...

Так и в этот раз, едва наступил вечер, я услышал неторопливые шаги, глухаватое покашливание и постукивание палки. Это дед Ефим идёт. Я по шагам узнаю его. Медленно шагает, неторопливо. Он и в жизни таким же был – спокойным и неторопливым, а сейчас, тем более, некуда торопиться. Жизнь позади, а впереди всего лишь маленький отрезок остался – год, два или пять, а может, всего лишь день-другой – никто не знает, и человек тоже...

– Здоров был, Петро, – глуховато сказал старик в пиджачке, в галошах, потёртые штаны заправлены в носки, на голове старая фуражка и очки на носу.

– Здоров, – говорю.

Сказал, опираясь на клюку, сделанную из толстой ветви, медленно уселся на край бревна, достал папиросы из кармана и закурил, поглядывая на огонь.

– Приехал, говоришь, – опять сказал он, искоса взглянув на меня. – А я заметил, когда ты с бабкой Матросихой разговаривал, а потом с кумом Наумом покурив и в проулок свернул. Не стал окликать. Думал, мимо пойдёшь, хотел было немного картохи сунуть да краюху хлеба – это Варька Ермохина испекла и мне притащила два каравая, а куда нам столько-то, вот и хотел с тобой поделиться, а ты напрямки отправился. Держи гостинчик, а за картохой и хлебом сам приходи. Как живёшь, Петро? – снова спросил он, повернулся ко мне и сунул несколько пирожков, завернутых в старую газету.

– Здорово, дед Ефим, – сказал я, развернул газетку и вдохнул, а потом зажмурился. – Эх, вкуснятина! С городскими не сравнить. Здесь вкус другой. Не иначе какой-нибудь секрет знаете, – и засмеялся.

– Никакого секрета нет, – пожал плечами дед Ефим. – Душу нужно вкладывать в любое дело и в пирожки тоже, – и снова взглянул. – Я что спрашиваю-то, как живёшь? Жениться не собираешься?

– Нормально, дед Ефим, – отмахнулся я и не удержался, откусил пирожок и закачал головой. – У, как вкусно! Нормально живу. Работаю. Домой вернусь и не знаю, чем заняться. Весь вечер проторчу в телевизоре, а утром снова на работу, и так каждый день, – сказал я. – Скучно в городе. Вроде всё есть в городе, что душе угодно, но приедается. Захотелось перекаты послушать, встретить рассветы и с тобой поболтать. Знал, что ты обязательно придёшь. Может, ещё кто-нибудь заглянет. Посидим, чайком побалуемся, по душам поговорим. Вот и прикатил. А жениться... Видать, моя невеста уже состарилась. А жениться для галочки, для штампа в паспорте, я не хочу. Пока сердце не ёкнет, не женюсь. А ты как живёшь, дед Ефим? Сам-то никакую бабку не привёл? – и хохотнул.

– Я-то... – он задумался, пыхнул папироской и бросил окурочек в костёр. – Живу помаленьку. Куда мне торопиться? День прошёл – всё ближе к Богу. Утром поднимусь, проколгочусь по хозяйству и не замечаю, что уж на дворе темно. Так и живу. А бабку... Такую, какой была моя Валентина, уже не найти, а другие без надобности. Вы – молодые, вы и женитесь, а мне уж на погост пора, – и отмахнулся.

– Рано себя хоронишь, дед Ефим, – я снова засмеялся. – Вон какой шустрый! Скоро картошку копать. Видел огород. Вымахала картошка – загляденье! Приеду, помогу тебе.

– Весь измучился с этой картохой! – старик завздыхал. – Два раза обрызгивал отравой, но этого жука ничем не возьмёшь. Живучий, сволота! Всё жрёт на своём пути. У некоторых только будылья остались. Ладно, Дарья Игнатиха с городу привезла отраву. Этим и спасался. Вот и колгочусь с утра и до вечера, а оно мне надо? – и махнул рукой.

– А чем сын занимается? – спросил я. – Прошлый раз приезжал, что-то его не видно было. Работает?

– Васька, что ли? – старик сразу нахмурился, голову опустил, и было видно, как тяжело о нём разговаривать – о сыне своём. – Задурил мой Васька. Снова запил...

Сказал и замолчал. Полез в карман, достал папироску и задымил, о чём-то задумавшись.

Васька – это его боль, от которой не избавиться. Старшие сыновья в городах живут. А Васька был последыш, как дед Ефим рассказывал. Поздно родился. Хилым был, слабеньким, и на него надышаться не могли. Всё же последышек, ему родителей содержать, как принято. И, видать, перестарались. Лишнего передышали на него, как говорил старик. Вернулся с армии и задурил. Надо было сына останавливать, а он думал, погуляет и остепенится, как остальные ребята. Остепенился... Все женились, замуж повыскакивали, а Васька рюмки собирал по деревне и драки учинял. Ладно, бабка Валя не видела этого. Рано ушла, когда он ещё служил. Всё про сына говорила, когда заболела, всё его вспоминала. Не дождалась. Умерла. Васька вернулся и как с цепи сорвался. Старшие сыновья приехали. Взбучку ему дали. С собой забрали, чтобы под присмотром был. Старик успокоился. Всё же сыновья один другого здоровее. Прищучат его, если задурит. А Васька, едва устроился в городе, снова запил. Крепко. Надолго! С работы выгнали, а следом попёрли из общежития. Первое время у братьев жил: у одного переночует, к другому пойдёт. У всех своя семья, и не каждая жена согласится на его пьяную рожу смотреть. Скандалы начались. Братья опять спровадили его в деревню. Васька вернулся и ещё сильнее запил. А напивался – начинал скандалить. И поэтому, едва он пьяный вваливался домой, дед Ефим собирался и уходил. Ждал, когда сын спать завалится. И сейчас, как я понял, Васька снова ушёл в загул...

– А что старшие смотрят? – сказал я. – Шею бы намылили, чтобы немного задумался. Они же пообещали, как я помню.

– Да куда они поедут? – махнул рукой дед Ефим. – Далеко живут, и у каждого семья. Забот полон рот. Никто не станет с Васькой связываться. В своих бы семьях разобраться, а тут...

И старый Ефим снова махнул рукой, сгорбился, стал небольшим, щупленьким, лишь нос торчал из-под фуражки да очки поблёскивали при свете костра.

Мне жалко было старика. Безобидный. Мухи не обидит, как говорят. И жизнь прожил без скандалов. Спокойный, тихий. И жена такая же была, как он говорил. Часто о ней вспоминал. Начнёт рассказывать – и словно молодеет. А сейчас будто придавили его. Груз неподъёмный на душе лежит и не скинуть его, не освободить её – душу-то...

– Давай чаёк попьём. Я зверобой положил, листья смородины. Вкусный чай получился, – предложил ему, а потом вспомнил: – А может, по рюмашке опрокинем, а, дед Ефим?

– Можно по рюмашке, можно, – старик встрепенулся и взглянул поверх очков. – Откуда у тебя? Ты же не употребляешь.

– Это из старых запасов, – сказал я, забрался в шалаш и выудил из дальнего угла бутылку, прихватил стаканы, пирожки и выбрался наружу. – По весне привёз. Так, на всякий случай взял. Думал, если ночами холодно будет, рюмашку опрокину, и всё теплее покажется. Не понадобилась. Почти всё лето провалялась в шалаше. Я уж забыл, а сейчас вспомнил. Видишь, пригодилась.

Мне было интересно разговаривать с дедом Ефимом по душам. Он рассказывал обо всём, что наболело, а я сидел и слушал. Два-три слова вставлю и снова слушаю. Не перебивал старика. И в душу не лез. И сейчас, когда он сказал, что Васька опять запил, я уже понял, что старику нужно выговориться, а кому он может довериться, как не мне. В деревне все и всё на виду. У каждого свои радости и печали. И там прекрасно знают, что у старика пьёт сын, но ничего посоветовать не могут. Можно помочь делом, а в чужую семью лезть или советы давать – этого никто делать не будет. Не принято в деревне. А мне можно было довериться, потому что городской, потому что я сегодня здесь, а завтра уже меня не будет и всё, что мне скажут, увезу с собой в душе. И поэтому старик говорил обо всём, что наболело, а я слушал...

– Ну, давай, дед Ефим, – сказал я и протянул стакан. – Выпей. Глядишь, на душе станет полегче.

Старик выпил. Поморщился. Отмахнулся от закуски. Достал папироску и запыхал. Сидел, о чём-то думал. Потом протянул стакан.

– Налей ещё чуток. Всё, хватит, хватит! – сказал он и усмехнулся. – На сына ворчу, а сам прикладываюсь. Он бы не запил, но его с работы вытурили, как обычно. Уж который раз выгоняют. Характер такой, что с людьми не уживается. Слишком шепутной. Чуть что не так, сразу в кошки-дыбошки, а кому это понравится. Его терпят, терпят, а потом выгоняют. И он снова начинает дурить, пока куда-нибудь не пристроится. Уж не знаю, куда опять приткнётся. Все бригады обошёл. Всем в душу нагадил. А отпускать от себя нельзя – пропадёт, стервец, ни за грош. Моей вины много, что его упустил. Нужно было ещё в детстве ремнём хлестать до крови, а нам жалко было. Всё же последышек, родная кровь.

Было заметно, что он защищает сына. На себя вину берёт. Старшие сыновья редкий раз выпивали, а младший сын непонятно в кого пошёл. И сейчас старый Ефим выпил всего ничего, чуточку, на доньшке и опять стал защищать сына, его выгораживал. Я давно эту привычку заметил. Но молчу. Пусть старик выговорится. На душе полегче станет.

Старик долго крутил стакан в руках. Потом всё же выпил. Закурил. Было видно, о чём-то думал, но молчал. Наверное, про сына вспоминал, а может, прошлую жизнь перебирал...

– Знаешь, Петро, когда война закончилась, мы с друзьями вернулись домой, а шепутные были – страсть! – неожиданно сказал он. – Молодые. Красивые. Грудь в орденах. Как пройдемся по улице, все девки за ворота выбегали. Никакая не устоит. А мы вернулись втроём. Ну и дым коромыслом, конечно, а по вечерам на танцульки бегали. Своих девок было в деревне хоть отбавляй, но чужие-то всегда красивее. Ну и стали ходить то в Васильевку, то в Береговку. С одной гуляешь, с другой обнимаешься, а третью провожаешь. Может, так и дальше гулял, если бы не один казус, который со мной произошёл. Однажды возвращались из клуба, а дорога проходила через лесок, что возле Васильевки. Ну, ты знаешь его. Вон виднеется! – и старик ткнул корявым пальцем во тьму. – Так вот... А ночь, помню как сейчас, такая же светлая была, так же звёзды светили. Шагаем, значит, и слышим, что навстречу девки идут. Громко разговаривают! Видать, боятся, что с медведем столкнутся. В тот год много медведей развелось. Чуть ли не в избы влезали, а уж по улицам шлялись, как по родному лесу. И вот, девки на весь лес голосят, наверное, хотели медведей напугать, а может, сами себя боялись – кто знает... И дёрнуло меня подшутить над ними. Я друзьям говорю, мол, вы уходите, будете ждать возле речки, а я подкараулю и напугаю. Они помчатся в вашу сторону, а вы ещё там рывкнете. Тоже нагоните страху. Вот уж посмеёмся! Они ушли. А я залез в кусты и не дышу. Жду. Чуть погода, шаги рядышком раздались. Я зашумел в кустах. Рывкнул во всю глотку! Наверное, медведь бы со страху помер, а там же девчонки шагали. Рывкнул и снова зашумел, будто к ним продираюсь. Слышу визг-писк! Это девки закричали. Я ещё громче заревел и только раздвинул кусты, чтобы выбраться, и тут мне по голове как саданули каменюкой, я чуть было Богу душу не отдал. Не ожидал, что ударят-то. Как стоял, так и повалился в кусты, лишь сапоги наружу торчали. Не знаю, сколько пролежал, но, очнувшись, смотрю, надо мной сидит незнакомая девчонка и слезами заливаётся. Испугалась, когда кровь увидела. Решила, что меня убила. А когда увидела, что очнулся, обрадовалась. Вскочила, а потом развернулась, да как саданула кулачком, только пальцы захрустели, и сама захохала. Лишь потом выяснилось, что они камнями вооружились, чтобы от медведей обороняться. С камнями и против медведей – это ж надо такое учудить! Девки побросали бульжники и пустились наутёк, едва я рывкнул, а она, вместо того, чтобы за подружками бежать, с перепугу саданула по моей голове, как по мишени. Точно в яблочко попала! Так приложилась, аж в глазах полыхнуло, и мои сапоги в воздухе промелькнули. Вот тебе и девка! Это моя Валюха была. Всю жизнь её метку ношу, – снял фуражку и показал шрам на лбу. – Вот так и познакомились...

И старик замолчал, снова задумавшись.

– А потом свадьбу сыграли, – сказал он и снова закурил. – Расписались в сельсовете, посидели за столом, бабка с дедом пришли, два друга. Выпили бутылку, песни попели – вот и вся наша свадьба. Валентина была учителькой в школе. Её прислали на работу после учёбы, а тут я подвернулся в лесочке, камнем приголубила. Сразу походы по девкам отшибла. Как телок, бегал за ней. Каждый вечер к ней ходил. Уйдём на речку и там сидим. Я курил, а она молчала и на воду смотрела. Уставится и ничего не замечает. Она же родилась у чёрта на куличках. Говорила, что воды хорошей не было. Мутная да солёная, но и той мало было. Над каждой каплей тряслись. А тут такое богатство! И всегда, куда бы ни пошли гулять, потом опять оказывались на обрыве. Там были, – старик махнул рукой. – Сидим на траве, а она на воду смотрит. Всё удивлялась, сколько воды мимо нас протекает, и жалела, что у них речек не было. Пересыхали. Всю жизнь прожили, а она так и берегла воду. Всегда говорила, что вода – это жизнь. Наверное, правда... После свадьбы принялись жизнь налаживать. Избу поставили и начали жить. Сыновья друг за дружкой родились. На ноги поставили, и они поразъезжались кто куда. На младшего надеялись, на последыша, да, видать, переусердствовали. Не туда стопы повернул, не туда пошагал. Все по дороге идут, а его в болото затягивает, и я ничего не могу с ним сделать. С каждым днём увязает всё больше и глубже. А вот вернётся ли на дорожку или сгинет в этом болоте – один Боженька ведаёт...

И снова замолчал.

И я молчал. В таких случаях не нужно много говорить. Просто сиди и слушай, а старик расскажет обо всём, что наболело, чтобы на душе стало полегче, чтобы скинуть этот чёртов груз, который лежит на душе из-за сына, и ничего не может с этим поделаться, и поэтому он говорит и говорит...

– Август пройдёт, а там уже осень, – я взглянул на небо. – Звёзды выясняют. Глянь, дед Ефим, яркие становятся и большие – по всему небу рассыпаны. А там, не успеешь оглянуться, как зима наступит.

– Да, ещё чуток осталось. Зима придёт, снегу по самую крышу наметёт. Зимой-то будешь приезжать, Петро? – встрепенулся старик.

– Конечно, буду приезжать, – усмехнулся я. – У любого остановлюсь, кто пустит. Нет, к молодым не пойду. С ними скучно. А вот к старикам попрошусь. Вместе вечер скоротаем. Может, к тебе загляну. Твоему сыну уши надеру и по шее надаю, чтобы не баловал. Давно пора за ум взяться, а он бултыхается, как дерьмо в проруби...

– Ничего ему не говори, – буркнул старик, пыхнул папироской и бросил окурочек в костёр, а потом медленно поднялся. – Не говори, только хуже сделаешь. Ты уедешь, а Васька начнёт на мне злость срывать, – и снова повторил. – Не говори... Я сам потолкую. Может быть... Ну ладно, что-то я загостевался. Пойду до дому. Наверное, мой охламон десятый сон видит, а я всё шляюсь. Уж скоро рассвет, – он взглянул на небо. – Ну, бывай, Петро...

Старый Ефим махнул рукой, поправил фуражку, ткнул в очки, поправляя и постукивая клюкой, медленно пошёл в сторону деревни, а потом повернулся.

– И впрямь звёздочки горят, как свечки на небесах. Даже без фонаря дорогу вижу. Осень на носу, вот они и располыхались. Всем непутёвым дорогу показывают. Может, и моему обормоту покажут, в какую сторону нужно идти.

Сказал и, сгорбившись, потихонечку пошёл вдоль кустов.

Я посмотрел вслед старику, затем задрал голову и взглянул на иссиня-чёрное небо в россыпях звёзд и прислушался к сонному бормотанию перекаатов. Со стороны деревни изредка доносился собачий лай. Вдалеке прогрохотал грузовой состав и затих. Я опять поднял голову. От края и до края звёздные россыпи. Река отсвечивала хороводом созвездий. Ночной ветер зашумел, пробежали мелкие волны, нарушая стройные звёздные ряды, и снова река притихла. В камышах плеснула рыба, следом ещё одна зашлёпала – это хищники вышли на охоту. Скоро рассвет, и всё вокруг начнёт меняться на глазах, ну а мне нужно возвращаться в город. Но сначала зайду к старику и постараюсь поговорить с его сыном, если застану дома. Ну, если получится... Зайду, а потом отправлюсь в город, и снова меня окружит городская суета, и я обо всём забуду. Забуду для того, чтобы вновь сюда вернуться. В эту деревню, на это место возле реки, чтобы посидеть возле костра, послушать перекааты, посмотреть на рыбаков. А когда наступит вечер и вновь запылывает небо звёздными россыпями, я буду смотреть в иссиня-чёрное небо и ждать, когда придёт старик, а может, ещё кто-нибудь заглянет на огонёк, и начнутся долгие разговоры ни о чём, но в то же время мы будем говорить о жизни...

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Орла, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Москвы». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

Дед

Рассказ

Ветер яростно рычал и стонал, словно холодные кучи чёрных облаков, стремительно сбивавшиеся в плотные тучи, причиняли ему острую боль. Дед запрокинул голову в небо и заспешил к калитке, чтобы задвинуть засов: «Ишь ты, как расшаталась-то от ветрища! Того гляди, слетит с петель, – бурчал он себе под нос. – Дождь собирается! Знатный будет, мощный! Всю округу зальёт! Эх, ты ж, нелёгкая, поди, месяц не пройти-не проехать будет!»

Дед Митрофан жил в деревне один. Год назад схоронил он свою старуху – полвека с ней душа в душу проворковали, да она возьми и помри прохладной сентябрьской ночью. Стало быть, сбежала от его, Митрофанушкиного, баламутства. Так частенько и покрикивала: «Баламут ты да пустомеля!». Только глаза-то всегда любовью светились, и шумела она мягко, лукаво. Как схоронил он свою половинку, так и сам засобирился. Нет-нет, да и творил свою неумелую молитву Богу: «Не отворачивайся от меня, Настёну забрал, и меня бери уже скорее, не то, как она там одна? Нам друг без дружки никак». Но Бог в ответ молчал и никаких знаков не подавал. Дед корил себя, что молиться не умеет, дураком жил – в Бога не верил, в церковь не вхож был, ни лба, ни пуза никогда крестом не осенял. А сегодня, когда Митрофан на Настёниной-то могилке годину отправлял: на столике добротном, дубовом, самолично выструганном, разместив краюху хлеба, шмат сала и миску капусты квашеной, ёкнуло что-то у него внутри. Словно голос, знакомый до боли, шепнул: «Твоё время пришло, готовься!». Поспешно опрокинув рюмашку-другую крепкого первака, заспешил дед домой. Обмыться надобно, рубаху новую надеть да штаны, на случай такой припасённые. Перво-наперво в сарайку заглянул, гроб там почти год стоит аккуратно в уголке, начисто, до блеска выструганный. Так его надобно в избу оттащить, не среди хлама же лежать, того и гляди – не найдут. Дед давно, ещё в прошлом году, с фельдшером Фролом Петровичем из соседнего района сговорился, мол, если в какую субботу от него звонка с мобилки не последует, то, значит, пусть всей деревней, а мужиков и баб там, как ни крути, десятка два наберётся, к нему, к деду Митрофану, прибывают, стало быть, хоронить его. Он никогда никого бы и не побеспокоил, да только сам себя не зароешь. Для каких-никаких поминок он и харч заготовил, и напиток горячительный, всё – честь по чести! Деньги, правда, не большие, но, тоже, стопкой под скатёркой лежат, глядишь, для чего и сгодятся. Обмылся, нарядился, в гроб улёгся и приготовился ждать костлявую. А тут ветер этот проклятуший завыл, калитка надрывно запела, пришлось встать да во двор идти, чтобы скрипучую эту затворку успокоить. Как помирать в таком гуле? Засов задвинул и назад, но не успел под навес заскочить, как хлынул дождь, да такой, словно море наизнанку вывернули. «Вот беда, вот беда, – закручинился старик ещё больше. – Зальёт, бисова душа, до краёв! Дорогу в болото размочит! Как же Фролу-то с мужиками добираться ко мне? Тут и месяца, пожалуй, не хватит жигу эту иссушить».

Ветер струи дождя под навес забрасывал с бешеванием, словно из глубокого корыта без остановки плескал, дедовы новые рубаха и штаны промокли до нитки, и он старательно отжимал их большими, грубыми ладонями. «Придётся снять да просушить. А, ещё лучше, утюгом пошоркать. Мятым к Настёне нельзя! Не довольна будет...» Дед шагнул под дождь и снова бросил взгляд в небеса: «Эх, смертушка моя, придётся нам с тобою погодить с месячишко! Как думаешь, бабка-то моя сильно сердиться будет? Я и сам огорчён! Да что тут поделаешь? Как людей в такую-то погоду своими печалями заботить? То-то и оно! Такая вот она эта жизнь-житуха! Что хочет, то и вытворяет!».

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России.

Автор 8 книг стихов и прозы. Дипломант XIII Международного Волошинского конкурса (2015).

Заместитель главного редактора журнала «Северо-Муйские огни».

Корень из минус единицы

Из цикла «Сказы-коротышки»

Невозможно не удивляться людям.

Вот был в нашей деревне председатель колхоза Горбачёв. Однофамилец героя-президента, развалившего под мудрым руководством Раисы Максимовны нашу страну-империю. Оба были парни деревенские, только наш Горбачёв объявился намного раньше, ещё в шестидесятые, а вершины славы достиг чуть позднее, в семидесятые. При нём колхоз окреп, люди стали получать на трудодень зерно и денежку, а под конец даже мёд с пасеки. Сельчане звали его уважительно – Трофимович. Для различия давайте назовём другого Горбачёва Раисовичем.

Под какой конец, спросите. Под конец Трофимовича, его председательства, которое закончилось странным и неожиданным образом.

Люди сказывали: поехал наш Трофимович как-то отдыхать в дом отдыха, дом местный, в пределах нашей области. А там он возьми и попадись на глаза какой-то тётке, которая тоже там отдыхала, с которой он был родом из одной деревни. То есть вам понятно, что председатель Горбачёв был в моей деревне присланный, варяг, в кадровом колхозном деле тогда это было обычной практикой. Почему-то в эпоху, когда лозунг дня вещал «*кадры решают всё*», все председатели пятовского колхоза были варяги. Местные же таланты типа вождей-председателей, конечно, тоже были, но служили далече. Один, по фамилии Смольский, даже стал членом ЦК, был зам. председателя оргкомитета ЦК КПСС, пока новый главарь партии, уже упомянутый выше бывший комбайнёр Горбачёв, он же Раисович, заняв сиденье на главном комбайне страны – в Кремле, взял да и сослал Смольского первачом в Рязань, где тот вскоре от полученного стресса скончался. Кстати, этот Смольский, с сестрой которого я учился в одном классе, однажды распорядился из своего ЦК дать два вагона дефицитной щебёнки пятовскому председателю Горбачёву – Трофимовичу для прокладки шоссе от деревни до райцентра. И этого малая родина ему, Смольскому, не забудет. Хотелось бы.

Когда это было? Купив в 1977 году «жигулёнка», я как раз в то время, приезжая к моим старикам, обкатывал его по этим рассыпанным по дороге и ещё не залитым асфальтом двум вагонам щебёнки. Лет пять обкатывал, видать залить щебёнку не хватало землякам силёнок.

Из варягов вспоминается первый председатель – Хомутов. Хомут, повешенный на шею крестьянству. Был он сам из Мишковки, которая где-то километрах в двадцати от моей деревни. Его потомки и сейчас живут в Пятовске. О нём известно немного. Выгонял людей на работу. Зайдёт к бабе в избу, у той в руках ухват, возится с чугунками. «Почему не в поле? Я наряд кому давал?» – «Да вот, надо ж бульбы сварить поросёнку, вищать будя!» Хомутов – парень хват, что ему ухват, возьмёт ведро с водой – и в печь, зальёт огонь. Чтобы знал поросёнок – вищать бесполезно, когда нива ждёт его хозяйку...

Хомутов-председатель помер рано, болел много. А вот дети его хорошо прославились. Коля, сын, стал ветеринаром, и мне лично памятен тем, что приходил к нам кастрировать поросёнка. После нехитрой операции по удалению мужского достоинства (поросёнок, опять же, дико вищал) Колю угощали самогонкой и хорошей закуской. И так происходило практически в каждом деревенском доме, Колю везде привечали, к тому же он был словоохотлив, хороший балагур. А дочка хомутовская – Шура – тоже однажды хорошо отличилась. Сумела выкрасть в сельсовете для подруги паспорт, той требовалось сбежать из колхоза, потому как ещё до войны девкой работала в курортном городе на юге, там получила заветный документ, но в войну, ко муж-танкист бегал из немецких лагерей, вернулась в деревню, и теперь, когда две её девочки, мои ровесницы, пошли в школу, надо было спасать семью от колхозной скуди.

Но мы отвлеклись, возвращаемся к Трофимовичу.

Щебёнка попала, конечно, в копилку славы нашего председателя, как и многие другие успехи, но слава его получила бесславное завершение. Опознала в доме отдыха его некая тётка, его землячка, и решила пойти в органы – заявить, что служил этот типчик в её деревне в войну полицаем у немцев. Бывает же так: прославился человек умелым ведением хозяйства, колхоз в передовики вывел, уже орден Ленина председателю светил, а там и до Героя шаг оставался, и вдруг на тебе. Пришлось Трофимовичу срочно уйти с должности по собственному желанию, оставить Пятовск и крепко поставленный на кирпичном фундаменте деревянный дом, а также могилу преждевременно ушедшего сына, и уехать жить подальше от успешной, но разоблачительной местности. Но похоронили его всё-таки в Пятовске. Так он завещал: чтобы гроб для прощания привезли и поставили именно в его колхозе, ставшем ему родным, в сельском клубе. Всё село пришло на прощание, и поминки были с длинными столами для всех желающих, за колхозный счёт. Даты на памятнике: 1922 – 2004. Рядом лежит жена. А дом председателя – добротный дом – уже скоро полвека пустой стоит, не рушится; и каменный погреб при нём – они видны, когда прогуливаешься поблизости, и вызывают недоумение: как же так?..

Сейчас, когда в связи с победившей гласностью и интернетом, как из рога изобилия посыпались сложные житейские истории о случаях двойного служения – и родине, и врагу, случай с Пятовским Горбачёвым встал в один ряд с некоторыми более резонансными. Сначала мы узнали об Иване Добробабине – герое-панфиловце из легендарных двадцати восьми. Оказалось, он, хоть и считался погибшим и посмертно получил звание Героя, не погиб. После боя, воспетого трубадурами всех рангов, контуженный и засыпанный в окопе взрывом, потом пришёл в себя, выбрался из-под завала и, получив помощь от сердобольных женщин, стал пробираться на родную Харьковщину, в свою деревню, что ему в конце концов удалось. Чтобы прокормиться и не быть угнанным в Германию в рабы, поступил в полицию, охранял железную дорогу и не только. С приходом наших стал снова служить в Красной Армии, службу у немцев скрыл, в боях отличился, получил орден Славы и медали. Но крот истории всё-таки рыл и, в данном случае кротом были органы безопасности, нарыл информацию о его предательстве. Ивана судили, звания Героя и остальных наград лишили. Дали пятнадцать лет, отсидел семь, амнистия. Подавал на реабилитацию не раз. Отказ, отказ. Установили, что, будучи полицаем, не только помогал некоторым людям, более близким, но и гнобил других, в целом был верным служакой фашистского режима. Говорят, Сажи Умалатова вернула ему звание Героя, но умер он в 1996 году без наград.

А ещё один случай оказался совсем рядом с нашим, пятовским. Недалеко от Пятовска, в соседнем районе, есть село Кневичи. Это родина Николая Кочерги, тоже и предателя, и воина-патриота. По первому призыву, в августе сорок первого, попал он в команду, которую послали спасать урожай в Воронежской области. Фронт стремительно приближался, и юноша рванул на свою брянскую родину. Стал служить у немцев полицаем, опять же охранял железную дорогу. Пришли красные – записался, не дожидаясь повестки. До конца войны успел заслужить два ордена Славы. Два! Вспомним, давали этот орден не за участие в большой успешной операции, а за личные подвиги. Демобилизовавшись, вернулся в свои Кневичи. Работал-работал в колхозе – и вдруг, бац, его за шкуру. Лишили наград, дали двадцать пять. Потом повторный суд, за заслуги в боях скостили срок до десяти. В 1957-м выпустили. Как раз началось освоение целины, он завербовался. В анкетах негатива не вспоминал. Работал трактористом. Много и славно пахал. В 1975-м дали звание Героя Соцтруда, ему тогда было пятьдесят два. И тут – непростительный прокол: приехал навестить малую родину, пошли пьянки, стал светить золотой звездой. Конечно, даром это не прошло. Доброжелатели стукнули куда надо, и звания Героя был он лишён... Умер в 2001 году.

И вот какая аналогия напрашивается. Чисто математическая. Чего только в людях не бывает намешано. И чёртово полицейство, оно же предательство, и отвага работяжная, союз труда ратного и ратайского. Вспомним, что два эти слова – родные братья, как *ратник* – воин и *оратай* – пахарь, растущие из одного корня. Но есть в этом корне и нечто мнимое, не совсем понятное, хотя психологи могут много упражняться на эту тему. Мне же ближе аналогия с корнем из числа «минус единица». Который, как известно, квадратный и взять его невозможно, исчислению не поддается, но входит составной частью в теорию комплексных чисел, а без неё ни одна серьёзная наука невозможна. Вот и получается, человек – существо непростое, комплексное.

Что и требовалось доказать? Нет, не требовалось. И без того ясно.

30.09.2021

Михаил СПИВАК

г. Виннипег, Канада

Член Союза журналистов России. Заместитель главного редактора литературного журнала «Новый Свет».

Автор публикаций и выступлений на канадском радио «Голос Альберта» и «Мегаполис Торонто», неоднократно приглашался в прямой эфир. Автор романов «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Семьи Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения донна Мигеля Кастиальского и визирия Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013).

Лауреат литературных премий: им. Вениамина Блаженного (2015), им. Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), им. Григория Сковороды (2016), им. «Пантелеймона Кулиша» (2017), им. Абая (Казахстан, 2018). Лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси-2018» (за военный роман «Дебошир»).

Медаль Ушакова для канадского матроса

Рассказ

Вьюжило северным ветром, белую пыль несло по чешуйчатым крышам домов. Центральные магистрали бойко чистила тяжёлая дорожная техника, а на боковых улочках одноэтажных спальных районов Виннипега, города в самом центре Североамериканского материка, образовались непролазные скрипучие залежи снега. Крупные хлопья, будто просеянная сквозь сито мука, попавшая под вентилятор, липли к лобовому стеклу. «Дворники» едва справлялись. Мутные фонари отбрасывали длинные тени, и дома, уже укутанные зимним покрывалом, поблёскивали в вечернем сумраке яркими пятнами окон.

Я приехал по указанному адресу и позвонил в дверь. Послышалась мелодичная трель.

– Иду-иду, минутку!

Только бы дома оказался кто-то из детей или внуков ветерана, подумал я тогда. Мне и раньше доводилось беседовать с участниками Второй мировой войны. Старенькие даже те, кто застал её окончание, а мой собеседник воевал на канадском королевском флоте с начала 1942-го. Сколько ему? – уже за девяносто. Помнит ли он события далёкой молодости?

Дверь открыл неожиданно бодрый старик с лукавой пиратской ухмылкой и вихрами редких седых волос вокруг блестящей лысины. Старик поправил слуховой аппарат и ловко посторонился, приглашая меня войти. С промозглой стужи я ступил внутрь натопленного жилища. Линзы очков моментально заволокло почти непроницаемым туманом.

Голос хозяина, наполненный радушием, звучал приподнято и суетливо. Старик был многословен и рад моему появлению, будто мы виделись не в первый раз, а были завсегдастами одного паба или гольф-клуба уже много лет.

– Заходите, господин редактор, заходите скорее. Дверь закрывайте. Однако дрянная сегодня погода – штормит. Арктический ветер, так его растак! – сказал он с прямой старой вояки. – Как добрались по нашему морю разливанному? Вижу, у вас серьёзный немецкий транспорт?

Слова его меня удивили. Оказалось, ветерану так сильно хотелось выговориться, что моего появления он дожидался у окна. Откуда бы ещё он узнал марку моего автомобиля? Старик не обратил внимание на мои раздумья и с места в карьер пустился в воспоминания:

– Да, немцы отличные жестянщики: им хоть автомобиль, хоть подводную лодку склепать – пара пустяков. Слышали про «волчий стаи» субмарин? Да, их подводные лодки, как косяки рыб, плавали в Атлантике, – он вдруг опомнился, прервал собственный монолог, протянул руку и представился. – Дональд МакАдам (*Donald McAdam*), старшина второй статьи флота Её королевского высочества! – он замялся, подумал и чётко отрапортовал: – Разжалованный в матросы старшина второй статьи! В отставке, разумеется. Вы ведь не подумали, что я до сих пор плаваю?

Он рассмеялся собственной шутке.

Старый дом МакАдама, покрытый изнутри лакированным деревом, заливал чуть приглушённый мягкий свет. Я сразу отметил, что обстановка жилища, как и сама аура, слишком аккуратная для одинокого мужчины. Мебель в доме массивная, из натуральной древесины, напоминала готический стиль.

Пока я собирался с мыслями, Дональд сделал широкий жест рукой.

– Рад, что вы позвонили и приехали! Кому сегодня интересно, что происходило семьдесят лет назад? Молодые люди мало что знают о той войне. Вы уж там, у себя в газете, как следует напишите о морских баталиях и мне принесите статью! Что говорите?.. На русском пишете? Какая досада! Я бывал в Советском Союзе с морским конвоем, но русским языком не владею. То ли дело мой товарищ Джонни Себастьян... Я вам про него расскажу. А для меня вы сделайте, пожалуйста, перевод на английский. Да? Спасибо! Сами-то в армии служили? В израильской... в бронетанковых войсках? Ну, только без обид, романтики в танках никакой – грохот и пыль. Ничто не сравнится с морем! – мы из коридора направились в зал, и Дональд вдруг сменил тему. – Знаете, за сколько я купил свой первый дом? – не дожидаясь ответа, сообщил: – За четыре с половиной тысячи долларов. Сейчас таких цен нет. Конечно, зарабатывали тогда меньше. Мой отец в 1908 году получал одиннадцать центов в час, а я в 1941-м – уже тридцать два с половиной цента! Свой следующий дом я купил в 1961 году за восемнадцать тысяч...

Интервью грозило оказаться бесконечным, но перебивать словоохотливого старика я не стал. Кто знает, каким сам буду в его годы, если вообще доживу до столь почтенных седин. Вдруг меня тоже потянет на воспоминания, и хорошо, если найдётся благодарный слушатель.

Я доброжелательно кивнул и попытался аккуратно задавать наводящие на цель моего визита вопросы. А именно: поговорить с МакАдамом о его высокой российской награде – медали Ушакова. Не так много иностранных военнослужащих удостоились этой чести.

МакАдам не без удовольствия достал из красной коробочки серебристую медаль с голубого цвета колодкой. Пока я вертел в руках медаль и читал сопроводительное удостоверение, старик начал свой рассказ.

– Мне в 1941-м исполнилось восемнадцать. Пришли с повесткой и загребли в армию. О какой добровольной службе вы говорите? Враки всё, молодой человек. Вра-а-аки! Военный призыв. Я мог бы попасть в пехотное подразделение или плавать на тральщике вдоль восточного побережья Канады, ловить немецкие субмарины... Куда? В Европу воевать насильно не отправляли. Только добровольцев. Но призыв был обязательным. Плавать вдоль собственного побережья – скукота! Если уж оказался в армии, я хотел увидеть другие страны «на халяву», за проезд-то платить не надо! Формировали нашу группу в Галифаксе. После окончания специальной подготовки, полтора месяца я плавал на корабле береговой охраны «Шарни». Потом получил распределение на огромный дредноут «Малайя» (*HMS Malaya*) с большим количеством тяжёлой артиллерии. Так я отправился с парнями из экспедиционного корпуса в Великобританию. То было настоящее боевое плавание.

Он вдруг замолчал и устремил немигающий взгляд в верхний дальний угол комнаты. Только ноздри его раздувались, будто он прямо сейчас вдыхал морской воздух, стоя на палубе того сверхмощного линкора класса «Королева Елизавета».

На одной из полок я заметил фотографию бравого матроса с подписью «Дон МакАдам, 20 мая 1922 года». Я всё ждал, когда Дональд вернётся в уютную комнату и мы продолжим беседу, но там, на гребне волны, посреди бушующих океанских просторов, вновь молодой моряк наслаждался стихией. Его глаза блестели, осанка выпрямилась. Он говорил быстро и увлечённо, поглядывая на мой диктофон, как на диковинного зверя.

* * *

Июль 1942 года. Вышли из порта в Галифаксе. Мы посреди ревущий Атлантики на палубе тяжёлого линкора «Малайя» возглавляем конвой в южную Англию. В лицо летят холодные брызги пены в грохоте низвергающейся воды. Корабль то кряхтя взбирается на волну, то носом летит вниз. Сзади плетутся транспорты с тысячами наших парней на борту, в основном лётчиков и пехоты. Парни измучены морской болезнью, им даже в гамаках дурно. На линкоре пехотинцам не лучше. МакАдам хохочет во всё горло.

– Сейчас блевать будут! – потешается матрос. МакАдам гордится своим хамоватым, но честным юмором. – Вперёд, капитан Катберт Коппинджер, добавь пару, и плевать нам на гитлеровские подлодки с их скоростью в восемь узлов, против наших двадцати восьми! Тут главное борт под волну не подставить, как морду в боксе – под хук. Перевернёмся? Не глупите, молодой человек! Но всё равно, не надо. Я-ху-у-у, мы короли Атлантики!

Рубим носом волны, аж свист в ушах. С подводными лодками, конечно, не всё обстоит так просто. Тут я малость приврал. Всего год назад у Зелёного Мыса «Малайю» торпедировала германская субмарина U-106. Тогда линкору повезло, что второй торпедой немецкий капитан атаковал транспортный пароход. Оба судна смогли относительно благополучно выйти из боя. Получив пробоину в борту, заметно кренясь, «Малайя» улизнул в безопасный порт на ремонт. Впрочем, год на войне — это целая вечность. Нельзя постоянно думать о прошлом.

Волнение в океане улеглось и горести забылись. Молодым Атлантика по колено. С шутками и прибаутками приплыли в шотландский порт Росайт. Там кораблей – как домохозяек на сезонной распродаже. Нас отправили в местечко Ниоби (*HMS Niobe*), там располагались штаб-квартира Канадских военно-морских сил в Великобритании и перевалочная база. Толпой неожиданных гостей свалились мы англичанам на голову. А ну, хозяйева, принимай! Поселили нас в заброшенном дурдоме. Народ у нас шумный, сами за психов могли сойти. Но не долго мы прохлаждались на берегу, пришло время отработать «бесплатный» круиз до Англии.

19 августа 1942 года на эсминце класса «Хант» в предрассветной мгле крадёмся вдоль побережья Северной Франции в районе населённого пункта Дьепп. Лёгкая пелена тумана тянется над водой. Стараемся не шуметь, чтобы не утратить фактор внезапности. Готовится высадка десанта, парни уже заняли места в баржах.

Раздаётся команда: «Огонь!». Корабль сотрясло от залпа. Пушки изрыгают пламя, грохот взрывов эхом катится с берега. «Перезаряжай!». Транспорты мчатся к берегу – только бы проскочить самые гибельные метры, когда пехота совсем без защиты. Вдруг огрызнулись немецкие береговые батареи. Проклятье, нас ждали! Первыми залпами мы не смогли подавить артиллерию противника. Ад боя разверзся вокруг нас, но парням в баржах и того хуже. По ним с закрытых позиций лупят мортиры. Тех, кто добрался до берега, немцы встречают густым пулемётным огнём. В небе вспыхнул «Спитфайер» и камнем ухнул в воду.

Нашим командос на берегу совсем туго – эсминцам не хватает огневой мощи для надёжной поддержки наступающей пехоты. Британское командование побоялось отправить в район высадки тяжёлые корабли с мощной артиллерией из-за угрозы подводных лодок. Наши танки «Черчилль» выгружаются на берег с опозданием, когда атакующая пехота уже смята заградительным огнём противника. Теперь вся бронетехника сама становится лёгкой добычей противотанковых орудий.

В воздухе тоже фиаско. Вражеские истребители выдавливают наших асов, и уже немецкие бомбы сыплются на наши корабли. Битва на земле и в воздухе проиграна. Проклятье, сейчас примутся за нас! Пришло сообщение – эсминец «Беркли» подбит двумя попаданиями авиабомб. Команду частично удалось спасти на эсминце «Албригтон», после чего потерявшего управление «Беркли», чтобы не достался врагу, «Албригтон» торпедой отправил на дно.

Скоро становится ясно – мы на голову разбиты. Огромные потери! Уносим ноги, оставив на берегу догорающую технику и сдающихся в плен командос. Среди эвакуированных с берега солдат оказались несколько французских монашек из местного монастыря. Хоть кому-то спасли жизнь в той самоубийственной атаке.

Залечиваем раны на берегу: кто душевные – в кабаке, кто физические – в госпитале. Мне повезло пройти боевое крещение и остаться целым и невредимым. Даже благодарности и повышение по службе получил. Отмечаем в кабаке, бухаем... так боль от утраты товарищей притупляется. Затем шляюсь по городу. Это на кораблях мы всегда на боевом посту, а на берегу предоставлены сами себе. График не то что бы вольный, но и не казарменное положение.

За что меня разжаловали? А вот за то самое – поборогозили мы малость с ребятами. Ну, может, и не малость. Газу дали как следует.

В один из праздных дней на берегу я встретил очаровательную шотландскую девушку, скромную и весёлую. Представился, слово за слово, познакомились, стали встречаться. Её родители особо восторга от нашей увлечённости не испытывали. Известно, что на войне случается с подругами военных. Плачут потом в похоронку, и ребёнок рождается безотцовщиной. Но никакая война не способна противостоять любви. Стали готовиться к свадьбе.

Местный священник не разрешил жениться в церкви, потому что все боялись германского авианалёта. Бомбардировщики могли внезапно появиться. Приходилось соблюдать светомаскировку. У родителей невесты был новый дом. Его разбомбили. По счастливой случайности никто из родственников не пострадал. Незадолго до свадьбы случился новый авианалёт.

Гул нарастал, казалось, что он повсюду. Стая чёрных «птиц» – едва различимые во мгле «Юнкерсы» – заходили с юго-востока. Шли строем. Затем вдруг, один за одним, стали заваливаться

на крыло, и тогда послышался душераздирающий вой падающих бомб. Земля содрогнулась от раскатистых взрывов. Бомбы ударили в самую оконечность поселения и дальше – в поле, там на отшибе стоял винный погреб. Его разнесла в щепки. Пожар мы быстро потушили, а воздух пропах разлитым спиртом. Казалось, беда миновала, но тут же хлынула вторая волна бомбардировщиков. Мой тесть и другие мужчины решили схитрить – снова подожгли разлитый спирт и убежали. Лётчики противника видели внизу огонь, думали, что горит поселение, и скинули на пустой винный погреб новые бомбы. Поселение не задели.

В общем, свадьба моя была наполнена яркими, в прямом смысле этого слова, образами. Священник зарегистрировал наш брак дома и без больших торжеств. Из гостей присутствовали сестра, и брат моей жены, и ещё девочка с цветами.

За добросовестную службу и проявленную храбрость МакАдам получил месячный отпуск и на лайнере «Мавритания» поплыл в Канаду. Когда вернулся, узнал, что приписан сопровождать конвой с военными грузами в Советский Союз.

Самый короткий, но и самый опасный путь в СССР лежал из Шотландии вокруг оккупированной Норвегии. Германский надводный флот, авиация и субмарины всячески пытались сорвать стратегические поставки союзников. Задача была настолько важна, что немецкое командование задействовало в операциях крупные силы, включавшие два тяжёлых крейсера «Адмирал Хиппер» и «Лютцов», а также линейный крейсер «Шарнхорст», который в 1943 году в ночном бою был потоплен британским линкором «Дюк оф Йорк» и кораблями эскорта.

Мы в боевом охранении, как овчарки вокруг стада овец. Неповоротливые транспорты кое-как плетутся, и мы вынуждены держаться поблизости, прикрываем с боков и сзади.

Вдруг сонар уловил подозрительный звук. Тревога – гребные винты вражеской субмарины! Мы их засекали, и теперь преимущество на нашей стороне, за счёт превосходства в скорости и маневренности. Полный ход! Глубинные бомбы за борт! Глубина двести метров. Ухнули первые взрывы – мимо. Немецкий капитан заметил наш манёвр и стал уводить свою подлодку. Мы продолжаем охоту. Бомбы за борт! Взрывы... и тишина. Утопили? Нет... Где-то прячутся, заглушили двигатели. И мы ждём. Патрулируем. Куда им деваться? Как только запустят винты, мы их сразу вычислим. Так и есть – заработали. Всплывают. Почему они не утонули во время нашей атаки? Потому что погрузились на двести семьдесят пять метров – глубже, чем мы думали. У них закончился кислород, и обшивка дала течь. Сдаются! Пленных погрузили на одно из наших судов, а подлодку пустили на дно.

В Мурманск добрались более или менее спокойно. Нам позволили сойти на берег. Любопытно гулять по советскому городу. Возле кинотеатра увидели афишу знакомого фильма «Hudson Bay». Но фильм смотреть не стали, а направились в кузницу, расположенную на пригорке. Мой друг Джонни беседует с кузнецом и переводит мне. Джонни в совершенстве владеет польским, поэтому с русскими может общаться довольно сносно.

Кого забрали в НКВД – кузнеца, за что? Хм, общался с иностранцами, говорите. Мы же союзники! Не важно? Ну, я в этих русских штучках мало что смыслю. Кузнец выковал нам с Джонни в подарок по стальному ножу с кожаной рукояткой.

Мы несколько раз плавали в СССР, но на берег сходили только однажды. В один их таких походов чуть не огребли. Это уже под самый конец войны случилось. Идём на большом эскадренном миноносце «Гурон» (*HMCS Huron*): солнце светит, настроение хорошее – весна... Вдруг Джонни срывается с места, бежит к спаренному крупнокалиберному пулемёту. Воду очередями поливает, грохот, неразбериха, гильзы летят на палубу! Я бегу к борту... Fuck! Вонючее дерьмо! Прямо в борт «Гурону» идёт немецкая торпеда! Скользит практически по поверхности воды. Отчётливо вижу её след, и страшно до усрачки – сейчас рванёт! Святые угодники, нам пи...! Капитан орёт: «Полный назад!» Тяжёлый корабль пятится как черепаха. Торпеда нас догоняет, сейчас взлетит на воздух и... тишина! Ещё секунда... Тихо! Торпеда прошла в нескольких дюймах от нашего носа. Фу, пронесло. Чуть в штаны не наделал.

Он вытер пот со лба, как будто действительно только что пережил торпедную атаку.

В тот день, 29 апреля 1945 года, кораблями эскорта были потоплены две германские субмарины: U-286 и U-307. Предположительно, «Гуруна» атаковала подлодка U-286, так как подлодку U-307 немногим раньше уничтожил фрегат «Лок Инш».

– Были и другие случаи, – продолжил МакАдам, – правда, не такие острые. В конце войны у немцев появились самонаводящиеся акустические торпеды «Цаукёнинг», которые двигались на шум гребных винтов. На самом деле, торпеды так себе. Во-первых, они были тихоходными. «Гурон» имел скорость раза в полтора-два выше, чем у акустической торпеды. А ещё у нас была английская торпедная ловушка «Фоксер». Это такая громыхалка, которую буксировали за кораблём на канате длиной в двести метров, и за которой гонялась торпеда. Проблема с «Фоксером» в том, что она громыхала на весь Атлантический океан, выдавая нашу позицию. Но всё закончилось благополучно. Как видите – я живой, в сентябре 1945-го демобилизовался и с молодой женой вернулся в Виннипег. Джонни? После войны он вернулся в Онтарио.

***

Дональд МакАдам снова взял медаль Ушакова.

– Я её заслужил!

Делаю несколько фотографий, благодарю за интервью и прощаюсь. Выхожу в ночь.

Ветер в Виннипеге улёгся, густой снег валит большими, мягкими хлопьями. А в окне стоит одинокий старик, как будто всё ещё на вахте эскадренного миноносца.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской.

В настоящее время работает редактором-корректором, пишет сказки для детей, стихи, прозу, критические статьи. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижалъ» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Ваза с апельсиновыми деревьями

Рассказ

Катя проснулась и медленно, осторожно села на кровати, стараясь не опираться на локоть и плечо – болели суставы. В комнате было полутемно, пахло несвежим постельным бельём, дряхлым, невымытым телом, лекарствами и вьетнамским бальзамом «Звёздочка». Скрюченной рукой она нащупала и надела очки с толстыми круглыми линзами, и размытая, туманная комната приняла свои обычные очертания. Катя взглянула в окно: ноябрьская пасмурность, голые деревья тянут серость ветвей в набухшее от дождя, как хлебный мякиш, серое небо. День ещё только начался, но было темно, как будто с утра уже вечер. На ветке сидела и, словно ругаясь, покаркивала мокрая ворона. Соседский рыжий кот Мишка дежурил возле дерева и не сводил с птицы пристального взгляда хищника.

Катя жила в этой квартире почти век. В комнате было много старых вещей – память о родителях. На окнах занавески цвета крем-брюле, воздушный белый тюль. На подоконнике зацвели декабрист и несколько розовых фиалок, рассевишихся, как барыни, в керамических горшках. На стене коричневые часы с кукушкой и гириями-шишками. Дубовые стол и стулья, сделанные на века. Шкаф с сервизом из богемского хрустала. Полки с книгами – в основном русская и зарубежная классика. На столе фарфоровая ваза с изображёнными на ней апельсиновыми деревьями. Под ними прямо на земле лежали спелые, напитанные солнцем оранжевые плоды. Эту вазу привезла Катина бабушка из поездки за границу.

На стене – самая любимая фотография, где маленькая Катя с родителями и сестрой на даче: у девочек одинаковые розовые панамки и полные горсти спелой жимолости. Мама сидит на скамейке, нога на ногу, она в белой широкополой шляпе, а папа обнимает её сзади и улыбается, показывая крупные передние зубы.

Катя протёрла очки полкой байкового халата и заметила, какими стали её руки – все в глубоких морщинах, с раздутыми венами, похожими на ветви дерева. Они постоянно тряслись, как будто жили своей, отдельной от Кати жизнью. Как отвратительна старость, подумала она. Все дорогие ей люди давно ушли в мир иной. А она что-то зажила на этом свете – ей в августе исполнилось 90. Катя часто видела во сне бабушку, маму, папу, сестру. Только этими снами она в последние годы и жила – сны были настоящей реальностью, отрадой. Что в этом мире у неё осталось? Лишь дряхлеющее с каждым днём тело. Изменения, произошедшие с внешней оболочкой, её пугали: у кожи появился отвратительный старческий запах, она была теперь похожа на сухую, растрескавшуюся глину, покрылась грязно-жёлтыми пятнами. Когда-то мелодичный голос сделался хриплым и дребезжащим, а ярко-голубые глаза выцвели, словно их сильно разбавили водой. Когда-то красивые волосы цвета спелого каштана – её гордость – почти все выпали. На спине образовался отвратительный горб. Походка стала шаркающая, медлительная, и каждый шаг причинял такую боль, какая не снилась даже Русалочке. В этом причиняющем страдания теле, как в тюрьме, жила подневольная душа, которой хотелось вырваться, улететь туда, где её давно ждут те, кто её любил. В душе, несмотря на прожитые годы, Катя оставалась всё той же маленькой девочкой в розовой панамке.

Замужем Катя никогда не была, детей у неё не было. В её жизни случилось несколько недолгих любовных связей, которые так ни к чему и не привели. С коллегами из библиотеки, в которой всю жизнь проработала, после выхода на пенсию она отношения не поддерживала. И теперь за ней ухаживала только дальняя родственница, сорокалетняя Таня, которая жила в соседней комнате и помогала по хозяйству.

Катя заметила, какой странной стала в старости её память: она часто не помнила, что произошло вчера, куда положила очки, выпила ли лекарство, но зато помнила и могла пересказать во всех подробностях события шестидесятилетней давности.

Катя почувствовала, что сильно замёрзла. Да, нынче не май месяц, подумала она, поёжившись. Дотянулась до пледа и накинула его поверх халата. В соседней комнате выл пылесос. Это Таня делала субботнюю уборку.

Катя погладила нежный и мягкий краешек старенькой подушки с бахромой. Эта вещь до сих пор хранила ароматы детства. Она пахла так, как пахло в родительском доме: кухонными полотенцами после стирки, горчичниками, чайным грибом в банке, горькой редькой с мёдом, которой мама лечила их с сестрой от простуды; тяжёлым ковром и пылью, скопившейся на нём; папиным тройным одеколоном, маминым любимым кремом «Тик-так».

С одной стороны подушка шита из кусочка шерстяного цветастого платка – такой раньше повязывали на голову зимой, а с другой стороны на чёрном бархате вышиты гладью сказочной красоты бутоны и лепестки алых роз с нежно-зелёными листочками, райская золотая птица и серо-голубой павлин с золотисто-жёлтым крылом и длинным хвостом-веером. Эту картину вышивала мама.

В детстве, стоило Кате заболеть, мама заботливо укладывала её пылающую от высокой температуры голову на прохладный чёрный бархат с розами и павлином, ласково поглаживала лоб и приговаривала: «Кто на подушечке волшебной ночью поспит – быстро выздоравливает». Она верила маме, и действительно – к утру всегда становилось лучше, температура снижалась. Да и сейчас Катя ложилась спать на эту волшебную подушку и верила, что она поможет. Ведь самое главное – верить.

Озноб пробивал сквозь плед. Пальцы рук и ног онемели. Катя прислушалась. Таня, судя по звукам, закончила пылесосить и принялась протирать полы. Из соседней комнаты доносился стук швабры, то и дело сшибающей углы, многоголосье работающего телевизора и треск подпрыгивавшей во время работы стиральной машины.

Катя перевела взгляд с подушки на полку старого шкафа. Там стояла её любимая книга «Дядя Стёпа». Огромная, по сравнению с другими детскими книгами, в бежевой обложке, обкусанной с лицевой стороны домашними хомьяками – Хомкой и Фомкой. Эта книжка столько раз спасала её от страха и одиночества. В детстве она боялась оставаться дома одна. Мама каждое утро отвозила сестру в детский сад на автобусе, а Катин первый класс учился во вторую смену. Поэтому Катю закрывали в пустой квартире, в которой, благодаря буйной детской фантазии, сразу же оживали призраки под ковром, Синяя Борода в кладовке, слышалось шуршание домового за занавеской и шёпот злой колдуньи в платяном шкафу. Мамы не было целый час, и этот час надо было пережить. Стуча зубами и пытаясь унять дрожь в коленках, она бежала к полке с книгами, поскорее открывала «Дядю Стёпу» и начинала читать, рассматривать цветные картинки. Вот дядя Стёпа ремонтирует светофор, воспитывает хулигана, а вот он спасает старушку с бельём. Книга была её оберегом, заветным кругом Хомы Брута, защищающим от Вия. Ей казалось, что если она не будет смотреть на домового и колдунью, то и они не увидят её. Так проходил час, и в тот момент, когда она открывала любимую картинку, на которой очередь из молодцев в форме Балтийского флота несёт кому-то в подарок огромного надувного дельфина, слышала долгожданное шуршание маминого ключа в замочной скважине. Она в слезах бежала в коридор, чтобы обнять мамины холодные, пахнущие свежестью и морозом колени, чтобы уткнуться носом в её колючее зимнее пальто и почувствовать: спасена!

Катя сидела с закрытыми глазами, чуть раскачиваясь назад-вперёд, погружённая в воспоминания. Вдруг на телефоне прожужжало напоминание выпить лекарство. Катя взяла с прикроватной тумбочки несколько белых и жёлтых, круглых и продолговатых таблеток, привычным жестом закинула их в рот и, чувствуя на языке всё нарастающую горечь, поскорее запила их водой из кружки. В желудке стало неприятно. Надо перетерпеть. Захотелось есть. Обычно в это время Танюша принесли ей еду. Катя почувствовала, как в щёлочку под дверью проникает аппетитный запах ванильных сырников и аромат только что сваренного кофе. Значит, скоро будет завтрак.

Катя вспомнила, как в детстве по утрам мама разливала по стеклянным стаканам горячий, пахнущий мятой и чабрецом чай, который невозможно было пить – он обжигал руки и губы. Но мама как-то умудрялась пить и не обжигаться. От пшённой каши, наложенной в алюминиевую миску, шёл пар, и у Кати запотевали очки, и долго потом ничего не было видно.

Катя видит себя – маленькую, худую, коротко стриженную – за деревянным столом. Она зачерпывает кашу на кончик ложки и старательно дует. Долго рассматривает узор на алюминиевой ложке. Сестра Дашка уже успела съесть свою порцию и просит добавки. Каша в Катиной тарелке давно остыла, стала холодной и невкусной. Дашка уже доедает добавку. А Катя всё сидит, размазывает ненавистную пшёнку по краям тарелки. «За что мне такое наказание – кормить этого ребёнка, – выходит из себя мама. – Сладкого не получишь, пока кашу не съешь». Дашка уплетает вторую шоколадную конфету, с Катей не делится. Ну и что, подумаешь? Не в конфетах счастье.

Как ни странно, мужчины, которых Катя когда-то любила, ей никогда не снятся. Она и раньше нечасто их вспоминала, а теперь и вовсе забыла их черты лиц, улыбку. Снятся ей один за другим моменты из детства.

Катя часто видит один и тот же сон. Или никакой это не сон, а воспоминание? Теперь не понять, где сон, а где реальность – всё смешалось...

Такой же, с размытой серостью ветвей, ноябрьский день, и они с сестрой играют в прятки. Катя считает до десяти, уткнувшись лбом в засаленные оливковые обои, а Даша прячется. Катя идёт искать. Смотрит сначала на кухне за сиреневыми занавесками, потом на пыльном полу под диваном – сестры нет. Заглядывает во все углы и под стол – сестры нет. Катя обходит все комнаты, ищет в кладовке, среди банок крыжовникового варенья, и в пахнущем нафталином платяном шкафу, но сестры нигде нет. Она размазывает ладонями слёзы по покрасневшим щекам и, рыдая, кричит: «Дашка, выходи, я сдаюсь». Но Дашка всё не выходит из своего укрытия...

Катя сидела, глядя в одну точку на вспученных обоях. Вдруг в вазе, стоявшей на столе, послышался глухой шорох листьев. Затем ещё один, и из-за апельсинового дерева вышла семилетняя девочка в бирюзовом платье, с двумя хвостиками, и весело помахала ей рукой.

– Так вот где ты была всё это время, – улыбнулась Катя.

– Ну конечно, – засмеялась девочка. – Сначала я спряталась за дерево и радовалась, что ты меня не можешь найти. Потом я очень веселилась, потому что все меня искали: мама, папа, бабушка и даже соседи. А потом всё затихло, и мне стало скучно.

– Там хорошо? – прошептала Катя бесцветными губами.

– Очень хорошо! Пойдём, поиграем в прятки в апельсиновом саду? – подмигнула ей Даша. – Катя кивнула, потом снова улыбнулась, легко и радостно.

Тогда девочка вложила свою маленькую ладошку в Катину шершавую, сморщенную руку, и они зашагали в тень апельсиновых деревьев. Радуюсь своей проделке, они из-за ствола дерева

наблюдали, как в комнату вошла с чашкой кофе и сырниками Танюша, как поднос с завтраком полетел на пол, как на бежевом ковре растеклось густое кофейное пятно. Лицо Тани было неестественно бледным. Она зачем-то тормозила, расталкивала что-то лежавшее на кровати – грузное, мешковатое, застывшее и уже ненужное. Неживое.

Дмитрий ВОРОНИН

п. Тишино, Калининградская обл.

Воронин Дмитрий Павлович родился в 1961 г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины. Автор 4 книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День Литературы» Москва, лауреат 1 премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» Москва. Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Северо-Муйские огни». Участник более 50-ти альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом.

Поздняя месть

Рассказ

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всеразличные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компаниях, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компания показались голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих.

Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошёл техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни.

– Получи, – отсчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти – себе на обновки, эти – Наташке на подарки, эти – на проставку ребятам, а эти – на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берёт его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?

– Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаюте... – замялся Костик, теребя непослушный вихор.

– Ну смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.

– Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.

– Ого! – сделал удивлённое лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?

– Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, – Костик умолк, окончательно смутившись.

– Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик стоя умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить всё дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнёс:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана», знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

– Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущённый, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

– На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

– Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже – кофе.

– Сделаем, – записав заказ, официант ушёл.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

– Ну, как тебе экспедиция? – спросил Григорий Моисеевич. – Понравилась?

– О, это такой кайф, такой адреналин! – оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

– О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и быстро повернулся назад.

– Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потертые джинсы и не заправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

– Знакомся, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

– Любопытно, любопытно, – несколько поскуцнел Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей, и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

– Ну, а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более, ты уже уселся.

– Вот и хорошо, вот и ладушки, – потёр ладони Лямкин и прокричал в зал: – Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

– За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

– Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

– Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...

– Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

– Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – перевёл он разговор на другую тему.

– Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудак. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крякнул, закусил и повернулся к Костику.

– Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похваляться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперёд и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.

Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.

И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.

Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захопал Григорий Моисеевич. – Это величина!
Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

– И ещё из недавнего.

Люблю себя в своём лице,
И невозможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.

Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актер Качалов.

Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она – орёл, она – жар-птица.

Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.

Костя изумленно уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:
– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

А вот и встал на веки миг
Во славу музе потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.

Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!

И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.

А в нём весь я, с конца в конец,
Моё нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошёл, аки Бог, – налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаённый смысл, – светился всем лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, – криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. – Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

– Хорошо, хорошо, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, – пренебрежительно скривил губы Лямкин. – А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнёс Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – не понял Костик.

– В смысле – два дерьма, – ответил поэт.

– Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

– Дерьмо и дерьмо.

– Ахматова и Цветаева? – недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

– Ахматова и Цветаева – ещё два дерьма.

– Да вы что! Как же так? Ну а Пастернак, Блок, Есенин?

– Ещё те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрывку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!

– А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.

– Дерьмо твой Пушкин!

– Всё, – ненавидяще произнёс Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костика, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

– Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров заинтересовался:

– А кого я нёс-то, скажите?

– Да этого... Леонида Лямкина.

– Вот чёрт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил всё-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!

Владимир КОЛАБУХИН

г. Ярославль

Колабухин Владимир Гаврилович родился 5 июля 1937 года в подмосковном городе Коломна. По образованию юрист, окончил Московский факультет ВЮЗИ. Член Союза российских писателей. Автор нескольких книг прозы и стихов, дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов. Первая публикация в журнале «Северо-Муйские огни» - №1/53/2016.

Затмение

Рассказ

Алексей, приподняв голову с подушки, взглянул воспалёнными глазами на сестру.

– Что делать, Зоюшка?.. Мне совсем невмоготу стало.

– Снова ты за своё, – укоризненно отозвалась сестра, старательно перебирая вещи в комод.

– Евангелие почитай. И не гневи господа.

Зоя повязала на голову тяжёлый чёрный платок и сразу преобразилась: привлекательная ясноглазая блондинка, лишь на один год старше своего двадцатипятилетнего брата, она стала похожа на старуху.

Алексей забеспокоился.

– Ты куда?

– К братьям и сестрам нашим, – Зоя оправдала на себе строгое тёмное платье и добавила: – Из Чернигова приехал сам апостол, с нами говорить будет. Мы и о тебе помолимся всей общиной.

– А серьги, подарок мамы, зачем с собой взяла? И так всё ценное к ним перетаскала.

– Да ведь и нельзя без приношений, Алёшенька. Для твоей же пользы стараюсь.

Зоя истоиво перекрестилась, глубже заправила под платок густые волосы, торопливо направилась к выходу из комнаты.

Стукнула дверь, и Алексей вновь впал в забытие. А когда очнулся, то первое, что увидел, были испуганные глаза Лены, соседки по квартире, его ровесницы-односельчанки, обучающейся в городе на агрономических курсах.

– Ты зачем опять здесь оказалась?

– Зашла проведать. Вы так стонали... Я «Скорую» вызвала. В больницу вам надо, лечиться.

– Не вмешивалась бы, – буркнул Алексей. Его раздражала её постоянная забота о нём и что он лежит перед ней такой совсем немощный.

Губы девушки дрогнули от обиды. Но, внимательно посмотрев на него, смолчала, слишком плох он был на этот раз: исхудалое лицо пожелтело, на лбу выступила испарина, русые волосы слиплись...

Лена обвела взглядом комнату.

– Как здесь душно!

Поднялась с табуретки, в задумчивости прошлась взад-вперёд по комнате. Распахнула окно, выходящее в сад. В комнату пахло свежестью и ароматом цветущей сирени.

Алексей рассеянно скользнул взглядом по её стройной фигуре в простеньком платьице с пояском и отвернулся. Догадывался, что уже давно приглянулся этой девушке, всегда готовой услужить, в чём-то помочь. Признаться, и она, с её чёрными, как спелые вишенки, глазами и мягким певучим голосом, нравилась ему. Но любил он совсем другую, одну-единственную – зеленоглазую

хохотушку Катеринку. «Где-то она сейчас, кому улыбается?» – с тоской подумал Алексей, вспомнив о неверной невесте.

Лена вздохнула: «Опять отвернулся. Сердится. Ну и пусть! Как бы здоров был – может, и не мозолила глаза, не вмешивалась бы...»... И снова присела у его койки.

– Вы приготовились бы пока...

– Вот заладила! Ни в какую больницу я не поеду, и не уговаривай!.. Расскажи лучше, как домой съездила? Что нового в селе?

– Ой, новостей-то много! Два новых комбайна пригнали. Две свадьбы сыграли – зоотехника и директора школы, интернет-клуб открыли...

– А в поле была?

– Была. Красотища там! Над озимью небо синее-синее. А жаворонки так и заливаются!..

Алексей потянулся к тумбочке за сигаретой. Нервно щёлкнул зажигалкой.

– Вам нужно бросить курить, у вас язва, наверное.

– А-а, ерунда! Видно, всё равно мне крышка.

– Нет! Вам жить надо, жить! – вспыхнула Лена. Она знала его прежде таким здоровым и сильным! Сколько раз порою украдкой заглядывалась на его могучую мускулистую фигуру, загорелое лицо. И вот, на-поди, – так раскис...

– На всё воля божья, – устало повторил Алексей когда-то услышанные им слова сестры.

– Эх вы... Комбайн на секту променяли, – усмехнулась девушка. – Ну, скажите, что вам помешало на селе?

Алексей стиснул зубы.

– Не трогай за сердце. Прошу тебя.

И сразу представил себе Катерину. Вспомнились их первые встречи на сенокосе, жаркие объятия и поцелуи. Тогда он был счастлив и думал, что так будет всегда.

«Ах, Катя-Катюша! – чуть не застонал он. – Увлёк-таки тебя проклятый агроном. А ещё другом прикидывался!»

– А вам снова письмо.

Алексей оживился.

– От кого?

Лена с радостной улыбкой достала из кармана платья конверт.

«Ты хандру свою брось, – писали Алексею друзья-механизаторы. – Тоже нам, бригадир! Не успел приболеть, а уже к сектантам в сети попал. И потом, неужели свет клином сошёлся на твоей зазнобе? Не любила, значит...»

Алексей отложил в сторону письмо, усмехнулся.

– Что смеётесь? – напустилась на него Лена. – Ребята всё правильно написали. Они со мной говорили. За своё счастье бороться надо, а вы и крылышки сложили. Что вам в больнице-то, хуже будет? Упёрлись на своём: не хочу, не поеду! Под лежачий камень, говорят, и вода не течёт...

В тот же вечер «Скорая помощь» отвезла Алексея в больницу.

...После операции он впервые за долгое время болезни спал спокойно. А когда проснулся, захотелось увидеть сестру. Вспомнил, как неожиданно приехала она к нему в село, вся в чёрной одежде. Молча прижалась к груди, расспрашивала о болезни, о Катерине. Успокаивала, долго рассказывала о каких-то «братьях и сестер христовых». И опять успокаивала: «На всё воля Божья. Знать, прогневал ты Господа...»

Слушал он сестру плохо. А Зоя всё уверяла, что апостол сумеет вернуть Катерину и здоровье. И уговорила-таки, увезла с собой в город: всё же каждый человек в определённых обстоятельствах – мистик. Вот и ему тогда подумалось, вдруг и впрямь случится такое чудо, о котором говорила сестра? Словно затмение какое-то нашло на него. Да и в селе житья уже не было. Агронома видеть не мог, боялся сорваться, если встретится с ним наедине.

***

Проходили дни, и молодость Алексея брала своё. Болезнь отступила.

Зоя навещала часто. Тайком приносила то какой-нибудь сектантский журнал, то рукописные молитвы. И каждый раз твердила одно: апостол гневается, требует уйти из больницы.

– Брось, сестра! – рассердился однажды Алексей. – Если послушался бы его, не согласись на переливание крови, вряд ли видела бы меня сейчас живым. Спасибо докторам и Лене. Это она отдала мне часть своей кровушки. Ты почему во всём веришь «апостолу»?

Зоя растерянно заморгала. Потом тихо-тихо заговорила.

– Помнишь, когда сгорел наш дом и мама с папой погибли при пожаре, а ты ещё дослуживал в армии, осталась я одна-одинёшенька. Вот и уехала с горя в город. Думала, легко устройюсь, оказалось всё не так. Ни переночевать негде, ни... хоть волком вой! Брожу по улицам, плачу потихоньку... Апостол и встретился. От него узнала о «братьях и сестрах». Познакомил он с ними. Накормили они меня, обогрели. Потом комнатку дешёвенькую подыскали. Как же не верить ему? – с беспокойством вскинула сестра стрелки жидких бровей.

Алексей нахмурился.

– Это не то... Жизнь у тебя, посмотрел, всё равно никудышная. Одни посты да молитвы. В общине всё прощение себе вымаливаете. А за что? За какие такие грехи? Вот ты, например, в районе лучшей дояркой слыла. А кто ты теперь? За гроши поломойка в молельном доме. И вообще, сестра, не в свою мы избу заглянули. Раскрой глаза, опомнись! Все эти «братья и сестры» только о конце

света и ладят. А нам жить надо. Настоящей, полной жизнью. На дворе-то не пещерный век. А ты радио и то не слушаешь.

Зоя ахнула.

– Ты и в Бога не веришь? Что Он есть?..

Алексей задумался, помолчал немного.

– Раньше, когда ещё в школе учился, сомневался, – снова заговорил он. – Но теперь, Зоюшка, как побываю летом у гудящего муравейника в лесу или посмотрю в ночное небо на мерцающие звёзды, так и подумаю: до чего в мире всё здорово организовано, такая в нём гармония царит!.. И какой такой величайший конструктор Вселенной всё это сотворил? Ведь вот учёные, например, до сих пор ещё не могут разгадать тайну не только зарождения Космоса, но даже появления всего живого на Земле. Того же муравья, скажем. Или – человека. На ум тогда невольно приходит мысль, что всё-то в Космосе и земной жизни вовсе не случайность, а естественная закономерность, определённая каким-то Высшим Разумом, Всемогущим Творцом, как бы люди ни называли его в своих религиях.

Алексей внимательно посмотрел в удивлённые глаза сестры: понимает ли Зоя ход его мыслей?

– Мне просто не по душе дикарство религиозных сект. Вот что, к примеру, ваша община требует от прихожан?.. В армии – не служи, в больнице – не лечись, в кино и театры – не ходи... Она сбивает с толку доверчивых людей. Таких, например, как ты. Да и просто вредна. «Апостол» ещё и шикует за их счёт. По улице, как ты знаешь, не пешком ходит, не в трамвайчике ездит – на шикарном «мерседесе» катается! Вот и Лена говорит...

– А ты её до себя не допускай! – с жаром заговорила Зоя. – Чую, она тебя в сомнение вогнала. Ишь, как зачистила в больницу! Что она от тебя хочет? Что?

А Лена действительно почти ежедневно забегала к Алексею в больницу. Каждый раз рассказывала что-нибудь о своих курсах, о новинках кино, сельские новости. И Алексей с большим нетерпением ожидал её прихода.

Наконец, наступил день выписки из больницы.

У дома его встретила Лена. Глаза девушки радостно сверкнули.

– Уже вышли? Как хорошо!

Алексей протянул ей руку и еле удержался, чтобы не обнять эту милую девушку, ставшую ему такой родной за последнее время. Лена уловила его порыв, смутилась.

– Здесь останешься или в село вернёшься? – неожиданно для обоих, обратилась она к нему на «ты».

– Не знаю... Хорошо бы сестру уговорить, захватить с собой.

– А я уезжаю завтра. Совсем. Получила свидетельство об окончании курсов и уезжаю.

– Как?.. Как уезжаешь?!

***

До отхода поезда оставались считанные минуты, а Алексей и Лена всё ещё прохаживались вдоль вагонов.

Лена, наконец, остановилась. Смущённо улыбнулась.

– Пора прощаться...

– Алёша! – послышалось вдруг позади, и Алексей увидел, как сразу нахмурилась Лена. Он повернулся. Рядом стояла Зоя.

– Я пошла. До свидания, – отступила к вагону Лена.

Алексей рванулся следом. Сестра ухватила его за рукав тенниски.

– Тоже уезжаешь?

– Нет-нет, – торопливо ответил Алексей, пытаясь освободить руку. И только в этот момент заметил рядом с сестрой «апостола», чьи глаза бегали по сторонам, словно он боялся окружающих.

– Поклонись, поклонись апостолу, – зашептала Зоя.

– Слышал я, помогли тебе наши молитвы, – приблизился тот к Алексею. Голос его был неприятно слащавым. Да и сам «апостол» – пузатый коротышка с хитроватым прищуром бегающих почти бесцветных глаз, в чёрном длинном плаще, несмотря на жаркий день, большой чёрной шляпе и с крупным мясистым носом на упитанном гладком лице, – был ему противен...

Тепловоз мягко вздрогнул, медленно покатыл вагоны.

Алексей шагнул к тому, где была Лена. Она стояла у открытого окна, улыбалась. Но улыбка была растерянной. Казалось, девушка вот-вот расплачется.

«Апостол» потянул Алексея от вагона.

– Домой, брат. Домой! Забудь эту заблудшую отроковицу, – кивнул он в сторону Лены, продолжая плести свою паутину. – Отбрось, брат, греховные мысли...

Алексей повернулся к нему как ужаленный.

– Да пошёл ты!.. – выругался он и снова рванулся к составу. На мгновение оглянулся на сестру. «Апостол» яростно отчитывал Зою, взбешённый злой репликой её брата. Зоя ёжилась, смиренно опустив глаза, переминалась с ноги на ногу.

«Да! Если мне уезжать, то надо и сестру от «апостола» забирать», – подумал Алексей. – Не оставлять же этому пауку».

– До свидания, Алёша! – услышал он затихающий голос Лены.

– До «скорого», Алёнушка! – как можно громче прокричал Алексей в ответ и поспешил к сестре на выручку.

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многолетнего повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (3 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публикует журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель российских и зарубежных литературных конкурсов.

Урок

Рассказ

Лёха – мой сосед – большой любитель побродить по лесу. Вот и меня однажды соблазнил за ягодами. Я до ягод-то не шибко охоч – больше обожаю грибы, но уж больно мой знакомый нахваливал землянику на вырубках. Ладно, думаю, коли так; земляника – ягода вкусная, да и полезная, опять же. Всяких там микроэлементов – на полтаблицы Менделеева. Пошли.

Я в леспромхозе человек новый, Лёха же тут и родился, и учился, и женился, – словом, всю жизнь. Лес он действительно знал хорошо. Отмахали мы километров десять до тех самых делянок – и, правда, ягод – как насыпано! Вырубка не старая, молодняком ещё не затянуло; травка только реденькая промеж пней, да ёлочки кое-где, уцелевшие от тракторного нашествия, – землянике и раздолье. Соками лесными напилась, солнышком жарким насытилась – крупная, сладкая, а запах!.. Ни одна ягода лесная столь ядрёного запаха не имеет, как земляника! Ни малина, хоть и тоже душиста, ни, тем более, черника или ещё что.

Ходко у нас с Лёхой дело пошло; что ни пень, то полстакана, а промеж пнями шаг всего иль два. И ягоды все отборные, как маленькие фонарики на кустышках краснеют. Красота! И брать задорно. Только я с тарой оплошал: посудина, которую прихватил с собой, скоро до верху наполнилась, и стал я уже не столько собирать, сколько выискивать чего бы поинтереснее. Гляжу – вырубка косогором пошла, ельничек в низинке виднеется.

«Вот, – думаю, – где мне надо попроведать. Там и рыжик, и всякий прочий гриб может оказаться... Тепло ведь, да и дождики частые». Ну и залез.

А ёлочки густо, я промеж них местами даже на коленках перелезал – и точно, попались грибки. Собрал я все, сколько было, и опять чуть не на четвереньках и вылезая на чистое место. Голову задрал, как вылез, глядь – Лёха. Стоит будто памятник посереде вырубки и глазищи на меня. Я ещё и рот не успел открыть, чтобы спросить с чего это у него такой «столбняк», а «памятник» и заговорил. Да странно так... Ты, говорит, меня хорошо слышишь? Дивно мне стало – с чего бы это он мне такие вопросы – но отвечаю: хорошо, мол. Тогда, говорит, слушай, чего я тебе скажу, и делай всё точь-в-точь. Во, думаю, дела; что дальше, то смешнее: то про глухоту мою интересуется, то в робота какого-то обратиться хочет... А Лёха уж и дальше: «Иди тихо, прямо ко мне и не оглядывайся по сторонам».

Странный какой-то голос сделался у приятеля, машинный какой-то, словно у заведённого патефона. Ладно, иду, коли просят. Гляжу, а у напарника глаза шире-шире-шире – лопнут ведь! Только я об этом Лёхе сказать хотел, вдруг сзади кто-то как взрвкнет! Ну, тут уж я все инструкции Лёхины по боку и обернулся. Мама родная: чуть не из того же ельника медведица вылезает! Возле неё один карапуз вертится, а другой со всех ног от меня улепётывает. То-то я слышал, когда шёл, что шарчало позади меня что-то. Добегает медвежонок до матери, а та, ни слова не говоря, как огреет его лапой по заднице. Бедняга аж подскочил! А мамаша в раж вошла и давай его охаживать по известному месту: «Сколько тебе раз говорила – не лезь к двуногим! Нету в лесу зверя коварнее, чем эти безволосые. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!»

А тяжела материнская лапа, медведик аж взрехивает после каждой «примочки». А мамаша никак не уймётся: «Мало тебе брата для забавы, так ты ещё приключений на свою задницу ищешь?! Ата-та! Ата-та! Ата-та!»

А проказник безропотно материнскую науку сносит, мулявкает только с каждым разом – соглашается, наверное. А может, обещается – не буду, дескать, больше. Выполнила родительница воспитательную процедуру – и следом за отпрысками в ельник. Только трескотня по лесу! И Лёха, гляжу, зашевелился. Глаза в берега вошли, и ходко так в сторону дома засеменил.

«Чего хоть тут было-то? – догоняю. – Пошто ты мне такие инструкции давал?»

Всё и прояснилось.

«Ты, – говорит, – как появился из ельника-то, я на тебя взгляд и кинул. Смотрю – а сзади тебя два медвежонок в траве барахтаются! И тоже тебя увидели. Один и рванул прямо к тебе – поиграть, наверное, задумал». – «Ну, так и дал бы! – не утерпел я. – Всё малышу разнообразие». – «Ты что? – опять выкатились Лёхины глаза. – Очумел что ли? Я же сразу понял, что такие малыши не могут гулять по лесу одни. Значит и мамаша ихняя тут где-то. А ну как она вывалилась бы из ельника да увидела, что ты на её несмышлёныша внимание обратил? Она бы не стала про твои намерения спрашивать, а первым делом с тебя скальп содрала бы! На всякий случай... А после уж и с меня, если бы ноги не унёс. Понял?» – «Не понял, – честно сознался я. – Какая разница-то? Всё равно ведь я рядом был». – «Рядом да задом! – срифмовал Лёха. – Любому живому существу с одного взгляда понятно, что хоть и бежит дитя родное за человеком следом, но, судя по человеческому расположению, ничем это малышу не грозит. А значит и скальп можно пока не снимать – теперь понял?» – «Теперь понял», – кивнул я, и через минуту-другую мы уже хохотали с Лёхой на весь лес, вспоминая урок медвежьего воспитания. Хорошо, когда всё хорошо кончается. И для людей, и для зверей.

Леонид КИТАЕВ-СМЫК

г. Москва

Леонид Александрович Китаев-Смык (родился в 1931 г.) – заслуженный испытатель космической техники, учёный-психолог, академик Всемирной экологической академии. Более шестидесяти лет занимается проблемами медицинского, психологического, социального и военного стресса. Участник многих опасных экспедиций, занимался альпинизмом, парашютным и другими экстремальными видами спорта. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Две удачи вороного коня

Рассказ

Наша экспедиция, поднимаясь всё выше в горы, шла к центру высокогорного Тянь-Шаня. В заоблачных горах нас ждали вечные льды и снега. Может быть, там скрывается загадочный снежный человек. Увидеть его – одна из наших целей. За спинами у нас – рюкзаки и охотничьи ружья для обеспечения пропитания, да и на всякий случай, в неизвестных краях всякое может случиться.

Часть грузов несут шесть невысоких мохнатых гнедых лошадок, очень выносливых, сообразительных. И один вороной конь, сильный и добродушный.

Было ещё рано, но солнце уже палило сквозь разряженный на большой высоте воздух, как гигантская кварцевая лампа в огромном физиотерапевтическом кабинете. Долгий подъём закончился, и мы вышли на скалистый гребень – Чи-Чар. Раскрылась широкая долина. Далеко внизу, слева направо протекала река Кызыл-Копчигай, казавшаяся отсюда извилистой серебряной проволокой. В сверкающей пене она неслась по камням, и её рёв слышался даже здесь, в вышине. За рекой, в синей дымке, вздымался гигантской стеной горный хребет Как-Шаал-Тоо. Он очень высок. В тёмно-лазурное небо упираются его вершины – «пятитысячники». По этому хребту проходила граница СССР с Китаем (теперь между Киргизией и Китаем). На хребте – перевал Май-Бас. Есть легенда, что на нём убили контрабандиста по прозвищу «Масляная голова» («Май-Бас» по-тюркски).

Здесьние места были значимые для меня потому, что через этот перевал ещё в начале 20-х годов прошлого столетия перешёл мой отец со своим помощником, спасаясь после разгрома нашего посольства в Кабуле (это было первое советское посольство в те времена). Отец служил советником нашего посла в Афганистане Сорокина и резидентом нашей военной разведки. Через свою афганскую агентуру отцу удалось узнать о подготовке разгрома посольства (любимое занятие англичан?). Все наши дипломаты спаслись, незаметно покинув здание ночью. Отец со своим помощником и четырьмя лошадьми, чтобы обмануть преследователей, той же ночью ушли в другую сторону, в Китай. Потом, уже поднявшись через Май-Бас, прошли в нашу страну. Кое-что об этом есть в кинофильме «Миссия в Кабуле».

Чудесное спасение

У нас из-под ног спускалась широченная горная складка. Её каменистые склоны, поросшие чахлой травой, круто сходясь, не смыкались: между ними была глубокая трещина шириной с улицу средних размеров. По таким уходящим вниз трещинам (их называют кулуарами) весной несутся талые воды со склонов. Летом они сухие, по ним громяют камни, сорвавшиеся с горных вершин. Понятно, что из-за этого по кулуару спускаться нельзя. Мы пошли по еле заметной тропе, змеящейся по правому склону громадной складки.

Главная опасность заключалась в том, что, поскользнувшись на крутизне и не удержавшись на ней, скатишься в кулуар и разобьёшься. Идём, постепенно спускаясь. Вдруг снизу по цепочке передают: «Лошадь не слушается! Срочно доктора!». Доктором был я. Среди нас пока нет больных, поэтому мне поручено следить за «здоровьем» лошадей, а попросту говоря, помогать двум киргизам-проводникам, хозяевам нашего маленького табуна. Вторым «лошадником» был Коля Тишин, самый молодой из нас. Наше назначение начальник экспедиции Ваня Бирюков обосновал так: «Вас лошади любят!». Ещё и потому, что я совсем молодым жил в Казахстане и работал с лошадьми.

Мы с Колей уже успели познакомиться со всеми лошадьми, узнать особенности характера каждой. Поэтому я ничуть не удивился, когда меня позвали. Отдав кому-то повод своей лошади, спускаюсь вдоль остановившегося на склоне каравана. Виновником остановки оказался вороной конь. Вьюки у него съехали со спины на плечи. Снять их было невозможно, потому что на крутизне их не удалось бы удержать. Они покатались бы вниз в кулуар, разбились бы и пропали. Беда в том, что аркан (волосяная верёвка), которым крепились упряжь и вьюки сзади к коню, оказался у него под хвостом и протёр кожу. При каждом шаге животное испытывало боль. Конь храпел, пена стекала с губ, глаза потускнели, ввалились и, казалось, ничего не видели из-за страданий.

Я взял коня под уздцы, потянул. Коню было больно идти, и, переступая с ноги на ногу, он скакнул, как в галопе, остановился и закачался, с трудом удерживая равновесие. Представляете, как это опасно на крутом склоне над пропастью! И всё же мы решили потихоньку свести коня вниз. Крепко держу поводья у самых его губ. Юра Гранильщиков, высоченный, сам как конь, двумя

руками ухватился за конский хвост. Мы не даём ворононому скакать, заставляем шагами спускаться наискосок к склону. Если время от времени конь храпит и делает скачок, то мы с Юрой, спереди и сзади изо всех сил останавливаем его и, прижимая боком к склону, не даём отклониться в опасную сторону.

Вдруг чувствую, как сильно сотрясается всё моё тело. Лечу, не успеваю удивиться, почему мои ноги находятся над головой. Оказывается, конь, не выдержав боли, сделал сильный скачок. Его хвост выскользнул у Юры из рук, в прыжке сбив меня передними ногами, конь, перелетев через меня (к моему большому счастью), упал и на брюхе заскользил по склону вниз к пропасти. Судорожно держусь за повод, съезжая вслед за конём. Слышу чей-то крик: «Брось повод! Брось повод!».

Моё сознание отказывается признать, что произойдёт, если мы доскользим до края, поэтому держусь за повод что есть сил. Из-за жары я без куртки, и рубашка не может защитить от острых камней (но это я заметил потом).

Юра прыжками догоняет нас, хватается вместе со мной за повод. Упирается тяжёлыми горными ботинками в каменистый склон. Чувствуем, что соскальзывание лошади удалось остановить. Оставив своих лошадей, к нам на помощь спешат другие ребята. И тут... на затылке коня лопаются ремни уздечки! Конь опрокидывается и катится кувырком... Ещё секунда – он скрывается в кулуаре.

Все замерли, окаменели. Только киргиз-проводник Колувай жалобно причитает почему-то детским голосом: «Ай-ба-яй, пропала лошадь. Ай-ба-яй, пропала лошадь».

Над обрывом, где только что исчез конь, взметнулся, закурвился зыбкий столб пыли, как дым, выдохнутый беззубым, бездонным ртом пропасти. Над нею, напрягая крылья, быстро скользит большая птица, как нож, брошенный опытной рукой. Её уверенный полёт освобождает сжатую во мне пружину нервного напряжения. Душевный паралич исчез так же внезапно, как возник.

«Она видит, что стало с лошадью! И я должен увидеть!» – пронеслось в голове. Нахожусь ближе всех к краю кулуара и первым добираюсь до него, ложусь на живот, подтягиваюсь, заглядываю в темнеющую бездну... И!.. вижу глаза! – огромные, чёрные, влажные, с ужасом глядящие на меня. Горячее дыхание, вырываясь из-за оскаленных жёлтых зубов морды дракона, обжигает моё лицо. Кто это? Вздрагиваю от ужаса. Страшный властитель гор, проглотивший жертву? Всё это за какую-то долю секунды.

Мгновения достаточно, чтобы узнать нашего вороного коня. Он жив и, кажется, цел! Чудо?!

Подо мной, метрах в полутора, из отвесной скалы обрыва выдаётся небольшой скалистый уступ шириной не более метра. На нём лежат сорвавшиеся с коня вьюки. На вьюках, как на табурете, сидит вороной конь. Сидит, как сидят собаки, в позе, не свойственной лошадям, и со страхом смотрит на меня. Конь будто висит над кулуаром, дно которого метрах в двадцати под нами усеяно острыми обломками скал, не докатившимися до реки, рокочущей далеко в стороне. Спускаюсь на соседний уступчик. Подбежавший киргиз подаёт мне запасную уздечку. Одной рукой держусь за камень, другой, с уздечкой, тянусь к коню. Не могу дотянуться! Но вижу: он сам тянется мордой ко мне. Накидываю на него уздечку. С большим трудом застёгиваю её. Конь встаёт на четыре ноги и со своего уступа осторожно переступает на мой уступчик. Я отхожу на следующий. Так по уступам выбираемся на склон, по которому катились, но ниже места, где несколько минут назад конь скрылся из глаз.

Спускаемся по тропе, ребята достают вьюки. Наш проводник Ашек осматривает коня, цокает языком. А я достаю флакон с синтомициновой эмульсией и обильно смазываю глубокие ссадины на ногах и под брюхом коня. Это первая (но не последняя) ветеринарная процедура в том походе. Смотрю на клочья моей рубахи, кровь на груди подсыхает.

Вороной конь бодрится: то высоко вскидывая голову, то наклоняясь, одобрительно косится на меня, тихо ржёт. Старается выглядеть молодцом? Показывая, что ему всё нипочём? Я тогда поверил ему и, как оказалось впоследствии, ошибся... Не надо было доверять ворононому, будто бы вышедшему без потерь из опасной переделки.

Таинственный Чи-Чар. Путь к китайской принцессе

Безмятежно счастливые после чудесного спасения вороного коня сидели мы в тот день за ужином у костра, не замечая ещё одного маленького чуда. Наш караван-баши (главный проводник, голова каравана) Ашек Чурепов, всегда молчаливый, суровый узбек со стальным взглядом чёрных глаз на будто бы выточенном из тёмного дерева лице, в тот вечер превратился в доброго рассказчика таинственных историй.

– Я расскажу вам, – начал он, – почему перевал этот назван Чи-Чар. Когда-то в нашу страну приезжало много купцов из южных стран. Раз привезли они красивую шкатулку, на крышке которой был нарисован портрет удивительной красавицы. Молодой киргиз Батыр купил ту шкатулку. Открыв её, он нашёл в ней перстень – колечко с драгоценным камнем. Примерил его на свой палец. И вдруг увидел, как красавица на шкатулке нежно улыбнулась ему. И в ту же минуту Батыр полюбил её всем своим юным сердцем. Купцы рассказали ему, что на крышке шкатулки – портрет китайской принцессы, и живёт она во дворце, в тенистых садах, вот за теми горами.

Ашек показал рукой в сторону горного хребта Как-Шаал Тоо. И мы все взглянули на далёкую исполинскую чёрную стену, заслонявшую чуть не половину звёздного неба.

– Батыр решил увидеть возлюбленную, – продолжал Ашек. – Оседлал вороного коня и двинулся в путь через горы и реки, вот как мы с вами. Но горные джины, злые и коварные, решили не пустить его, помешать его любви. Они набросали на этом перевале много конского навоза. Конь Батыра, наступив на навоз, поскользнулся, Батыр упал с него, перстень соскочил с пальца и скатился в кулуар, куда падал сегодня наш вороной конь. Долго искал Батыр свой перстень, не нашёл. Поехал без него. В пути ему встретилось много трудного и опасного. Всё преодолел!

Но стража дворца не пустила Батыра к принцессе без перстня. Принцесса не хотела видеть его: перстень был волшебным талисманом. Без него не было бы счастья у Батыра с принцессой. Не вернулся Батыр домой – стыдно было. Уехал в дальние страны. До сих пор ездит – ищет своё счастье. После него многие смельчаки искали здесь волшебный перстень, никто не нашёл.

Перевал стали называть Чи-Чар – это значит «конский навоз». Перстень где-то здесь лежит. Вот и сегодня напомнил он нам о себе. Может быть, хотел отомстить вороному коню, из-за которого Батыр уронил перстень. Но увидел, что сегодня другой вороной, и пощадил его.

Ашек закончил, и мы все молчали.

Вернувшись из похода, я искал в книгах разгадку тайны этой истории. Расспрашивал знающих людей. Кое-что мне рассказала опытная путешественница по странам Востока, кандидат географических наук Балтис Кармысова:

«Чи-Чар по-хакасски означает обрыв, крутизна, по-киргизски – высокий берег над другим низким, по-якутски – отмель. А вот по-казахски Чи-Чар, действительно, – конский навоз. Наверное, в основе этой легенды был реальный случай. Из-за крутизны перевал называли Чи-Чар – Обрыв. Киргизы и хакасы рассказывали про Батыра: «Его конь поскользнулся на обрыве, на чи-чаре». Когда эта история дошла до казахов, они по-своему поняли: «...поскользнулся на навозе, на чи-чаре»».

Искусственное дыхание коню

Поднимаясь всё выше в горы, мы день за днём привыкали, адаптировались ко всё более разряженному воздуху и к тяжести рюкзаков. Сбрасывая их с плеч на привалах, конечно же, чувствовали облегчение. Но при этом каждый из нас ощущал странное, неприятное состояние: собственное тело казалось без рюкзака неудобным, освобождённые от тяжести плечи невольно тянулись вперёд, ноги уже не давили на землю, казались ватными.

Тот день был пасмурным. «Кварцевую лампу» высокогорного солнца зашторили облака. Идти было не очень трудно. Мы переходили вброд неглубокую, но бурную речку. На том берегу тропа поднималась круто вверх и шла по каменному карнизу вправо, высоко-высоко над рекой. Первые лошади со своими вожатыми уже шли по нему, последние, и я с ними, ждали на этом берегу своей очереди переходить через реку.

Вдруг видим, как одна из лошадей на карнизе поскользнулась задним правым копытом на свежем конском навозе, резко осела, вьюки качнулись назад, и левая задняя нога не устояла. Наш кинооператор Генрих Левин стоит недалеко от неё. Медленно наводит на лошадь кинокамеру. «Что же он не поможет ей!? Нет! Всё равно не успеет», – пронесется у меня в голове. Лошадь упала на живот, вьюки тянули её к пропасти, она скользила туда, цеплялась передними копытами. Страшно было видеть, как её вожатая Надя Бирюкова пыталась отмотать, снять с руки повод, сползая вслед за лошадью. Счастье, что Наде удалось отцепиться от несчастного животного.

Видю, будто в замедленной съёмке: лошадь с вьюками у спины, падая с карниза, кувыркается несколько раз и скрывается в пенистых волнах. В первые секунды не могу представить, что это на самом деле. Сознание отказывается верить. Кажется, это кадры из страшного фильма. Мы вскакиваем, но помочь уже нельзя. Чувствую тоскливую скованность рук и ног. И будто кто-то говорит во мне: «Не надо! Не надо, чтобы это было на самом деле».

Меня охватывает неприятное муторное чувство. Наверное, то же ощущали четыре дня назад те, которые снизу наблюдали рискованные кувыркания вороного коня.

И вдруг вижу, как на том берегу одна из лошадей, только что начавшая подъём, с трудом карабкаясь по тропе, заваливается набок, а встать и не пытается! Её полусогнутые ноги трагически неподвижны.

Тут уж во мне вспыхивает чувство протеста: «Вторую лошадь надо спасти! Оживить!», – эта мысль, как пружина, подбрасывает меня. Бегу через реку. Она не глубока, но в быстрых струях ноги вязнут, как в глине. Обычно, переходя горную реку, внимательно ощупываю ногами камни на дне, но сейчас моими движениями будто руководит автомат, а все мысли только о лошади.

– Что с ней?! – кричу Коле Тишину, он уже возле неё.

– Не дышит!

На бегу у меня бьются мысли: «Не дышит... только что перестала... искусственное дыхание!? Надо делать искусственное дыхание! Но как?»

Тем временем Коля разрезает подпруги, сбрасывает вьюки. Грудь лошади свободна, но не дышит. Подбегаю и узнаю в лежащем вороного коня. Его глаз открыт, но в нём будто туманное

озерцо. Конь без сознания. Лежит на боку. Страшно подходить к его груди между передними и задними ногами. «Если вдруг в судорогах начнут биться огромные копыта... Покалечат меня?».

Упираюсь ладонями в огромную, с лоснящейся шерстью, лошадиную грудь, но сдавить её, чтобы сделать искусственный выдох, не могу. Отчаяние во мне, во рту пересохло. «Что делать? Что делать?! Я всё-таки врач, хотя не ветеринарный», – мысли картинками вспыхивают в моём сознании. И вдруг они, как домино на столе, выстраиваются в ряд. Появляется чёткий план действий.

Делаю два шага назад, короткий разбег и... прыгаю коню на грудь, упираюсь в неё коленями и ладонями. Грудь слегка сжимается. Воздух выдавливается со звуком «кхррра!», затем с сипением входит обратно. Делая эти два шага и прыгая, кричу Коле:

– Тяни его за язык! Шлёпай по носу!

Вы спросите: зачем? Мне вспомнилось, что у людей при глубокой потере сознания язык задвигается в глотку и закупоривает её. «И у лошади это может случиться? На всякий случай надо язык удержать».

И ещё одно соображение: восстановить дыхание помогает раздражение носа, например, нашатырным спиртом. Но его же нет! Эти мгновенные соображения превратились в мои команды Тишину.

– Не могу удержать! Он скользит! – кричит Коля. Мы оба кричим не столько из-за нервного напряжения, сколько стараясь перекричать шум реки.

– Шапкой держи! – это я Коле.

Он сдёргивает с белобрысой головы выгоревшую на солнце панаму и вместе с рукой засовывает её в рот коню. На этот раз язык удержать удаётся. Другой рукой решительно хлопает по бархатному носу нашего пациента.

Тем временем я успеваю ещё раз отступить на два шага и снова, уже смелее прыгаю коленями на грудь коню. Второй раз – выдох и вдох. Повторяю, так раз десять, через каждые три-четыре секунды. Наконец, вижу, как Коля отскакивает от коня, потому что тот выплёвывает и руку, и панаму, лязгает зубами.

Глаз коня опять стал чёрным, глубоким, веко дёргается, и... конь начинает дышать сам. Поворачивается на живот, сразу пытается встать. Смотрит на нас оторопело, будто ему неловко и стыдно валяться на земле (ведь лошади даже спят стоя!). Часто вздымаются бока. (Очень приятно видеть это.) Неловко встаёт, его всего сотрясает дрожь.

Вокруг молча стоят наши ребята, уверенные, что доктор хорошо знал, как оживлять лошадей. Не разуверю их, а устало говорю:

– Хорошенько разотрите его штормовками.

Ребята, несмотря на морозящий дождь, снимают куртки, энергично растирают ими коня. Кровоснабжение восстанавливается, и он уже не дрожит.

Надо сказать, что погибшего коня ребята вытащили из бурлящей реки, поймали и часть продуктов, которые были у него во вьюках.

После этих печальных событий киргизы-проводники отказались сопровождать нас дальше в горы. Решение было правильным: в этих местах тропы только звериные, не для лошадей. Киргизы пожелали нам удачи и погнали свой маленький табун обратно вниз на горные пастбища. А мы с потяжелевшими рюкзаками пошли дальше вверх. Нас ждал снежно-ледовый перевал, мы точно знали, что на него ещё не ступала нога человека.

Вернувшись с гор, мы спросили у киргизов, не известно ли им, как себя чувствует вороной конь.

«Он здоров, – ответили нам, – пасётся в табуне на горных лугах».

Остаётся неясным: отчего вороной потерял сознание и перестал дышать? Отчего у него возникло состояние, близкое к клинической смерти? После первого падения (в кулуаре) у него, вероятно, были небольшие повреждения внутренних органов. Не следовало ни нагружать его, ни гнать дальше в горы, сильное напряжение, когда он, спустя четыре дня, карабкался, поднимаясь на крутой склон (перед потерей сознания), вызвало резкое напряжение у него во всём теле и в животе, подействовавшее как ещё один удар. Реакция была, как у людей после удара «под дых», туда, где солнечное сплетение. От такого удара – не продохнуть. Как раз в этот момент вороной конь увидел страшную картину: его гнедой собрат, сорвавшись со скалы, падал в пропасть. Быть может, трагедия, произошедшая перед взором вороного, стала дополнительным моральным ударом, лишившим его сознания?

Нас многое ждало в этом походе. И высочайший снежный перевал. И падение Вити Лившица в пропасть, остался жив, я зашивал ему кожу на лице. И голод (Сергей Вейцман втихомолку решал – кого первого надо съесть). И воспаление лёгких у Милочки Терещенко (впервые на такой высоте его удалось вылечить, так как у меня был новейший в те времена антибиотик; ведь я работал в Институте фармакологии АМН СССР).

Юрий ЕГОРОВ

п. Развилка, Московская обл.

Егоров Юрий Николаевич, родился в 1961 г. в г. Баку. Профессор, доктор экономических наук. Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (2021). Лауреат III литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (номинация «Проза сказочная», 2018). Финалист национальной литературной премии «Писатель года» в номинации «Детская литература» (2017 – 2020). Призёр международного литературного конкурса «Ключи от счастья» (Самара, 2019). Специальный диплом за лучшую книгу сказок международного конкурса «Созвездие Духовности, 2018». Дипломант Московской областной литературной премии имени М. М. Пришвина (номинация «Художественные произведения», 2018, 2019). Публиковался в журналах «Новый мир», «Грани», «Новая литература», «Литерра нова», «Балтика» и др. Автор книги «Кошанские волшебницы» (2021). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

« ОХОТНИКИ »

Рассказ

1.

Группа выступила ночью, часа за три до рассвета. У леса встали на лыжи. Прежде, чем двинуться дальше, решили перекурить. Участковый Портков раскрыл портсигар и предложил угоститься остальным. Попутчики не стали отказываться и потянулись за папиросами.

– Его надо брать пока темно, – объяснил Портков. – Когда спит, иначе не подпустит. Видит плохо, зато звериным слухом ухнет нас, как только появимся в его угодьях. Лишь бы не ошибиться. По следам он всё поймёт.

– И что из этого? – полусонный Десятников мотал головой из-за шапки, напоминавшей медвежью.

– Пока зима и холод, ему на новое место не перебраться. Не для того он так капитально тут залёг.

– Год назад летом пытались взять – не получилось. Три дня кружил нас по дебрям да болотам, отгоняя от своего места. Теперь мы учёные. Правда, Козлов? Вот ты, бывший лесник, каждую веточку должен знать, каждую зверюгу понимать. А тогда тоже промахнулся...

– Хитрый он. А что я? Раньше, правда, всё здесь знал. Только лесничество закрыли. В лес теперь не зайти – сплошной бурелом. Реки бобры запрудили, кругом болота и бурьян. Всё изменилось. Ещё хорошо, что он нас тогда не погубил. А мог. Затащил бы на трясины, где бери нас как на ладони...

– Ничего. Зато теперь не утаится, – успокоил участковый. – Зима.

– Гляди, начнёт обороняться, – предположил Десятников. – Нас завалит. Отступать ему некуда.

– Раз так, пусть пощады не ждёт, – Козлов посмотрел на двух парней – Михаила и Алексея. – Поэтому вас и берём, чтобы наверняка. Понятно?

– Зверь – он и есть зверь, – Десятников передёрнул затвор новенького карабина. – Весь район в страхе держит. Люди за ягодами и грибами боятся ходить. И откуда только в наших краях объявился? А вы, парни, не трусьте. Читайте, на охоту идём.

– А что нам бояться какого-то бродягу, – ответил Михаил. – Прежде я его в лесу встречал. Сигаретами угощал.

– И что, он тебя не укукошил? – удивился Десятников.

– Мы не убивать его идём? – стало заметно, что второй паренёк, Алексей, слегка дрожал.

– Ты это что, от холода? – спросил его участковый.

– Нам пора. Я его тоже как-то видел... – Козлов махнул рукой в сторону леса, и компания тронулась в путь. – Выглядит сурово. Заросший весь. Злой на весь мир. А вообще, обычный старик. Ему бы на печи лежать, а он шастает по лесам: зверей и людей пугает. Нет, убивать не станем.

– Это как придётся. Не такой он старый, как ты говоришь. В любом случае, теперь всё это прекратим, – бросил на ходу участковый, выдыхая пар.

– Холодно сегодня, – нахмурился Алексей.

До урочища добежали довольно быстро. Когда проходили мимо остова старинной церквушки, Портков перекрестился.

– Ты что? – ухмыльнулся Десятников. – Это развалины.

– Всё равно святое место. Бог нам в помощь! С такого дела живыми бы вернуться! Как-никак на зверя собрались. Вы бы тоже попросили удачной охоты, – посоветовал участковый.

Все последовали его совету, воровато, как бы стесняясь друг друга, поднося скрещённые пальцы ко лбу. Шапок никто не снимал.

Потом Козлов достал флягу.

– Может, глотнём? От холода. А то молодой совсем озяб, – предложил он.

– Убери... Когда закончим... Я вам про святое... – укорил Портков.

За урочищем попали в бурелом, лыжи пришлось снять. Дальше вглубь чащобы пробирались по пояс в снегу, в темноте натываясь на острые ветки. Десятников чуть не лишился глаза и сильно ругался. Козлов поранил ногу, разорвал штанину.

– Ещё немного, – тихо предупредил Портков. – Теперь молчок! Зверь где-то рядом.

Метров через двести они увидели крошечную лесную избушку...

2.

Всю свою жизнь Полина проводила в одиночестве. И разве удивительно? После того как работы в деревне не стало все толковые и сильные ушли отсюда. Она вот не смогла, ухаживала за родителями, пока были живы, а после идти было незачем и некуда. Мужчины в деревне на пересчёт и такие, что лучше без них. Думала даже с соседкой сходить, плевать, что стали бы осуждать. Да у той далёкие родственники нашлись где-то на юге. Укатила к ним приживалкой...

А тут повалился этот. Первое время незаметно. Как-то поутру нашла на крыльце самодельное берестяное лукошко с брусникой. Удивилась, кто бы мог принести. Чужие в деревню не приходили. Потом ещё раз нашла подарок, только морошку. Когда услышала разговор, что в лесу отшельник поселился, – догадалась. Вот тогда оставила на том месте пару коробков спичек и пачку соли. Забрал. С тех пор стали так общаться. Грибы и ягоды Полине не требовались – своё девать некуда, но приятно, что кому-то нужна. Пусть даже так. А потом и повидались...

Женщину распирало любопытство: кто он? Вот и поджидала не одну ночь. Когда объявился, набралась храбрости и выскочила на крыльцо. Он больше испугался, отпрянул. В темноте и рассмотреть не удалось как следует. Немолодой. Видно, что неухоженный. Однако поблагодарил. Спросил, может, из лесу принести чего-нибудь: пичугу какую, корягу или хворост. Она удивилась. Потом лишь поняла, что больше ему предложить нечего.

На следующий раз Полина пригласила его в дом, только отшельник категорически отказался и быстро засобиравшись обратно в лес.

Спросила его имя. Не ответил...

Дальше показалось, стал её избегать. Осенью, когда похолодало, Полина положила на крыльцо старое тёплое одеяло, тулуп и валенки, а ещё инструмент. Тогда он впервые оставил записку на куске дерева, кривыми буквами: «Спасибо». А инструмент вернул через месяц.

В деревне что только про него не говорили: и беглый уголовник, девок в лесу своём караулит (какие у нас девки!), вор и браконьер...

Как-то Полина возвращалась из соседнего посёлка, да увязался за ней один местный, из блаженных. Пристал – не отцепиться. Хватать стал ручищами за разные места. Можно подумать: она молодая, хотя вроде и не старая тоже. Тут выскочил этот леший из леса. Отпугнул приставалу. Такого действительно испугаешься.

– Иди домой, не бойся. Я прослежу, чтобы он больше за тобой не ходил... – успокоил «лешак».

– А ты сам? Не хочешь? – внезапно решила она.

– Что? – удивлённые карие глаза смотрели из копны спутанных волос.

– Домой... Вместе.

– Нет, – глаза вмиг стали грустными.

– Ты, правда, беглый?

– От кого бегать?

После этого молча вернулся в свой лес.

– Эй, как тебя? – несколько раз позвала его Полина. Но отшельник не отозвался.

Женщина махнула рукой и пошла домой.

Больше его не видела...

***

Вечером к тётке Полине заглянул Алексей. Редкий гость. Да с чего бы ему ходить к этой женщине. Вот она и удивилась.

– Попрощаться зашёл. Всё же в одной деревне жили. Уезжаю в город. Не хочу больше здесь.

– Понимаю, работы нет.

– Работы тоже нет, – повторил парень. – Убили мы... Портков с мужиками. Я с Михаилом просто стоял, рядом... Холодно было...

– Ты про что? – спросила она и тут же поняла, от испуга прикрыв рот ладошкой. – За что же?

– У него даже ружья не оказалось. Бросили там... как собаку. После всю дорогу шли и смеялись. Хвастались друг перед другом. Думал, хоть у церкви, на урочище, останутся...

– Они Бога не знают, – согласилась она.

Алексей покачал головой. Женщина отвернулась.

– Вот я говорю, замёрз сильно. Может, выпить что у тебя есть?

...Когда парень ушёл, Полина села на крыльцо и заплакала...

Александр ДЕГТЯРЁВ

г. Омск

Александр Афанасьевич Дегтярёв родился 15 января 1941 года в селе Новотроицк Омской области. Работал в Омском НИИ приборостроения механиком радио и электромеханических приборов. Публиковался в журналах «День и ночь», «Земля Сибирская, дальневосточная», «Литра», «Сибирские огни», «Иртыш-Омь», в альманахах «Голоса Сибири», «Складчина», «Тарские ворота».

Член Союза российских писателей. Автор 6 книг малой прозы. Первая публикация в журнале «Северо-Муйские огни» – №4/68/2018.

Рассказы

Талисман

Произошло непоправимое. Распалась наша великая держава с молчаливого согласия обманутого народа. Когда-то единая, интернациональная «шестая часть суши» – в одночасье покрылась паутиной государственных границ, словно землю разорвали трещины засухи. Заполыхали пожары междоусобиц на южных окраинах страны. По городам и весям огромной России потянулись беженцы, беженцы, беженцы.

На грязном тротуаре сибирского города сидела таджичка с грудным ребёнком на руках и просила милостыню. Рядом у забора стоял с гордо поднятой головой мальчик лет десяти. Ему было стыдно за мать, за маленького братика и за себя. Я проходил мимо, но у меня не было ни денег, ни еды. Почти год как не выдавали зарплату на работе. В пустой наплечной сумке, где на ходу дозревали тощие рукописи, завалялась книжечка коротких рассказов. Спросив имя мальчика, я надписал под своей фотографией слова: «Тимуру от Александра в трудные для всех нас дни».

На следующее утро на этом же месте мальчик узнал меня и молча протянул на смуглой ладошке костяную фигурку суфийского мудреца – Ходжи Насреддина – величиной с мизинец. Похоже, это была для него самая дорогая вещь, которую он унёс с родины. От частого прикосновения и поглаживания фигурка отполировалась до блеска... Бывают подарки, значение которых поймёшь только через много лет.

Вот таким сложным путём собирательный образ восточной доброты и мудрости, искусно вырезанный из кости талантливым умельцем, оказался на моей книжной полке рядом с крохотной русской матрёшкой. Будто Ходжа остановился посреди дороги из Бухары в Самарканд и, закрыв глаза, обдумывает очередную притчу. На лице застыла печаль и усталость. Квадратная тибетейка сползла на ухо, полосатый халат – на голое тело – опоясан перекрученным платком. Огромные стоптанные чароги выглядывают из-под халата и «просят каши». Нет рядом ни привычного ослика, ни попутной арбы. Только тяжёлая вязанка хвороста в правой руке, да топорик – в левой. Вечный странник и острослов, где и когда ты затеплишь свой очаг и согреешь уставшие старые кости?!

«Герой сорока трёх стран и народов», – так назвал Ходжу Насреддина современный сладкоголосый поэт Тимур Зульфикаров, описывая похождения и благие деяния тысячелетнего мудреца на Великом Шёлковом Пути. И это истинно так!

В трудные минуты жизни я ношу талисман с собой. Солнечное, пульсирующее тепло излучает крохотная фигурка, когда её сжимаешь в руке: сердце отпускает, приходит уверенность, что всё задуманное сбудется, а невзгоды обойдут стороной.

Вещий сон

Заканчивая составление новой книги, писатель Николай Березин почувствовал сильное переутомление, почти надрыв, когда душа отказывается трудиться. За ужином он воспользовался проверенным в творческих кругах лекарством, которое продаётся без рецепта в любом гастрономе, и принял «чуть-чуть на грудь», только для того, чтобы снять напряжение.

Зажим быстро ослаб, и слова приходили по-обычному свободно, выстраиваясь в строчки стихов. Причём прекрасные слова ритмично укладывались на мотив тут же сложившейся мелодии. Получалась довольно нежная, наивно-детская, вроде колыбельной песенки вещь. Как-то совершенно неожиданно вышло само собой, что слова и напев появились вместе, словно ранним весенним утром игривый солнечный лучик ласково сверкнул в капельке росы и растворился. Но как закрепить в сознании это чудесное мгновение?!

Николай задумался: текст, понятно – просто записать на бумаге. Но музыку, не зная нотной грамоты, не удержать долго в памяти. Чтобы проверить на слух и оценить своё сочинение, он промурлыкал скороспелый «шедевр» жене. Татьяна профессиональным «нюхом» бывалого журналиста уловила новизну и свежесть в необычном порыве мужа, поэтому искренне похвалила.

По горячим следам Николай стал обзванивать друзей и знакомых с просьбой найти ему композитора. Один продвинутый компьютерщик, Дмитрий, за полчаса нашёл знакомого музыканта, готового положить на ноты мелодию с голоса по телефону. Но сам заказчик настоящего «маэстро», убаюканный своей колыбельной и «лекарством», уже крепко спал. И снился нашему герою цветной сон: будто бы он вдруг оказался за тысячи километров от Сибири, на далёкой Вологодчине в многодетной семье дочери Марии. (А в жизни он, в отличие от жены, ежегодно посещающей молодых, до сих пор не видел воочию ни зятя, ни любимых внуков, и общался с ними по-современному – виртуально, только в Интернете – по скайпу.) И вот во сне он собственной персоной явился в гости к детям с оригинальным подарком. У него на руке сидела сказочная Жар-птица и пела человеческим голосом... только что сочинённую его колыбельную песню! А старший внук Петька

потянулся было погладить красивую птаху, но она испуганно взмахнула крыльями и улетела, обронив на прощание радужное перо.

Николай поднял перо и позвал внука. Неожиданно перо вспыхнуло ярким пламенем и исчезло, а в руке вместо него оказалась продолговатая бумажка, похожая на бланк железнодорожного билета...

И тут наш герой проснулся, сразу сообразив, что сон был ему добрым знаком свыше. Поэтому нестерпимо, до боли в сердце захотелось, чтобы этот вещий сон скорее обернулся для него явью!

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

г. Вологда

Светлана Николаевна Чернышёва (Чиркова) родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области.

Окончила ВГПУ. В настоящее время работает в областной детской библиотеке. Публиковалась в литературных газетах (Вологда, Архангельск), в сборниках «Сорок ступеней навстречу», «Почему Анчаров?», «На ладони времени», «Беловский сборник» (литературоведение), в альманахе «Российский колокол», в журнал-студии «Листва», в журналах «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Страна озарения», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь».

Маленькая Галя

(недетские истории)

Ну что ты, Галя...

Есть девочка, которая постоянно попадает в разные истории. Вроде как нечаянно. Девочка Галя с каштановыми косичками и белыми бантиками. Или не с бантиками, а... Никогда ведь не догадаешься, что, кроме бантиков, можно увидеть в волосах у первоклашки. А Галя, она бы не только навязала, но и приклеила. Астры с клумбы, подсолнухи из бабушкиного огорода и воздушные шары с витрины магазина. Иногда пластилин или даже сахарную вату.

И это ещё ничего! Вполне допустимо. А если бы она, к примеру, решила солнышко в волосы вплести, тут уж все закричали бы: «Ну что ты, Галя!»

И даже погрозили бы пальцем. Так проще всего её успокоить. Или отправить в новую историю. Главное, чтобы она ничего не перепутала...

Кот из шарфа

Галя не могла долго сидеть за партой. Она постоянно сползала и потому оказывалась под партой. Вроде как в домике. Сверху – крыша, а внизу – сказочная поляна. Да ещё с говорящими предметами. Попробуй-ка не поговори...

– Стирашка, а что это ты такая малюсенькая? – шепчет Галя. – Не могу понять... Будто кто-то откусил бочок. Может, с пирожком перепутал? Прямо не стирашка, а невидимка какая-то. Хочешь – разглядывай, а хочешь – предствай, что ничего и нет.

– Как это нет? – захныкала потеряшка-стирашка. – Если бы не кот, я бы целёхонька была. Как же я не догадалась, что нельзя с ним в кошки-мышки играть.

– Это уж точно, – подтвердила Галя. – Про это даже в сказках написано, проглотит – ам! Даже жевать не станет.

Подумала про кота и тут же увидела его хвост. Синий кот в учительской сумке поселился. Тянет-потянет Галя кошачий хвост, а он всё длиннее становится. Сразу и не вытянешь. А потом – раз! – и на полу оказался, без головы и ушей, один сплошной хвост. Это был самый необычный на свете кот, сказочной синей породы. И когда учительница закричала на весь класс, кот враз в шарф превратился.

– Хотела бы я знать, – рассердилась не на шутку Анна Семёновна, – кто это мой шарф по полу изучает?

– Я, – говорит Галя, – только я кота из него прогоняю. Потому что шарф в мохнатого кота превращается и стирашки ест, заместо мышей.

– Ничего себе, – удивилась учительница. – Я-то думаю, почему он такой неудобный. Попробуй-ка кота носить на шее.

Анна Семёновна долго-долго рассматривает свой шарф. Да ещё и рукой осторожно поглаживает.

– Ну, что, не кусается? – спрашивает Галя.

– Вроде нет, – улыбается учительница.

Кот опять поселяется в её сумке, но сидит там тихо-тихо. И Галя думает, что покормит его своим бутербродом на перемене. Потому что он теперь совсем ручной...

Настоящая берёза

Галя домашнее задание готовила: берёзу в альбоме рисовала. Только два листочка на бумаге разместила, раз – и место закончилось. Галя альбомом туда-сюда покрутила, и ещё несколько жёлтых листиков с тоненькими прожилками влезло. А ведь у берёзы их много-премного. Ну, про ветки она даже думать боялась – их-то и вообще негде рисовать. Потому что на самом деле они огромные, почти великанские.

Тогда Галя совсем расстроилась, отодвинула альбом и стала думать: что же делать дальше. С одной стороны, нарисовать берёзу на стене не так трудно. Стоит только на стул папин забраться и кисточкой туда-сюда поводить. И, наверное, дерево как настоящее получится, потому что до самого потолка. С другой стороны, как эту берёзу в школу потом нести? У Анны Семёновны от удивления глаза в глобусы превратятся. Она такого ещё никогда не видела. Вряд ли кто-то с квартирной стеной на уроки приходил...

И тут Галя кстати под столом рулон обоев заметила. У него одна сторона была как раз для рисования. Бежевая, в клеточку. Рулон Галя раскрутила и берёзу нарисовала – в натуральный рост. Мама, когда Галин рисунок увидела, сразу сказала:

– Ничего себе берёза!

– Да! – подтвердил папа. – Под таким деревом и от дождя можно спрятаться. Жалко только, что оно шуметь не умеет листочками. И птицы никогда на нём не построят гнёзд. А всё потому, что есть такие чудеса, которые в живой природе – обычное дело.

Больше Галя ничего не рисовала, до самого вечера. Потому что она птичий язык разучивала – курлыкала, чуфыркала и чирикала. Это было нужно, чтобы оживить рисунок. Зато, когда Анна Семёновна из-за альбомных карликовых берёз увидела Галино дерево, тут же со стула вскочила.

– Кар-кар-кар! – кричала Галя, стоящая на стуле, рядышком со своей берёзой.

Больше никто ничего особенного показать не мог. Хотя за три пятёрки с плюсом.

Раз в сто лет

Любила Галя цветами любоваться. Сядет у окошка и смотрит: глазами их цвести заставляет. Можно так и сто лет просидеть. А цветы не появятся. И днём, и ночью будет Галя слёзы лить. Раз слезинка – для фиалочки, две слезинки – для розочки. А три, четыре, пять, шесть – для кактуса. «На кактусе-то ни одного цветочка!» – хнычет Галя. И вдруг, сама не ожидая, среди колючек замечает маленький бутончик алого цвета. Чудеса, да и только! А если его пальчиками расправить, он ещё больше становится.

– Мама, – кричит Галя. – На окошке кактус расцвёл!

– У меня сложный отчёт! – откликается мама и ещё громче щёлкает компьютерными кнопками.

– Папа, – звонит Галя отцу, – такое раз в сто лет бывает!

– Ага! – соглашается он и пропадает, превращаясь в дальнее эхо.

Тогда Галя берёт кактус и идёт с ним на улицу. Весной там особенно приятно. Не то чтобы лужи нравятся, но как-то необычно они расплескались. Прямоком в резиновые сапоги.

– Вот! – говорит луже Галя. – Сегодня кактус расцвёл! Во-первых, это случилось недавно. Всего пять минут назад. Если я кому-нибудь про то не расскажу, то буду страшно несчастной. А во-вторых, этот цветок очень волшебный, он теперь снова расцветёт, когда мне будет много-много лет!

Лужа морщится от улыбки, но потом разглаживается. И в ней отражаются девочка и цветок. Наверное, через сто лет он будет больше, и его все заметят?

Потеряшка

Галя любила иногда потеряться. Но это бывало редко – только в школе. Она забиралась в шкаф и сидела там тихо-тихо. И вот сидит Галя в шкафу, в космическую путешественницу играет. И тут кто-то снаружи космические сигналы подаёт: «Поехали!».

И Галя удивляется, потому что шкаф подпрыгивает и начинает шагать, заваливаясь то на один, то на другой бок, будто вырабатывая важную гусиную походку.

«Ничего себе, – думает Галя, – вроде в космической ракете сидела, а оказалась в птичьем животе. Что теперь делать? Может, на урок попроситься»

Гале становится так страшно, что она начинает кричать: «Спасите!». «Ничего, – отвечают незнакомые голоса. – Просто шкаф переехал из первого класса в десятый».

Вроде как путешествие на другую планету! Галя теперь из шкафа вылезать и не собирается. Шутка ли, сразу в десятом классе очутиться!

Превращения

Нашла Галя увеличительное стекло. Маленькое, да удаленькое. И увеличила им всё вокруг. Кусты превратила в эвкалипты, а мать-и-мачеху на проталинках в гигантские цветы. Потом она соседскую кошку сделала пантерой. У кошки как раз чёрная шерсть, сильные ноги и... острые когти.

«Наверное, и самой мне надо стать большой», – думала Галя. И принялась стекло на себя настраивать. Только, вот беда, не решила, что прежде изменить. Наверняка, ноги, как у Дяди Стёпы, ей были не нужны – они никуда не поместятся. Пришлось прежние оставить. А вот умная голова, как у Анны Семёновны, Гале точно бы не помешала. Только на ней тогда шапочка не будет смотреться. Любимая, жёлтая, в белый горошек.

Галя задумалась: не увеличить ли солнышко? Пусть всегда будет лето. Яблоки и бананы начнут расти прямо на берёзах. И апельсины тоже. Школа превратится в лагерь для летнего отдыха, а школьники станут просто отдыхающими.

Тут солнышко скрылось за тучу, и Галя ничего не смогла изменить. Поэтому она сделала со стёклышком секретик. Теперь она знала, куда нужно спрятать гвоздь и старую монету. А вот жука, карабкающегося по ладошке, она совсем не захотела прятать.

«Лети за мечтой!» – решила Галя и отпустила его в небеса.

Елена ЗЯБЛОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Преподаватель музыки и танца в школе искусств. Пишет стихи и музыку, публиковалась в общероссийском журнале «Книжки, нотки и игрушки...» (Москва), литературной газете «Интеллигент. Магадан», в литературных журналах «ИртышЪ-Омь» (Омск), «Новый Свет» (Канада), «Крылья» (Самара), в альманахе «Параллели» (Самара, 2019). Автор 2 книг стихов и малой прозы. Лауреат II Открытого областного фестиваля-конкурса исполнительского мастерства (Иркутск – Братск, 2018).

Член редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».

Волшебная роща

Сказка – быль

Случилось это в сказочном Белоречье, что находится на землях старинного сибирского города Усолье.

А началась история так.

В ту пору Весна – рыжеволосая босоногая девчушка – рано пробежалась по лесным чащам и луговинам, оставив после себя следы – маленькие проталины. А вскоре снежное покрывало растаяло и появились первые детки Земли – зеленоглазые травинки.

Высоко в небе Королевна-Солнце усердно хлопотала, готовя сладости для своих племянников.

Удивляетесь? Королевна, и сама готовит?

Жители тридцатого государства тоже удивлялись своей повелительнице. Корону, бриллиантовые серьги, золотые ожерелья она не надевала. Носила ярко-жёлтые сарафаны с янтарным бисером да лапти липовые. Украшали её конопушки-веснушки и длинная пшеничная коса. Она никогда не приказывала, ни о чём никого не просила, управлялась со всеми делами сама. Сердцем была добра, оттого и светилась. О ней так и говорили: «Солнце наше золотое!»

Был у Королевы жених – Ясный Месяц. На предложение руки и сердца ответила ему так: «Замуж пойду через три года. Дождёшься, тогда и свадьбу по осени сыграем».

Ясный Месяц готов был ждать. Знал он, что такую добрую невесту, хозяйку справную, на всём белом свете не сыскать. Да и к тому же свою серебряную избу перестраивать не придётся, чтобы ставить печь для пирогов – печь прямо на ладошке его невесты. Он уже чувствовал запах пирогов румяных с золотистой корочкой.

А думы Королевы тогда были об одном – помочь сестрице Земле поднять на ноги её деток. Из родственников, что могли бы помочь, никого не осталось. Две их бабки – Зима да Колючая Вьюга – давно уж за синими долами и снежными горами покоятся, а она – молодая, сильная, совсем рядышком. Целыми днями готовила завтраки для детушек-травинки: зачерпнёт с облачного озера водицы и в кувшин с сахаром добавит, перемешает, капельками на ладошку выльет, досчитает до трёх – и леденцы готовы! Высыпает их в туюски.

Ждали каждое утро дорогую тётушку малышки-травинки. От её лакомств росли не по дням, а по часам. Вскоре травинки крепко встали на ножки, среди них появились первоцветы и одуванчики.

Погода стояла сухая и тёплая, люди вереницами потянулись к своим дачным участкам наводить порядок, готовить грядки для посадки.

Жить бы да радоваться, но некоторые дачники стали поджигать сухую траву и листву. Из-за такой беспечности майским днём вспыхнул сильнейший пожар. Разом стало всё черным-черно – небо и земля. Люди ходили понурые, не могли посмотреть друг другу в глаза, чувствовали свою вину. Ладно с пожитками, бог с ними... Любимцев домашних жалко: у кого-то тогда погиб петушок, у кого-то собака, у кого-то котёнок. А сколько дикого зверя и птиц сгорело вместе с лесом!

Одним словом, большая беда пришла в Белоречье.

По всей окрестности раздавались стоны – телесные и душевные раны не давали покоя Матери-Земле. В тот день от ужаса, когда на её глазах заживо сгорали родные детки, она потеряла сознание. А когда очнулась, не поняла: зачем? Для кого и для чего жить теперь? Несчастливая мать от горя рыдала и днём, и ночью.

На помощь пришёл лекарь-дождь. Чистой целебной водицей поливал обожжённое тело земли. Вскоре ожоги зарубцевались, и в конце июля появились детки, а позже засверкали на них красные монетки. Так появилась в Белоречье осиновая рощица, молодая, кудрявая – красавица! В народе стали поговаривать, что грибов здесь будет видимо-невидимо.

Прошёл год. Наступил август с прохладными ночами и туманами. Стар и мал с полными корзинами и ведрами возвращались с тихой охоты, рассказывая, как убегали от грибов, а те за ними вприпрыжку – и раз... в карман.

Хозяйки в домах плачут то ли от радости, то ли от горя – не знают куда от грибов деваться. Погребки доверху заполнены, в сундуках вместо тряпок банки с маринованными грибочками, вместо занавесок грибы сушёные висят.

Но, как говорится, одно дело услышать, а другое – увидеть. Сколько раз можно было мне побродить среди осинки, заглянуть в гости к какой-нибудь семейке грибов, но что-то мешало сойти с тропы, сделать единственный шаг навстречу неизведанному лесному чуду.

И это случилось. Возвращаясь с очередной прогулки, я робко подошла к маленькой осинке, слегка наклонила её и увидела гриб в огромной тёмно-оранжевой шляпе с зелёным мхом.

– Здравствуй, Елена.

– Здравствуй! А ты откуда меня знаешь?

– Я всех знаю, кто мимо грибного царства хаживает. Сторожу осинковую рощу, Кузьмичом меня величают.

– А я...

– Да, знаю, знаю... Проходи, дорогой гостьей будешь.

Осинки сразу расступились, в пояс низко поклонились, ветками-руками взмахнули и замерли. На одном замшелом пенёчке старик мохнатый спал.

– Это кто?

– Седой ветер. Всю ночь концерт на небе давал.

– А-а-а...

Смотрю, а под каждой осинкой грибочки стоят, все одного роста, одетые в белые рубашечки и штанишки, на головах оранжевые беретки.

Кузьмич хлопнул в ладоши – из-под земли ковер брусничный появился. Кузьмич тонул ногой – ягодки слетели со стебельков и покатались к грибочкам, закружились вокруг них. А те вприсядку пошли, поворачиваясь то вправо, то влево. Проснулся седой ветер, достал из запашки дудку и давай в неё дуть – на деревьях зазвенели листья-монисты. Расхохотался ветер и ещё громче заиграл. Грибочки с ягодками взлетели и в парах заплясали: грибочки вверх беретки подбрасывают, ягодки косынками машут.

– Это ваша сумка? – услышала я голос позади себя.

Я повернулась, возле меня стояла сгорбленная старушка, протягивая мне серую сумку.

– Моя...

– Возле соснового бора поймала! Вот так ветрище! Бегите быстрее отсюда! – сказала она и растворилась в воздухе.

Солнце большим красным яблоком лежало на блюде совсем рядом. По небу разлилось брусничное варенье, окрасив творожные облака, сосновый лес, рощу и поле. Воздух от духмяных трав становился насыщенным, густым, хотелось пить его большими глотками.

На следующий день, с утра, я решила отправиться в рощу. Шёл сильный дождь – любовные страдания выливалась грозовая туча, но меня это не остановило.

Кузьмича в своей сторожке не было. «Наверное, делает обход грибных владений», – подумала я. Сняла плащ, расстелила его под тремя осинками. Сажу... Вокруг ливень как из ведра, а под зелёным шатром сухо, тепло. Вдруг он покачнулся – и понесло меня по оранжевой реке. Столько грибов в своей жизни я никогда не видела! По-другому и не скажешь – видимо-невидимо! А грибы ли это? Вроде мандарины по зелёной скатерти рассыпаны. Вспыхнув, они стали отражаться в зеркальных листьях, капли дождя застыли в воздухе, хрустальными стали деревца и травы. За несколько мгновений летняя роща превратилась в сказочный сияющий дворец!

... Внезапная темнота. Погреб освещает мандариновая гирлянда. Вдоль стен земляные полки в три яруса. В центре подземелья стоит Кузьмич и дирижирует. Присмотрелась – а на нижних полках крошечные подосиновики, внимательно следят за движениями Кузьмича: в какую сторону он руками поведёт, в ту сторону и грибы покачиваются. Как взмахнёт рукой вверх – грибы прыг... и на другой полке оказываются. А на верхней полке – чудо-чудное! Плетёные корзинки полные грибочков! На ручках алые ленты с жемчужными бусинами и блёстками.

С одной из таких корзинок я оказалась у своего дома. Дверь открыл муж:

– Вот это чудо!..

– Там... Там... Кузьмич, там Новый год...

Очнулась я от запаха малинового варенья, сидя в кресле под шерстяным пледом. На коленях мурлыкал мой любимый рыжий кот. На столе пыхтел самовар.

– Как хорошо, я дома!

– Дома, дома, – ответил муж. – Слава Богу, ты пришла в себя. Жар был у тебя целые сутки, про какого-то Кузьмича бредила.

– Кузьмич... Когда-нибудь у новогодней ёлки я тебе расскажу про него.

Прошёл ещё один год. В семьях дружно ведутся последние заготовки на зиму – капустку квасят. Землю запорошило первым снежком. До Нового года чуть больше месяца, а Мороз Иванович уже одаривает чудесами: одной семье букет мимоз ранним-ранёшенько на окне оставит, другой – орхидей, а третьей – сахарной пудрой во дворе рябину посыпает.

Гуляю по заснеженным тропкам. Не заметила, как ноги сами привели к осинковой роще. Спит она сладко под пуховым одеялом. Кузьмича здесь нынче не встретила, лето выдалось короткое да холодное – не грибное: Кузьмич в это лето сторожил другую волшебную рощу.

...О, Боже! Манна небесная! – пироги с неба летят, на землю не падают, кружат вокруг меня, и все с золотистой корочкой!

И поняла я, то Ясный Месяц и Королевна-Солнце обвенчались, празднуют!

Совет вам да любовь!

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Виталий КУЗНЕЦОВ

Северомуйск, Бурятия

Учредитель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни».

Член Европейского конгресса литераторов, действительный член Крымской литературной академии. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стихи и рассказы публиковались в литературных журналах и альманахах России, Украины, Беларуси, Германии и Канады. Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).

Ноябрь-декабрь

(из подготовленной к печати книги «Двенадцать месяцев с душой»)

***

Белокудрюю девой
Вдруг приснилась зима,
В платье розово-белом
За стеклом – у окна.
Взгляд её бирюзовый
В сердце льдинкой проник,
И кристальным узором
Мне почудился миг.

Вдохновение зимы

Зима всегда в начале вдохновенна:
Морозец лёгкий будоражит кровь,
И воздух чистый необыкновенно,
И думать просто, и писать – готов.

Как с нового листа жить начинаешь.
Вот, кажется, всю жизнь растормошу.
Всё – с белого и чистого начала –
Умом холодным заново спишу...

Но стынет постепенно кровь по жилам,
Зимы морозы крепче с каждым днём.
И хочется уже, чтоб всё, чем жил я,
Осталось прежним, был бы тёплым дом.

***

Стихи свои укрою под рубашку,
Поближе к сердцу, грелась чтоб душа.
И в мир холодный двинусь без опаски:
Мне путь-дорога будет хороша.

Стихи меня согреют без костра
И напоят водой живую, талой.
И мир ночной мне светел до утра –
От поэтической лучины, даже малой.

Зима-молодка

Рано землю снегом обелила,
От мороза всех оберегла –
Снежным пухом нежно облепила
Молодая, добрая зима.

Ранняя зима, почти девчонка –
Ей ещё б самой играть в снежки:

Вот и снежный ком в лесу бельчонка
С верхней ветки вдруг врасплох настиг.

Цокнув, шустро белочка взметнулась
По стволу, по снежным веткам вверх.
Весело молодка встрепенулась,
Осыпая на зверька пушистый снег.

Зимний дворик

Мой дворик среди тайги всегда прекрасен –
В нём и зимой я слышу щебет птиц!
Их привлекает корм в кормушках-яслях,
Что сыплю я для снегирей-синиц.

Под звуки их задорных щебетаний,
Когда вокруг промёрзшая тайга,
Приятны мысли – летние мечтанья,
И прочь хандра с души спешит тогда.

И даже в дни, когда лучей нет ярких
И белым освежает дворик мой,
Повсюду я встречаю пташек разных.
Мой дворик и в морозный день – живой!

Королева зима

Зимы наряды – всем на изумленье!
Искрятся серебром её меха.
Идёт младая, словно королева,
Статна, красива, вся бела, свежа!

Но, непрестанно находясь с ней рядом,
Всё чаще замечаешь её нрав:
Строга, горда, капризна и упряма, –
И понимаешь, не совсем был прав.

(Затмило разум красотой белой,
Застила душу молодая стать,
Что взор её немилый не заметил –
Её холодный и надменный взгляд.)

И вот зима у власти – королева!
Исчезла вдруг наивная невинность,
И красота как будто побледнела,
Осталась лишь морозная немилость.

Владимир МАКАРЕНКОВ

г. Смоленск

Макаренков Владимир Викторович родился в 1960 г. в Смоленске. Окончил МЭИ в 1983 г. Полковник внутренней службы в отставке. Участник VII Всероссийского совещания молодых писателей СА и ВМФ СССР (1987). Автор 8 книг стихов. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях, автор проекта и участник книги «Перо Гамаюна» (Смоленск, 2013), автор стихов песен спектакля «Приключения Ёжика и медвежонок или Обыкновенный необыкновенный день», мюзикла «Дюймовочка» (режиссёр Надежда Бизина, Омский ТЮЗ), автор песни «Русское сердце», ставшей лейтмотивом документального фильма «Патриарх Кирилл. Годы служения на Смоленщине» (2016). По поэме «Таборная гора» в Смоленске были созданы одноименные радиопостановка и театральная постановка. Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленская премия, Тюнинская премия), лауреат (шорт-лист) Южно-Уральской литературной премии 2017 г. (книга стихов «Камертон»). За общественную и литературную деятельность награждён медалями: «100 лет А. Т. Твардовскому», «Василий Шукшин», «За вклад в военную литературу», «Русская звезда имени Ф. И. Тютчева». Председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, редактор-составитель отдела поэзии литературного альманаха «Под часами». Член Союза журналистов России. Ответственный секретарь газеты войсковой части 23060. Лауреат Независимой литературной премии «Навстречу дня!» имени Бориса Корнилова (2019 г.).

«С Новым годом, друг мой стародавний!»

***

Пушист и лёгок снег скрипучий.
Метнёшь с лопаты – запуржит.
Какой же я старик везучий!
Над жизнью детство ворожит.

Рождённый в «оттепель», я с верой
В свободу рос, как брат-близнец.
В «застой» страдал её химерой.
Вёл в «перестройку» под венец.

А в новом веке? У природы
На всё найдёшь ориентир.
Я – верный подданный свободы –
С лопаты снег кидаю в мир.

***

Снег то нахлынет, то растает,
И скользкой коркой ледяной
Отмостка дома обрастает,
Как будто раннею весной.

И время в дни предновогодия
Летит, как будто на коньках.
А в сердце просится мелодия
О прежних сказочных снегах.

Слились реальность и иллюзия,
И новый снова старый год.
Живая память – наша музыка,
В душе звучащая без нот.

***

Рыхлый, хрусткий белый снег.
Звёзды в синем абажуре.
Тёплый мех, девичий смех...
Жизнь, как надо, – всё в ажуре!

Десять, двадцать, тридцать лет
Пролетели белым снегом.
Тот же синий звёздный свет.
Но уже над новым веком.

Мне из всех моих утех
В том, что жизнь – живое тленье,
Полюбился больше снег,
Как иное измеренье.

Тёплый мех, девичий смех.
Снег хрустит, и снег искрится.
Только этих нет и тех.
На свету чужие лица.

***

С утра над городом снежинки
Кружатся в вальсе «Снегопад».
Морозца снежные пружинки
Тепло под обувь скрипят.

Я слышу, как из ниоткуда
В преддверье снежной кутерьмы
Накатывается, как чудо
С небес, мелодия зимы.

Она плывёт, легко и зримо
Пронизывая белый свет.
Как? Разве чудо объяснимо!
И разве нужен мне ответ!?

Весёлый снег валит игриво...
Пружинки снежные скрипят...
Я погружаюсь молчаливо,
Как в звуки вальса, в снегопад.

***

Звонкое солнце, искрящийся снег,
Чистое небо и благостный воздух,
Разницы нет, что за место и век,
Где и когда приключается роздых.

Почки живые – сокрытые сны,
Не для всеобщей и громкой огласки.
Незачем в тайны вникать до весны.
Дивное время заснеженной сказки.

Время небесных снежинок роз.
Сахарной ваты на лапистых елях.
Чудо грядёт! Дед Мороз – красный нос
В мир прилетит в новогодних метелях.

Губы морозную солнечность пьют.
Томно в груди разливается нежность.
Солнце и снег в декабре я люблю
За обнажённой природы безгрешность.

***

Будни сбиты с толку,
Как пчелиный рой.
Наряжаем ёлку
Яркой мишурой.

Старые игрушки –
Памяти меню.
Поломались ушки –
Я их починю.

Проволочки вставляю,
Петли протяну...
И служить заставлю
Зайку-старину.

Каждый хрупкий шарик
Радостью звенит –
Маленький фонарик
Выжившей семьи.

Новогодняя ёлка

Обсыпана хлопучками,
Облита серебром,
В фонариках, с игрушками –
Раскрашенным стеклом.

Бумажки-завитушки
Обвили ватный ком.
На стрелчатой макушке –
Звезда под потолком.

Мы радуемся ёлке!
Мы нюхаем смолу!
Опавшие иголки
Поблекли на полу.

Серый зайчик

В доме вновь запахло ёлкой,
Угодившей под пилу.
Год закончился уборкой,
Горсткой хвои на полу.

Серый зайчик барабанит
На прищепке в барабан.
Скоро ёлочка завянет,
Зайку спрячут в чемодан.

Целый год потом без толку
С барабаном на ремне
Будет нас искать сквозь щёлку
В старом сломанном замке.

– Хоть денёк ещё, хоть часик! –
Будто то большой секрет,
Что для многих жизнь не праздник,
Ищем щёлку, ищем свет.

***

В зимнем саду только иней да снег,
Обледенелые чёрные ветви.
Разгорячённой зимы оберег
Прячут в сугробах метельные ветры.

Стихла погода, ночная заря
За горизонтом оплыла свинцово.

Шли да погибли без поводыря
Дни, вдохновлённые солнечным соло?

Город, обман затаивший в огнях,
Из-за холмов облака обагривил?
Или промчался на красных конях
Ангел и заревом душу мне ранил?

Всё для меня началось с букваря,
С чтения сказок и детских видений
Дивной страны, той, где все говорят
На языке неземных откровений.

Тысячу избранных книг перечтёшь,
Тысячу писем напишешь в архивы,
Тысячу лет проживёшь – не найдёшь
Света, в котором реальны все мифы.

Вот и пылает ночная заря
Над неразгаданным миром, на грани
Грёзы и, тайну в себе затворя,
Душу печалью всё ранит и ранит.

Новогодний диптих

|
Уходят последние дни декабря.
В преддверии Нового года
Загадочно зимние звёзды горят
И снегом мерцает природа.

О прожитом вспомнишь – земная печаль
Вселенской тоской обернётся.
Пленительно зримо, ранимо... Как жаль,
Всего, что назад не вернётся.

Но, если в твоих отношеньях с мечтой
Не вся истощилась надежда,
Немало ещё приключится с тобой
Событий, не ведомых прежде.

Пусть в Новом году проявляется вновь
Высокого неба участие
Во всём, что влюблённому дарит любовь,
Счастливому – мудрое счастье.

||
С Новым годом, друг мой стародавний!
Удивишь ли чудом белый свет?
Поздравленье из сторонки дальней
Вмиг тебе доставит Интернет.

Разве чудо, что зажжётся ёлка
Яркими пульсарамии огней,
Что её зелёная иголка
Из пластмассы всех лесных живеи!

Надевают красные кафтаны,
Бороды и синие штаны
Бедные актёры, хоть и пьяны, –
Дедушки Морозы не пьяны.

Знаем мы в лицо земное чудо!
Встретив, разувериться легко.
Только, друг мой, знаешь что, покуда
Жив я, верить хочется в него.

С Новым годом, друг мой стародавний!
Ярко предваряет торжество
Новогодья праздник православный –
Подлинное чудо – Рождество!

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражисты». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншана, г. Синьян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Ноябрь 21-го

Злоба дня

Приходил сосед.
– Как дела? Привет! –
Попросил газет.
– Выпить есть?
Ах, нет?

...Обсудили бред
Изоляции,
Подневольный вред
Вакцинации...

– Нет, так жить, друзья, –
Он сказал, – Нельзя! –
Одному в дому,
Безработному... –

... И спустя три дня,
Написав
«Друзья,
Эта жизнь – фигня!»,

Вдруг
По-
ве-
сил-
ся...

Вот и сказка вся.

***

Обращаюсь к депутатам Горсовета:
В КрасноРайске ночью слишком много света...
Ярче звёзд, увы, до утренней зари
В мои окна светят с улиц фонари...
А зачем? Я вас хочу спросить опять.
Выключайте их! Всем ночью нужно спать...

***

Нет,
Скажи на милость,
Как же так
Случилось?

Мысли
Износились...
Чувства
Изнасиловались...

Почему?
Кошмар...
Потому,
Что стар!

Ворон
Между веток –
Чёрный генерал –
У моих соседок
Песню своровал...

И дудит в дуду,
Сидя на дубу...

58

И поёт –
Кошмар!

– Выпьем напоследок,
Ах,
За наших деток?

Как я старrrr!
Карр...
Карр...

Пустота в груди...
Вечность –
Вперед...

.....
А со всех сторон –
Колокольный звон...
Хор седых ворон...

И –
За рядом ряд –
Вдоль ночных оград –
Чёрных воронят...

Камни в ноябре

*Александр РОСИНУ,
бредущему по берегу океана*

И утром, и на склоне дня
НИКТО
Преследует меня:

– Кто был никем, тот станет всем! –
Поёт повсюду...
А зачем?..

Пока –
По сути, ни за что –
Нас всех преследует НИЧТО...

Напоминая мне опять,
Что время
Камни собирать...

***

Всю ночь –
С заката до рассвета –
Летал на крыльях Интернета –
Пегаса...

Ах, в объятьях Музы,
Где чудо –
Вдохновенья узы...

Над океаном новых книг,
Соединяя век
И миг...

Чего тебе ещё, Ник-Ник?
Ты рад,
Что наступил рассвет?

Не говори,
Что счастья нет.

Наталья КАРЕТНИКОВА

г. Москва

Член МГО Союза писателей России. Руководитель литературно-музыкального объединения «Талисман». Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов поэзии в России и Болгарии. Имеет награды за победы в литературных конкурсах, в их числе: золотая медаль им А. Т. Твардовского (2015 г.), золотая медаль А. И. Куприна (2020 г.) и Большая золотая медаль «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы» (2021 г.). Автор 8 книг стихов и прозы, составитель и редактор 6 коллективных поэтических сборников. Редактор отдела публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

«Мороз и солнце с нами вновь!»

Первый день зимы

Первый день календарной зимы –
Он на все остальные похожий.
Выбегает из заспанной тьмы
На автобус спешащий прохожий.

Вы забыли, что нынче зима?
Посмотрите на снежные крыши!
За окном голубей кутерьма:
Кто-то добрый к ним с крошками вышел.

Как же долгод наш зимний рассвет!
Солнце спит и лучами не греет.
Никакого терпения нет:
Встать хочу на лыжню поскорее.

Торопясь в свой заснеженный лес,
С антресолей потянутся лыжи,
Понесутся стремглав в край чудес.
Сказка зимняя вновь станет ближе.

Зима в лесу

В лесу зимой неярки краски,
Повсюду чисто и бело.
Пушистый снег рождает сказки.
Сугробов сколько намело!
Увязли в них дубы и ели.
Хрустальным звоном говоря,
Звенят застывшие капли
Дождей прощальных ноября.

Трава под пышным снегом дышит
Во сне до будущей весны.
Следами, словно коврик, вышит
Пригорок у большой сосны.
Спешит сюда народец мелкий:
Расселись птички по кустам.
Здесь утром пировали белки:
Остатки шишек тут и там.

Чу! Снегирей в манишках алых,
Прохожий редкий, не спугни!
В рябиннике всей стайкой малой
Обедать принялись они.
Пока не застыт тучи небо,
У тропки птичий хоровод
Клюёт поспешно крошки хлеба.
Жизнь и зимой в лесу идёт!

У зимнего окна

Середина зимы. И сугробы похожи
На скалистые горы под ночным фонарём.

Подгоняет мороз одиноких прохожих.
Запорошены окна седым январём.

Запоздалый автобус спешит к остановке,
Но его пассажиры давно видят сны.
Спят машины, сутулясь на платной парковке,
Отдыхая в объятьях ночной тишины.

Все дороги ночные заметут снегопады.
За ночь белыми станут дома и дворы.
Поиграют в снежки, утру новому рады,
Беззаботные стайки смешной детворы.

А пока снег кружится, спускается с неба
Кисеёю прозрачной за холодным окном.
И бессонница шепчет быль свою или небыль,
Не давая забытья предутренним сном.

Мороз и солнце с нами вновь!

Такие дни бывают редко:
Мороз и солнце с нами вновь!
Я беспокоюсь, как наседка,
И понарошку хмурю бровь.

На ветках снег красив и звонок.
Пусть подождёт твой снежокат!
Ты, словно маленький ребёнок,
Играть и ехать с горки рад.

Смотрю, любуюсь на синицу,
Её манит простор небес.
Припомнила одну страницу
Той жизни, где полно чудес.

Как будто снова вместе с сыном
Я, сбросив непосильный груз,
Скатилась с горки апельсином,
Как краснощёкий карапуз.

Февраль

Февраль – мятежный дуралей:
То вдруг капель, то снегопады.
Непостоянству февралей,
Увы, синоптики не рады.

Но в феврале бывают дни,
Когда душа вдруг вострепелась,
Как в аномалии магнит,
Под яркими лучами солнца.

Раздвинет ветер облака,
Уйдут метели злые в небыль.
Всё это будет, а пока –
С надеждой вглядываюсь в небо...

Сергей ШИЛКИН

г. Салават, Республика Башкортостан

Шилкин Сергей Васильевич родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Автор 4 книг стихов, изданных в России и за рубежом. Публиковался в журналах и альманахах «День и Ночь», «Крепятик», «Slovo/Word» (Нью-Йорк), «Журнал ПОэтов», «Простор» (Алмата), «Невский альманах», «Обособник», «Сура», «Дарьял», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни» и др. Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013 год, дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна»; обладатель специальной награды – «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов, победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», проводимого еженедельником «Истоки», II место международного литературного конкурса «На крыльях грифона» в номинации «Поэзия» (2020).

Из новых стихов**Мудрецы**

Кривизною лунных радуг
В неизвестность шёл Конфуций;
Вёл трёхлетнее осляти
Под серебряны узды.

Тлел зари парчовый фартук
Златом тысяч тройских унций.
А навстречу – в спецалате –
Современный «Лао Цзы».

Прошептал чуть слышно кормчий,
Сединами убеленный –
Ткут для нас на небе боги
Мирозданья полотно.

И к сему добавил громче –
Для меня и для Вселенной
Все прошедшие эпохи,
Как вздыхание одно.

Задремал я на мгновенье,
А уже промчались эры –
Сгибла дюжина династий
Небом посланных сынов.

Где тот камень преткновенья,
Что поправил законы меры,
Вызвав грозное ненастье
Разрушения основ?!

Где былые мощь и слава?!
Поднебесной в чём «проколы»?
Всю мозаику речами
Собери и остекли.
Расскажи, как есть всё, Лао!

«Кровожадные монголы
нас булатными мечами
беспощадно посекали».

А затем вскричал вдруг дико –
«Нынче жизнь сплошные вилы!» –
Становясь лицом блеее
Тонкой рисовой муки’.

И, застыв, промолвил тихо:
«Миром правят гомофилы
Вашингтонской ассамблеи.
Если можешь, помоги!»

– Надо в северном кантоне
От срединной пуповины
Вознести из доломитов
От кочевников плетень.

А в далёком Вашингтоне
Запретить уж, коль повинны,
Издавать для содомитов
Их похабный бюллетень.

Латинские сны

Я с бессонницей простился –
Эскулапы подлечили.
Мне чудесный сон приснился,
Будто я проснулся в Чили.

Белосахарные Анды
С блеском западной рекламы.
Грациозно, словно гранды,
По тропе гарцуют ламы.

Жизнь проходит здесь неспешно,
Без шальных страстей Монако.
Вслед за ламами, конечно,
Ковыляет гуанако
Узкой кромкою карниза –
Тихой сапой неуклюжей,
Вся покрытая до низа
Одеялкою верблюжьей.

В скалах родины Неруды
Вьются древние дорожки.
По горам несут верблюды
Разноцветные рогожки.

В холодной выси олимпийской
Лёд вздымается ропакком.
Травостой степи альпийской
Щиплют лошади с альпаком.

В диком ржанье ожереба
Радость слышится кобыля.
Белый кондор на полнеба
Распластал над ними крылья.

Паренёк – пастух беспечный –
Дует в дудочку коровью
Песню древнюю про вечный
Спор меж страстью и любовью.

Пики Анд мерцают снежно.
Пастушонок, под сурдинку,
О любви, вздыхая нежно,
Молит девочку-латинку.

***

Отдал мне на даче огромный булыжник
В зачёт за полтинник знакомый фуфлыжник.
На вид – несомненная древность.

Вкрапленьями чёрен, с боины оплавлен.
Халдеем он был бы звездой озаглавлен.
К халдеям я чувствую ревность.

Смотрю и вопрос задаю неэтичный –
Ваш возраст? Неужто период третичный?
Пространств неизведанных гаджет,
Летевший веками сквозь пламя и стужу...

Кайлом раскрошу его твёрдую душу...
Он тайны миров мне подскажет.

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ

г. Ашдоа, Израиль

Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем – институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатрировался в Израиль. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдоадский дневник». Автор более 10 книг стихов и поэтических переводов.

Стихи в декабре

Зима

Когда-то были детство, и зима,
И за окном стоял мороз трескучий,
Мы с горки ледяной катились кучей,
А в воздухе снежинок кутерьма.

От снега всё вокруг белым-бело,
Поникшие осины и берёзки
К зиме надели ветхие обноски,
До пояса сугробы намело.

Пушист и лёгок первозданный снег,
Он в воздухе клубится пеленою,
Ушанку покрывая бахромою,
Мне кажется, я древний печенег,

Вокруг не снег, а розовая пыль,
И звон в ушах, и лошадиный топот,
И залихватский молодецкий посвист,
И степь за Волгой, и степной ковыль...

Нет, это мы на санках с горки мчим,
Неудержим был спуск наш и неистов –
По Волховской до самой Коммунистов, –
И этот наш порыв неистошим.

Когда-то были детство и зима,
И было, помню, весело от снега,
В уездном городишке над Онегой.
Хоть рано наступала полутьма...

Когда-то

Как много лет тому? – Невесть...
И кто теперь о том припомнит?
Слонялись мы меж классных комнат
На этом празднике невест.

И ты пришла на школьный бал,
Хоть мы давно с тобой расстались,
И взгляд твой выдавал усталость,
И я такой тебя не знал –

Ты через зал наискосок
Плыла, как будто на пуантах.
Девчонки наши в пышных бантах
Ступали с пятки на носок –

Ещё совсем не так, как ты,
Средь них была ты королевой,
Они же – порослью незрелой,
Свежи, невинны и чисты.

А ты... Ты женщиной была,
А не простушкой-выпускницей, –
Не признанной пока столицей,
Но упорхнувшей из села.

Хотя какое там село?!
Наш город – северный и строгий –

Был вовсе не такой убогий,
Меня всегда к нему влекло,

Влекло к онежским берегам,
К широким северным просторам,
Борам, чащобам, косогорам,
К друзьям, подругам – и снегам,

Когда вокруг белым-бело,
И слабо верится, что где-то,
Быть может, наступило лето,
А тут сугробы намело.

Давно минули те года
И запоздалое взросленье,
Уходит наше поколенье,
Прощаясь с детством – навсегда.

И только в памяти моей,
Неугомонной, как когда-то,
Мы, седовласые ребята,
Становимся себя живей...

В ожидании весны

Морозно. Разрывая тишину,
Кричат картаво на вершинах сосен
Вороны – о приметах бывших вёсен,
Как будто ждут грядущую весну.

Их слыша, удивляюсь: ну и ну!
Вороний этот грай многоголосен
И в ожидании весны несносен,
И к ночи я, наверно, не усну.

Как птицам, мне пригрезится апрель,
И северных пейзажей акварель
Опять меня заморозит – как прежде.

Растает снег, и зажурчат ручьи,
И, словно у Саврасова, грачи
Споют осанну трепетной надежде.

Поэт

Вдали от праздной суеты,
В глуши, в тиши библиотеки
Он жил, как в позапрошлом веке,
Отринув давние мечты.

Под шелест выцветших страниц
Он вновь переживал былое
И окунался с головою
В мелькание знакомых лиц

И с детства памятных сюжетов,
Листал страницы раритетов
И, углубляясь в толщу лет,

Всё чаще возвращаясь в детство,
Знал: это всё его наследство, –
Достигший старости поэт.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

«Пробегутся пальцы по годам...»

***

Было всё как всегда. Звёзды плыли меж туч.
Порывался согнуть ивы ветер.
И хоть он оставался по-зимнему жгуч,
Но уже пел с весною в дуэте.

Было всё как всегда. Снег лежал на лугах.
В лунном свете искрились сугробы.
И кругом проявлялся российский размах.
До восторга. До слёз. До озноба.

Было всё как всегда. Мысли рвались в полёт
От наскучивших будничных клонов.
И, казалось, божественный голос зовёт
Разорвать цепь привычных канонов.

Было всё как всегда. Через час этот сон
Как всегда тихо в мыслях растаял.
Что-то в жизни менять нам совсем не резон.
Перемены – затея пустая.

***

Божественной комедии герои,
Мы роль свою едва осознаём.
Наивно планы мелочные строим,
Словами машем будто кистенём.
Спешим узнать, что там за поворотом.
Сметаем время в прошлое как пыль.
И маемся бессмысленной работой,
Отбросив смысл непознанный в утиль.

***

Критиковать не так уж трудно.
Что делать – объяснить трудней.
Вопрос сей много лет подспудно
Даёт ростки в умах людей.
Но дотянуть до урожая
Не удаётся им никак.
Так кто же или что мешает?
Лень? Эгоизм? Коварный враг?
Иль просто не настало время
Стать человечеству умней,
И человеческое племя
Ещё на старте своих дней?
Что для Истории столетья –
Песчинка в храме бытия.
Куда её уложит ветер,
Никто не знает. Даже я.
Как осознать, что нужно делать,
Не осознав, куда идти?
В дорожной карте сплошь пробелы.
Развилки много на пути
И нет на них пометок мелом.
Критиковать любой маршрут
Намного легче, чем проверить.
Проверка – это тяжкий труд
И мины на тропе империй.
Не все рискнут пройти меж мин
К таящейся в тумане цели.
Нет, в дом войти, разжечь камин
И утонуть в привычной лени –
Для большинства такой удел

Разумнее уже с рожденья.
Вокруг так много важных дел,
Что нам туманные виденья.
И так потоки новостей
С экранов мозг наш рвут на части.
А из полученных частей
Слагают дифирамбы власти.
Но хрупок сложенный узор
И при малейшем потрясенье
Сорвётся, как лавина с гор
Или засохший лист осенний.
Сметёт ли он всё на пути
Иль тихо ткнётся в землю носом,
Сей факт не сможет принести
Ответ на вечные вопросы.
Вопросов мимолётных рать
Закружит, разум отвлекая.
Не создавать – критиковать
И на слонов отважно лаять.
Тугой петлёю связь времён
Чуть что – сожмёт свободу воли.
И вопли варварских племён
Вновь зазвучат в земной юдоли.

***

Телефонный звонок растворился в ночи –
Одинокий, блуждающий, нервный.
И забегали мысли – мои палачи –
Как по скалам пугливые серны.

Неудачный прыжок – и паденье в провал.
В стерегущую тёмную бездну.
Эхом мечутся чувства в поспешных словах,
В них спеша хоть на время исчезнуть.

Набухает нарыв недосказанных слов,
Порождённых наплывом отчаянья.
Но, когда он наружу прорваться готов,
Разум вдруг оглушает молчанье.

И опять в тишине мысли сонно плывут
Как плывёт пена волн по течению.
Серой лентой струятся песчинки минут
В неуказанный пункт назначения.

***

Пробегутся пальцы по годам –
Клавишам вселенского рояля –
И помчатся мысли по следам
Оперетт, что в жизни мы играли.
Не всегда, признаться, был аншлаг –
Вспомнятся провальные премьеры.
Но мы пронесли Надежды флаг
Через возводимые барьеры.
Сколько мы прошли закрытых врат,
Сколько круч житейских одолели,
Сколько устранили мы преград
Чтоб увидеть свет в конце тоннеля.
И сегодня, выходя на «бис»,
В ярких опереточных одеждах,
Знаем мы: за полотном кулис
Бережно хранится флаг Надежды.

Леонид КАРПОВ

п. Кестеньга, Карелия

Член Союза российских писателей. Автор 2 книг стихов: «Давай поговорим» (2013), «Всё просто и всё очень сложно» (2016). Публиковался в местных СМИ, журналах «Север» (Петрозаводск), «Северо-Муйские огни». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«...ещё один год проводил до порога...»

Так вышло

В том городе, где ты меня не ждёшь,
который день блуждает грустный дождь
по опустевшим скверам и бульварам.
Ты знаешь цену чувствам, ну так что ж –
возьми мои мечты о счастье даром.
Так вышло – я уже почти привык
не верить в то, что с нами приключилось.
Мне лишь бы не откликнуться на крик
и не вернуться в эти хмарь и сырость.

А здесь, где так поддержка дорога,
у нас, куда ни глянь, лежат снега
и стыннут жемчуга в небесном плёсе,
но не страшат чужие берега,
когда тебя от прошлого уносят:
сегодня – льдами стиснутый баркас,
а завтра – та живительная сила,
которая спасла однажды нас
и ничего взамен не попросила.

Ни к чему

Я под вечер тихо-тихо
постучусь в твоё окошко,
словно это шанс последний
встретить ту, что всех милей,
даже если ты трусиха
или дикая немножко –
жертва чьих-то заблуждений
и фантазии своей.
Ведь и мне, по воле Бога,
эти напасти знакомы:
так хотелось быть крылатым
там, где чувства высоки,
но, увы, я слишком долго
выползал из каждой комы,
о разлуки и утраты
набивая синяки.
А сегодня, без сомнений,
мы узнаем в одночасье,
что судьба нам напророчит,
высыпая звёзды в тьму.
Если выпал шанс последний
обменять тоску на счастье,
подождём прихода ночи –
здесь поспешность ни к чему.

Маме

Перед тобой, разбитый от дороги,
стою, стыдясь поднять угасший взгляд.
Всю жизнь свою я обивал пороги
людей, которых видеть был не рад.
Всю жизнь свою я слушал чьи-то мысли,
заглядывая чуть ли не во рты,
и крылья за спиной моей обвисли
от этой беспросветной суеты.

Да, я устал... И не года – причина
беспомощно упавшей пары плеч.
Я часто поступал не как мужчина
с одной лишь целью – выгоду извлечь.
И забывал, спеша за миражами,
рождёнными взбесившейся мечтой,
о самой верной женщине – о маме,
такой прекрасной и такой простой!

Я не достоин радостной слезинки,
скатившейся по высохшей щеке.
Все, что успел я протоптать, тропинки
лежат от самой главной вдалеке.
И шум моих шагов не слышно было
в течение ста сотен мёртвых лет
той женщине, которая любила
того меня, которого уж нет!

Я не замёрз, а ты мне греешь руки.
Молчу, а ты киваешь головой.
Свиданья миг затмил года разлуки,
ведь главное – вернулся! Ведь – живой!
Не попросил, а ты уже простила.
Я и без слов почувствовал всё сам,
ведь у тебя есть неземная сила,
дарованная только матерям!

Я ещё один год проводил до порога...

Я ещё один год проводил до порога,
двери отпер, и он растворился в ночи.
Лгать не стану, конечно, мне грустно немного.
От разлуки такой хоть вдогонку кричи!

Он ещё не успел с горя броситься в Лету,
а уже, в одиночку встречая зарю,
я грущу и одну за другой сигарету
на промёрзлых ступенях крылечка курю.

Шум застолья, уставший от запаха ели,
до поры схоронился по тёмным углам.
Я продрог и, вернувшись, в объятьях постели
год, промчавшийся в мыслях, делю пополам.

Что на сердце легло удручающей тенью,
остужая беспечности пыл навсегда,
я в бессрочное рабство вручаю забвенью
и не чувствую вовсе при этом стыда.

Этих дней мне не жаль! Пусть их было немало,
и от шрамов душа огрубела чуть-чуть,
моя память, как это и прежде бывало,
их смогла за ненужностью перечеркнуть.

Мне достаточно светлых и добрых событий
для того, чтобы снова поверить я мог
в бесподобную прочность тонюсеньких нитей,
что нас держат над бездной житейских тревог!

Светлана КАЗАКОВА

г. Омск

Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат Омского областного конкурса «России патриот» (2007), «Омские мотивы» (2010).
Дипломант VII Международного поэтического конкурса ко дню славянской письменности и культуры (г. Шымкент, 2015).
Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Ах, как хочется вернуться...»

С думой о новом...

Признак настоящей любви – то, что она проходит.
Непреходящая любовь – всего лишь иллюзия любви.

Габриэль Лауб

Я открываю тетрадь...
Неба открыта страница...
Низкое солнце опять
В позднюю осень садится.
В позднюю осень и я
Падаю пухом лебяжьим.
Лёгкости нет бытия,
И ощущается тяжесть:
Прожитых мною лет,
Горьких минут озаренье:
В жизни любви вечной нет,
Есть скоротечность цветенья
И неизбежен ноябрь
Чувств и уставшей природы.
Ждёт-поджидает декабрь,
Жизни венчающий годы,
Но будет снова январь,
Что новолетье откроет,
И взгляд устремляется вдали
С думой о новом герое
Грядущего дня...

***

Омск Достоевского
И в лучшие ваши годы –
Горькие воспоминанья:
И скудость омской природы,
Духа и тела страданья.
Нет тут ни друга, ни брата,
Однако, на всё есть запрет.
И из осторожного ада,
Из жизни потерянных лет,
И вопреки злему року
Рождён был здесь мощный роман*.
Он – сильный, бурный, глубокий,
Как тот – штормовой – океан...
Великий писатель, в Сибири
Открылись вам дали, и шири,
И устремление к Богу...
Тернистой идя дорогой,
Прямо из ваших страниц
Кандальником падая ниц
И им воспарив на небо,
Прочли мы жизни учебник.

* «Записки из Мёртвого дома»

Голубые снега декабря

Голубые снега декабря
Очищают и душу, и землю.
Не напрасно год прожит, не зря
Все уроки его я приемлю:
Я прощаю предавших меня,
Отпускаю на волю измену,

Жду с надеждою нового дня,
Обновления крови по венам.
И встречаю я солнца восход
На излёте уставшего года.
Всё пройдёт...
Всё пройдёт...
Всё пройдёт...
Снег летит...
Торжествует природа.

Это жизнь

Жизнь циклична...
включая же пусть
Октября оголённую грусть,
Ледостав зябких дней ноября,
Морок света часов декабря,
Новогодья крещенский мороз,
Ветродуя февральский занос,
Марта дробь ледяной капли
И журчанье ручья-апреля,
И сирени кипенье мая,
И июньский денёк нескончаем,
И июля-Купалы овод,
Серпня-августа зорек холод,
Стай пернатых сентябрьский отлёт
Будет полон привычный мне год.
Год, где страх и мои надежды,
И сегодняшний день и прежний,
Зародившийся новый рассвет.
Это жизнь... до скончания лет...
Но, Всевышний, пусть будет она
Больше радости майской полна!

***

Ах, как хочется вернуться
В юности страну:
Где тропинки круто вьются,
Выберешь – одну,
И где небо очень близко,
Беды – далеко,
Где потерь не знаешь списка,
Мыслишь – высоко.
Ах, как хочется обратно –
В точку всех начал,
Где просторно, ароматно,
Где вранья не знал,
Где деревья были выше,
Лился свет из глаз,
Брызгал смех, как соком – вишня,
И – не напоказ.
Ах, как хочется всё бросить:
Груз прошедших лет
И безжалостную осень,
За тобой что вслед...
Ах, любовь, что в наши годы
Вроде ни к чему.
Но слагает сердце оды
вопреки всему.

Татьяна СОБЕЩАНСКАЯ

г. Мытищи, Московская обл.

Член Союза писателей России, клуба «Московитянка» при ЦДА (Москва) и местного (Мытищинского) литературного объединения имени Дм. Кедрина. Автор 2 книг стихов и ряда публикаций в периодике.

«За веком век летит подобно птице...»

***

Меня война не трогала за плечи –
Я в мир вошла чуть позже, год спустя.
Мне говорят: «Тебе гордиться нечем,
Дитя, послевоенное дитя».
А я играла гильзами в окопах,
Слепой учитель вёл у нас кружок,
Раскрашивала карту, где Европа
Казалась мне похожей на лужок.
Он каждый год, ожив под солнцем вешним,
Смотрел на всех, как праздничный букет,
Где самой главной радостью, конечно,
Была страна – красней, чем маков цвет...
Пусть жизнь идёт, меняясь ежечасно,
И всё вокруг становится иным.
Но верю я, что гибли не напрасно
Моей России верные сыны!

***

И всё-таки полночная печаль
Не так сильна, как думалось когда-то.
Теперь, перебирая наши даты,
Понятно стало – прошлого не жаль.
Всё выветрилось, выцвело, исчезло,
Как пепел, вдруг упавший на перрон,
Когда тихонько тронулся вагон,
И ты промолвил с грустью: «Бесполезно».
Что ж, ничего не вечно под луной:
Погас костёр, и нет душевной муки,
И ты, и я не умерли от скуки.
Жизнь дарит нам мороз, прохладу, зной.
Нет выбора. Ведь каждому – дорога
Своей судьбы. Пересеченья нет...
Но кажется, останется твой след
В моей молитве, обращённой к Богу.

***

Я помню всё: душевное тепло,
Горячий снег, протяжный вой сирены,
В косых крестах оконное стекло –
Глаза войны, похожей на гиену.
То – память крови, пролитой в боях,
Наследством горьким бьётся и клокочет,
Как будто снова рассказать мне хочет
О тех суровых, окаянных днях.

У памятника воинам...

Здесь тишина хранит в своих объятьях,
Как память лета, мяты аромат.
Давно его не ощущают братья,
Что рядышком под звёздочкой лежат.
Встают рассветы в розовом тумане,
Дожди стучат по мраморной доске.
Склонённая берёза не устанет
Считать следы на высохшем песке.

***

Родина. Россия.
Громкие слова.
Я люблю другие. Может, не права.
Речка, палисадник, липа у крыльца,
Редкие улыбки строгого отца.

В детстве всё иное – лучше и честней,
Краше синей птицы даже воробей.
Он, как одноклассник, в сером сюртучке
Песни распевает, сидя на сучке.
Чик-чирик! И снова – чик-чирик, привет!..
Каждый в нашей жизни оставляет след.

Облака под вечер медленно плывут,
С пастбища бурёнок подгоняет кнут.
Вдоль дороги вкусно пахнет молоком.
Милая деревня, деревянный дом.

Нынче небоскрёбы в поле поднялись,
Облака цепляют, обживают высь.
А в квартирах-гнездах люди вместо птиц.
Много или мало здесь счастливых лиц?

Не сужу огульно:
Жизнь всегда права.
Только мне дороже прежние слова:
Речка, палисадник, липа у крыльца,
Редкие улыбки строгого отца.

***

Как радостно читать мне о любви,
Которая сверкает сотней граней,
Любви земной, где свято «визави»,
И той – другой, возвышенной, что ране
Уже была, когда рождались свет,
Земля и небо, водная стихия,
Когда не знали солнца и планет,
А властвовали сумерки глухие.

Любовь объединяет вся и всех.
Она имеет множество обличий,
Несёт в себе надежду на успех,
Порой бывает во языцах притчей.
Слова любви красивы, как цветы,
Но и без них любовь всего дороже,
И только тень душевной пустоты
Её, в конце концов, разрушить может.

***

За веком век летит подобно птице.
Событий много, только все они
Укрыты дымкой времени, как лица,
Что память сердца бережно хранит.
Как прежде пахнет мёдом и травой
В лугах за речкой, дремлющей от зноя...

.....
Так хочется свободы и покоя,
Когда кричат грачи над головой.

Сергей ВОРОШИЛОВ

г. Петрозаводск, Карелия

Родился в 1952 году в д. Лопатино Воскресенского района Московской области. В 1970 году переехал в Архангельск, окончил Архангельский лесотехнический институт. В 1976 году по распределению переехал в Карелию (г. Петрозаводск). Работал инженером-механиком на авторемонтном заводе, затем ведущим конструктором в НИИ целлюлозного машиностроения. За время работы окончил аспирантуру при Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, защитил диссертацию с учёной степенью «кандидат технических наук», получил свыше 50-ти авторских свидетельств и патентов на изобретения, удостоен почётного звания «Заслуженный изобретатель республики Карелия», награждён медалью «ВДНХ». Кроме поэзии увлекается охотой, рыбалкой, спортом, любит путешествовать. Публиковался в ряде литературных альманахов и коллективных поэтических сборников, в том числе в журнале «Северо-Муйские огни» (литературный раздел «Рыбохотобзор»).

«Здесь песней заонежскою...»

***

Край озёрный, север дикий.
Сизый иней. Холода.
Кисть поникшая брусники.
Потемневшая вода.
Тишь на клюквенном болоте.
Опустившаяся хмарь.
Вздвогну, если вдруг на взлёте
прогремит крылом глухарь...
Иль замру, грустя невольно,
слыша оклики людей
в поднебесных, колокольных
причитаньях лебедей...

Ноябрь в Заонежье

Где средь воды несут дозор
три валуна с моренной груды,
утих, закашлявшись, мотор.
Покой и гладь у рыбной луды*.
Молочен воздух. Пеленой
с небес свисают гроздья снега,
а в дно кижанки** подо мной
скребётся сонное Онего.
В тиши весла унылый всплеск,
глухое звяканье уключин.
То ль чешуи зеркальный блеск
глаза слепит,
то ль снег колючий...
Плыву я будто в небесах,
попав под саван белоснежья.
Шуга шуршит ли, голоса
ушедших душ из Заонежья.
Скатало небо в снежный ком
что есть и быть могло вначале:
хоть с предком не был я знаком,
но вместе нас волна качает.
Крещённые одной водой
мы грезим в думах о Завете,
и Пётр апостол молодой
рукой нам машет, ставя сети.

*Луда (сев.) – каменистое, удалённое от берега мелководье.

**Кижанка – тип лодки жителей Заонежья.

Карельская берёза

Есть чудо-край озёр прозрачных.
Сюда под гомон журавлей
в фате черёмух, новобрачной,
приходит ночь снегов белей...

Страна чудес. А в ней берёзка
грустит среди карельских скал.
И непонятным отголоском
во мне звенит её тоска.

Не вышла ростом, узловата:
скрутила девицу печаль.
Как будто смотрит виновато
в белёсую ночную даль.

Царевна в образе лягушки,
вдыхая свежесть майских струй,
о чём-то грезит у опушки,
ловя волшебный поцелуй.

И, ожидая в грёзах принца,
шепнёт завет, что пела мать –
«Умру однажды, чтоб родиться,
и красотой заиграть...»

Жизнь через смерть. И, может, скоро
карельской вязью ворожа,
увидят свет её узоры
в зеркалье финского ножа...

***

Над лесом, над озёрами
взлечу, как птица, я.
Волнуешь ты просторами,
Карелия моя.
Здесь в Белом море радугой
цветёт седой прибой,
здесь гладит скалы Ладога,
и мне легко с тобой.

Здесь кижское творение
в онежской чистоте
стоит, как откровение,
в молитвах о Христе.
Здесь северной жемчужиной
сияет Валаам.
С тобой, моею суженой,
всё в жизни пополам.

Здесь песней заонежскою
грустит былинный край...
Земля святая, грешен я,
прости меня и знай:
с тобой хочу быть рядышком
под небом голубым...
Ты – дочь России-матушки,
Ты – часть моей судьбы.

Татьяна БЕЛЯВСКАЯ (СТРЕЛЬНИКОВА)

г. Ангарск, Иркутская обл.

Родилась в городе Орск Оренбургской области. Окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков. Публиковалась в литературных журналах «Сибирь», «Иркутский альманах», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы» (Беларусь), альманахах «Российский колокол», «Образ», в коллективных поэтических сборниках и антологиях. Автор 5 книг стихов и прозы. С 2010 года руководит студией юных литераторов «Метафора».

«Тридцать лет, как секунды, – вразлёт...»

Хорошо там жить

Другу, что построил дом на Байкале,
сам печёт хлеб и каждый день зимой
ходит на лыжах на Байкал

Свежим пахнет хлебом,
Сладко дышит печь,
Думам за обедом
Мирным руслом течь:

«До чего на славу
Выдалась лыжня!
Снова по Байкалу
Провела меня.

Там посередине
Между берегов
Кровь от счастья стынет –
Вот он мир каков!

Скалы – словно стражи
Вольной красоты
Без врагов и лажи,
Лжи и суеты,

Там простор и небо –
В Космос этажи!»
...В доме пахнет хлебом.
Хорошо так жить!

Февраль 2021

Старое письмо

Разбирая архивный комод,
Я нашла безымянный конверт,
И волнений тревожный комок
Словно в холод мгновенно поверг.
В позабытую клетку листы,
Как церковные свечи желты,
Между книг пролежали года.
«И когда ты приедешь сюда?» –
Прочитала строку наобум.
Заметался встревоженный ум:
От кого сохранилось письмо?
Для чего неожиданно так
На глаза мне попалось само?
Значит что или просто пустяк?
В беспорядке оставив архив,
Я, озябнув, присела за стол,
И строка за строкою, ожив,
Ворвались снова в память, как стон.

«Ох, подружка, судьба тяжела!
Перед Богом какая вина?
Никому я не делала зла,
Почему же страдаю сполна?
Три годочка не виделась мы,
Так нужна мне поддержка твоя!

Мой сынок, словно выкормыш тьмы,
Словно и не кровинка моя,
После армии год напролёт
Всё буянил, напиться не мог.
Муж мой Лёша от этого слёг,
Как старик, захворал, занемог.
Ни дрова наколоть, ни вспахать
Мотоблоком большой огород.
Всё на мне: и хозяйство, и мать –
За три улицы, помнишь, живёт.
А работа ещё, а совхоз...
Я твердила, что жить не хочу,
И в подушку сырую от слёз
Диким воплем, бывало, кричу...

В год второй отрезвел мой сынок –
Стал работать, уехал в район.
Я молилась: «Пошло бы всё впрок!
Сын ведь крепкой породой рождён!».
И у нас поналадилась жизнь:
Снова на ноги Лёша мой встал.
Оставалось нам жить – не тужить,
Только рок жировать не устал.
Сын приехал знакомить с женой.
«Не позвали на свадьбу... Ну, что ж!
Пусть беда обойдёт стороной,
И разлука не всадит вам нож!»
Пожелали ещё от души
Счастья, деток, любви навсегда.
...Счастье оптом к кому-то спешит,
Ну а к нам прилепилась беда.
Молодых провожали домой,
У автобуса дрался сосед,
Заступился за друга сын мой...
Сорок дней как его уже нет.
И не верится мне, что жива.
Цель для жизни совсем не видна.
Жизнь такие плетёт кружева!..
Так твоя мне поддержка нужна!»

...Прочитала и вспомнила час:
Полдень, лето, коробки вокруг –
Переезд намечался у нас –
И письмо мне привёз общий друг.
Рассказал он тогда про беду.
Но, подруга, прости, не могла
Я приехать к тебе в Усть-Куду,
Лишь в молитвах с тобою была.

Тридцать лет, как секунды, – вразлёт...
Не умею, наверное, жить.
Билась, билась как рыба об лёд,
А судьба – в трёх дорогах кружить.
Но я знаю, искать где тебя,
И теперь, мне судьба – не судьба,
Я приеду, мы сядем вдвоём,
Всех помянем, поплачем, споём.

Анатолий АРЕСТОВ

г. Рубцовск, Алтайский край

Анатолий Арестов родился 19 июня 1985 года в Рубцовске. С 2003 по 2007 гг. учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в журналах «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Северо-Муйские огни». Автор книги стихотворений и эссе «В потоке поэзии».

Стихи о разном – 2

Горы

Не просто камни – горы,
не глыбы прошлых лет,
помножены просторы
в огромный силуэт,
несущий просвещение
гранитом острых скал,
великое ученье
тому, кто всё искал
за гранью жизни этой
возможный лейтмотив –
нависший над планетой
мистический порыв.
Не Бога ли старания?
Ковались в полумгле
высокие создания
на созданной Земле...

Запах депо

Запах депо разносился в округе,
словно воздушные массы с пути
всех призывали: «О люди, о други!
Вам не пора ли в дорогу пойти?
Сядьте в вагоны, возьмите поклажи
и уезжайте в другие места.
Будет сидеть! Ведь судьба не покажет
чистую плоскость другого листа!
Бросьте, простите, разрушьте, разрежьте,
смело доверьтесь зовущей мечте
в равных частях. Не забудьте! Надежде
сердце отдайте, как делали те,
кто не боялся ни горя, ни моря,
кто не страшился сорваться в пике,
кто не искал на диване покоя
с пультом удобным в ленивой руке...»

Запах депо разносился в округе,
словно воздушные массы с пути
всех призывали: «О люди, о други!
Вам не пора ли в дорогу пойти?

Осенняя печаль

Ржавые листья летели на крышу из жести
в доме, где жил председатель колхоза Семён.
Нет в предстоящем процессе ни капельки мести,
нет предрешающих связей прошедших времён.
Краткие блики лучей затуманены пылью
взвешенной в воздухе прахом остатка дорог –
вспомнила лошадь нелёгкую долю кобылью

и вострепелась, копытом стуча о порог.
Жёлтые ставни отвергли зелёную краску,
крошечком мелким посыпали землю в саду,
видом своим говоря: «Расскажу я вам сказку:
было несчастье у нас в сорок первом году...»
Ржавые листья всё так же летели на крышу,
тёплая осень прощала, прощалась, ждала,
видом своим говоря: «Отдохните, я слышу –
гонят коров по тропинкам родного села!»

Прошлое

Разрушена хижина тяжестью снега,
летающего с неба.
За серыми стенами стеблей полыни
в печали отныне
деревни и сёла, гремящие ране
стёклами в раме.
Угрюмая роскошь заросшего сада –
слеза и досада.
Детсада фундамент раскрошен на крошки
дождём понарошку.
Дорожки забыты, забыты листьями.
Осень местами
заплачет о давнем...

Уходящий день

Просроченный день оборвался,
увидев закат,
В заброшенном доме сиявший
сквозь битые рамы.
Валялся, разрушенный временем,
тот самокат,
Который был куплен с зарплаты
работавшей мамы.
Работавшей в те,
девяностые трудные годы
В больнице,
забитой больными людьми до предела.
Бывало терпели
жизненные горе-невзгоды,
Но всё пронеслось,
как листва в октябре пролетела.
Просроченный день уходил
за лиловые тучи,
Последним лучом убаюкав
заброшенный дом
Сквозь битые рамы,
где не было стильного Gucci,
Но счастье семейное –
было чистейшим ключом...

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

г. Александрия, Вирджиния, США

Родился в г. Алматы (Казахстан) в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского госуниверситета в 1989 году. Публиковался в журналах России, Германии, Финляндии, США.

«Поколение Сов»

Фейсбучное кино

Устав от жизни и от скуки,
Друзей ищу я на Фейсбуке.
Кого-то знал, кого любил,
Кого, зачем-то, позабыл.
Поблекли лица и причёски,
Другим уж не нужны расчёски!
И, как неспешное кино,
Их жизнь проходит предо мной.
У них есть дети и работа,
Они всегда в трудах-заботах:
Куда поехать, что купить,
Что дома к ужину сварить.
А на закуску – куча снимков,
Как лакированных ботинков,
Надетых пару-тройку раз,
И жизнь, конечно, удалась!
Премьеры, конкурсы, концерты.
И кулинарные рецепты,
Забывших песен школьный бал –
Чего я только не видал.
У них есть кошки и собаки,
Они комменты шлют, и лайки
Им ставят жёны и мужья,
Подруги, сёстры и друзья.
Они промчатся шумно, кучно.
И станет грустно мне и скучно
Фейсбучное крутить кино –
Как бы подглядывать в окно.
А в их квартирах стынет ужин,
И им никто уже не нужен,
И все вопросы решены
(Лишь только не было б войны).

Глаза болят и сводит руки,
Уж не ищу я на Фейсбуке
Друзей, чтоб передать привет.
И в прошлое возврата нет...

Синдром

Земную жизнь пройдя до половины,
Как говорят поэты и раввины,
Я, как солдат, замученный войной,
По дому еле двигаюсь порой.
И, может быть, всему виной усталость,
А может, просто стала ближе старость?
Горит вокруг невидимым огнём
Постдепрессивный пакостный синдром.
В сидячем и лежачем положении
Живу я в постоянном напряжении.
Хоть научился время я ценить,
Но как-то стало очень больно жить.
Спина болит от долгого сидения,
Замедлены рефлексы и движения.
А поутру, уж как ни тороплюсь,
Без чашки кофе долго не проснусь.
Когда-то я девчонкам строил глазки,

Теперь на всех на них гляжу с опаской,
Стараюсь избежать ненужных встреч,
Чтоб только силы прежние сберечь.
Быть может, после долгого КОВИДа
Мы стали частью нового подвида?
И всех сожрёт сейчас или потом
Постдепрессивный пакостный синдром.

Поколение Сов

Вот и выросли мы – поколение Сов –
В середине спокойных застойных годов,
В полумраке холодных панельных квартир:
«Огонёк», «Иностранка» и «Новый мир».
Мы ночами сжирали пространства страниц,
И вождей обожали – не падая ниц.
Хоть не все избалованы были судьбой, –
Продолжали гордиться Советской страной.
Жили быстро – во многом не по годам:
Кто-то видел Чернобыль, а кто-то Афган.
Но с утра никогда здесь не пахло войной,
А разруха и голод прошли стороной.
Но войну пережили деды, и давно.
Мы ж о ней узнавали лишь только в кино.
Ветераны давно отошли в мир иной,
Почему же все бредят прошедшей войной?
Нам внушают, что мы – поколение Сов –
Есть наследники славы ушедших дедов:
Если сам ты не бьёшь – то тебя будут бить,
И кричат все вокруг, что пора повторить!
Только мы, не выдавшие прежде войны,
Залежавшись в прохладе ночной тишины,
Затаились, как стая испуганных сов,
В ожидании новых жестоких боёв.
Поколение Сов, поколение снов,
Поколение разрушенных вечных основ.
А за нами идут по пятам молодые,
Только это не совы – это вовсе другие...

***

...Не хватает дождя,
чтобы стало терпимым лето.
Недостаточно ночь темна,
чтобы больше хотелось света.
Не хватает слов,
чтоб простое казалось сложным,
И стихи я пишу,
хоть, вроде, писать не должен:
Не найти в них образов или
крутых конструкций,
Чёрной кошки в комнате нет, –
сказал бы Конфуций.
А когда по утрам я стихи свои прочитаю –
Понимаю, что всё не то и чего-то там не хватает:
Не хватает тел для ночных объятий,
Не хватает рук для рукопожатий,
Не хватает дней, когда снег не тает...
И почти всегда чего-то нам не хватает.

Андрей ИВОНИН

г. Москва

Родился в Москве – 16 июня 1959 г. Окончил школу в Зеленограде. Работает заведующим художественно-постановочной частью в московском драматическом театре «Эрмитаж». Член Союза театральных деятелей РФ. Почётный работник культуры г. Москвы. Является членом секции поэзии Московского союза литераторов. Публиковался в ряде литературных журналов и альманахов. Автор 5 книг стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Помедлив на последнем рубеже...»

Поэт

День короткий тает.
Лысоват и сед,
нам стихи читает
пожилой поэт.
Хрипловатый голос,
отрешённый взгляд.
Он, как цепом колос,
временем помят.

С юношеским жаром,
с книгою в руке,
в полинялом старом
сером пиджаке.
Не застёгнут ворот.
И года не в счёт.
Он давно немолод
и, наверно, пьёт.

Подорвали силы
суетны дела.
Жизнь его долбила
и не берегла.
Но не доломала.
И летят легки
над притихшим залом
бабочки-стихи.

***

Форма, звук, структура, цвет...
У природы красок много.
Мастерская, где поэт –
инструмент в руках у Бога.

Мастихин, перо, резец
или грифельный обычный
карандаш, смычок скрипичный,
просто голос, наконец.

Вечернее

Помедлив на последнем рубеже,
скупое солнце прячется за крыши.
О том, что дело к вечеру уже,
я промолчу, но ты меня услышишь.
Ты свет зажжёшь, и тьма сойдёт на нет.
Прикроешь в доме окна, чтобы тыщи
ночных гостей, стремящихся на свет,
не вторглись в наше скромное жилище,
в котором только двое, ты и я,
живём, как две находленные птицы.
Зачитанную книгу Бытия

открыв на заключительной странице,
мы будем молча наблюдать в окно
Вселенную от альфы до омеги,
как на плывущем к вечности, давно
от берега отчалившем ковчеге,
и плыть, и плыть сквозь заоконный мрак,
в холодное стекло уткнувшись лбами,
и чувствовать всё явственнее, как
ночная тень сгущается над нами.

Поэзия

Прихоть. Выдумка. Причуда.
Из глубин сознания, из
пустоты, из ниоткуда.
Мимолётна, как каприз.

Росчерк шалости мгновенной.
Память выстраданных мук.
В недрах дремлющей Вселенной
зарождающийся звук.

И бежит за строчкой строчка.
Долг диктует, страсть слепа.
Пусть слова лишь оболочка,
прах, обёртка, скорлупа,

но из гулкой тьмы кромешной
(лишь поближе посмотри)
пробивается нездешний
свет, таящийся внутри.

Времена года

Синее небо и прозрачной свет.
Шаги и речи глуше, но природа,
не верь глазам, не умирает, нет,
а только засыпает на полгода.

Зима замедлит ход ручьёв и рек.
Скуёт дороги. Путником усталым
пройдёт по тихим улицам, и снег
укроет город белым покрывалом.

И жизнь замрёт. Надолго. Но едва
ветра умолкнут и пригреет солнце,
как молодая, юная трава
поднимется и сквозь асфальт пробьётся.

И мы, прервав мучительные сны,
сердца откроем, будто настезь двери,
для новых чаяний, для счастья и весны,
и вновь в своё бессмертие поверим.

Борис СУСЛОВИЧ

г. Холон, Израиль

Борис Суслович родился 10 сентября 1955 года в Днепропетровске. Окончил мехмат ДГУ, программист. С 1990 года живёт в Израиле. Стихи и проза публиковались в журналах «Новая Юность», «Крещатик», «День и ночь», «7 искусств», иерусалимском альманахе «Огни столицы», российско-израильском альманахе «Диалог», сетевых порталах «45-я параллель» и «Точка зрения». В 2006 году вышел поэтический сборник «Просыпается слово», в 2014-м – сборник стихов и прозы «Царскосельский Эйлат». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«В никуда из ниоткуда...»

***

Благодаренье за науку...
Во тьме кромешной, посреди
Глубокой ночи: «Выходи!» –
Нашёптывать на ушко внуку.
Лишь обсмотреть со всех сторон
Ещё не знакомое чудо,
Явившееся ниоткуда –
И снова провалиться в сон.

Вопрос Гаспарову

Михаил Леонович,
        может быть, я некстати?
Лишь намекните –
        исчезну мигом.
Я не филолог –
        обыкновенный читатель,
Знакомый с Вами
        по Вашим книгам.

По секрету, признайтесь:
        так ли уж было важно,
Автор талантлив
        или бездарен,
Чтобы вытащить его
        из завалов бумажных
В качестве иллюстрации?
        Конечно, хозяин – барин.

Но небольшому поэту,
        которого воскресили,
В интересах науки
        поставив с великими рядом, –
Каково ему нынче
        без привычной архивной пыли
Под Вашим неусыпным взглядом?

Двойняшки

Как украшает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда ещё неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт –
Она растёт, как на дрожжах,
Годам и дням не зная счёт...

Как разрушает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда уже неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт –
Она сбегает влопыхах,
Оставив без оплаты счёт...

Инстинкт

Что ты мурыжишь меня,
Что ты от нищего хочешь?
Предошущение дня,
Предошущение ночи,
Перебродивший дурман,
Взятый, как сон, за основу
Жизни... Пошире карман:
Призрачный выигрыш – слово.

Качели

Мы рассуждаем в центре Тель-Авива
О пушкинской «Истории Петра»,
Как будто временная перспектива –
Прилипчивая детская игра,
Раскачанные памятью качели,
Которые по времени скользят.
И нас толкают башни Азриэли*,
Переноса на триста лет назад.

...Морским узлом завяжется минута.
На abordаж пойдёт российский флот.
И нас толкают облака Гангута,
Переноса на триста лет вперёд.

* башни Азриэли – тель-авивские небоскрёбы.

Лист

Держался из последних сил.
Лишь на отрыве попросил
Не отпускать его. Так просят,
Прощаясь... Снова дождь вломил.
Он каждой жилкой ощутил,
Как задрожала ветка. Осень

Не церемонилась. С трудом
Он разглядел свой прежний дом
На расстоянии. Снаружи.
Залитый муторным дождём,
Тот падал и терялся в нём,
Как рябь посередине лужи.

Зеркало

В никуда из ниоткуда,
Где пустяшных мыслей гряда,
В той коробке из-под спуда,
Посреди добра и худа,
Будто прошмыгнуло чудо:
Посреди добра и худа,
В той коробке из-под спуда,
Где пустяшных мыслей гряда.
В никуда из ниоткуда.

Владислав БУСОВ

г. Кашира, Московская обл.

Владислав Бусов родился 20 сентября 1946 года в городе Мариуполь. Окончил Ждановский металлургический институт, по образованию инженер-металлург. Работал на литейном заводе. Член городского литобъединения «Зодиак». Публиковался в коллективных поэтических сборниках, альманахах и журналах «АлександрЪ», «Арина НН», «Рукопись», «Бийский Вестник», «Новый Свет», «Образ», «Ковчег» и др. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Заметки фенолога»

***

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле берёза,
Листья жёлтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.
Вот зазимок припорошит
Серебром её ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.
Словно Лебедь она проплывёт
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришёл в её жизни черёд
Обручиться с есенинским клёном.

Сонет о первом снеге

Первый снег – как первая любовь.
Первый снег – как первый поцелуй,
Как никем не тронутая новь.
Ты, поэт, в стихах его рифмуй.

Первый снег – как первая любовь,
Как родник целительной воды.
О прошедшем он напомнит вновь,
Заметёт осенние следы.

Первый снег так первозданно чист.
Пробудит он благостную мысль,
Занесёт в заоблачную высь
И строкой опустится на лист.

Первый снег... придёт неожиданно он –
На душе моей хрустальный звон...

Зимний вечер

Зимний вечер, деревья пушистые,
Тихо падает хлопьями снег.
От неоновой лампы над крышею
Луч струится серебряный вверх.
У колодца со скрипами ворота
Ледяная гладь сводит с ума.
С коромыслом и с полными ведрами
Статно движется дева-Зима.
Светит месяц, в овраге заснеженном
Протекает студёный ручей.
В блеске заводи будто забрезжили
Отражения бледных лучей.

В зимнем лесу

Посвист стайки свиристелей
На берёзовых макушках.
Терпко пахнут хвоей ели,
Пики обнажив верхушек.
На стволе припорошённом
Цепкий поползень, сбегая,
Следует лесным законам,
Пропитанье добывая.
На мгновенье раскрывает
Перья радужные дятел.
Дробью дали оглашает –
Короедов неприятель.

***

Опушка зимней рощи
Сугробами полна.
Здесь меряются мощью
Берёза и сосна.
И в высь уходят кроны,
Несут земной покой,
Под золотые звоны
Стихает ветра вой.
К истокам возвращаюсь,
Тропинкой проходя,
Душой я очищаюсь,
С тобою, Русь моя!
В час грусти и сомненья
Где силу обрету?!
Ответы откровенья
У рощи я найду,
Где русские берёзы
Напомнят мне опять:
«Пиши стихи и прозу,
Но так, чтоб не солгать».

Заметки фенолога

После ночного снегопада
Лес в белом мареве стоит.
И от мороза, как награда,
Румянец розовый ланит.
Зима, невеста молодая,
Невинна, как дитя во сне.
Торит свой путь, напоминая
О самом скоротечном дне.
Вчера декабрь солнцеворотом
Свой путь отметил на мороз.
Светило, цыпа желторота,
На лето строит блиц-прогноз.

Мария ЯПС

г. Югорск, Тюменская обл.

Япс (Вяжевич) Мария Владимировна родилась 24.02.1987 г. в посёлке Пионерский Советского района Тюменской области. В 2011 году окончила Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург) по специальности «Педагог профессионального обучения». Являлась руководителем детско-юношеского литературно-творческого объединения «Алые Паруса» и мульт-лаборатории «МультиМЫ» МБУ «ЦБС г. Югорска», член местной общественной организации литературно-творческого объединения г. Югорска «Элегия». В 2020 и 2021 гг. – финалист Международного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (г. Таганрог). Публиковалась в местных газетах, журналах, коллективных поэтических сборниках (ХМАО-Югра), а также в коллективном сборнике «Новые имена России» (г. Москва, 2003), в сборниках «Взлетает в небо трепетное слово» (переводы с белорусского языка) – 2020 г., «Добрая семейная сказка» – 2020 г., «Стихи» – 2021 г. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Северный помидор»

***

*Северному посёлку Пионерский
(Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)*

Измеряю шагом остановку,
А мимо пешеходы топчут грязь.
Хочу домой, в таёжную сторонку,
И с городом порвать на вечер связь.
От гордых лиц с горящим, хищным взглядом,
От улиц, перезалитых водой,
От лавок с полусгнившим виноградом
Хочу я убежать к себе домой!
Где тополя рыдают над асфальтом
И фонари слепые вдоль дорог.
Где дед Матвей ругает слякоть матом,
А вместе с ней и весь честной народ.
Но не со зла он шлёт американцев
И обвиняет «гадкий» интернет,
От скуки – сын погиб среди «афганцев»,
А больше никого у деда нет...
Домой, где бани по субботам рясно топят,
И мама пироги опять печёт.
В посёлок мой, в сибирских диких топях,
Где отчий дом, как боровик, во мху растёт.
Где узких улочек сплетенье дорогое,
Где рамы плен рябину стережёт.
Там детство, там покой, там всё родное!
Сбегу сегодня, и пусть «завтра» подождёт...

Маме

В звёздную ночь, морозную,
поезд уедет вдаль.
«Мама!» – шепчу, и слёзы мне
щёки жгут. Очень жаль...
Жаль, не хватило времени
просто тебя обнять.
Жизнь своим хитросплетением
нас разлучит опять.
Грубой железной массой
поезд впитает грусть.
Сонный народ у кассы
топчет снежную ртуть...
Ветер в лицо. Прощание.
Нервно поправишь шаль.
Мама! – как заклинание!
Мама! – не уезжай!
Не уезжай! – как выстрелом
облачко пара вверх.
Скоро рассвет, и выцвело
небо в пастельный цвет.
Сколько бы лет нам ни было,
мамы не гаснет свет.
Помнится только белое,
чёрного больше нет!

Северный помидор

Старый дед трудовой рукой
Сеет саженцы в феврале.
Чтобы вырастить помидоры
На чужой и суровой земле.

Внуки лезут к нему за стол
И вопросы, крича, задают.
Они северный помидор
Не видали и очень ждут.

Леспромхозов суровый край
Их взрастил в таёжной глуши,
Дед для них и отец, и мать,
Те работают – строят жизнь.

Гладкий стебель увидит март,
Что морозом сдавил стекло.
Дед рассаде как чуду рад:
Чтобы деткам «свое» росло!

Внуки будут в ночи мечтать,
Как попробуют спелый плод,
Сладкий вкус его обсуждать,
Как взрастят они огород...

По весне старый дед смастерит
Помидорам стеклянный дом.
Печка ладная задымит,
Хорошо помидорам в нём!

Приживутся, нальются кружки,
Ослепляя своей красотой!
«Вот как трудно даются, дружки,
Помидоры!» – дед сядет, седой
Головою мотнёт и всплакнёт,
Вспомнит Среднюю он полосу,
Где росли у него помидоры
Как грибы в соседнем лесу.

Только здесь, на просторах Югры,
Всё не так и климат другой...
Приспособятся и помидоры
Под сильной и смелой рукой!

Умер дед, как уснул, на заре.
Лето было холодным и злым.
Только внуки на старом крыльце
Всё сидели, прощаясь с ним.

Грызли первый свой помидор,
Он им горьким казался теперь.
В солоне сиротливых слёз
Начинался их путь потерь.

Рыбохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Олег СЛОБОДЧИКОВ

г. Иркутск

Филолог. Историк. Член Союза писателей России.

Лауреат премии журнала «Москва» (2000). Третье место лауреат премии губернатора Иркутской области.

Жизнь в тайге

повесть (журнальный вариант, публикуется впервые)

Вспомнилось, как я любил тот южный город, где новогодними ночами всегда падал снег. В мутном свете фонарей степенно кружились крупные пушистые снежинки, мягко ложились на тополя, автобусы, серый асфальт, на шапки и плечи прохожих. На улицах было многолюдно, но без обыденной суеты и раздражения конца рабочего дня. Полусонно работали магазины, слегка украшенные серпантином. Я шагнул за стеклянную дверь, на миг увидев своё запорошенное снегом отражение, отряхнулся и ступил в серую жидкую грязную слезу на каменном полу. Продавщица с нарумяненными щеками, в белом халате поверх пальто, в пышной лисьей шапке, весело торговала и доброжелательно отвечала на шутки возбужденных покупателей. С десяток мужчин и женщин со счастливыми лицами стояли вдоль прилавка, их глаза светились ожиданием чуда.

Я окинул взглядом зеркальные витрины с бутылками и встал последним. Из зазеркалья на меня смотрел импозантный мужчина в коричневой дублёнке и ондатровой шапке, похожий на журналиста или преподавателя вуза. Восчувствовав свою значимость и разумный возраст средних лет, я остался доволен видом, купил шампанского, коньяку, толстую гаванскую сигару, сложил всё в модный профессорский портфель и вышел.

А снег всё падал. Неоновые фонари, как одуванчики, сонно и празднично клонили светлые головы к пустынному улицам. На троллейбусной остановке светились кубы из полиэтилена с горящими в них свечками, которые прогревали букеты цветов. Цветочницы зазывали покупателей, желая всем нового счастья. Не торгуясь, я выбрал самый яркий букет и уложил его в портфель вместе с бутылками. Цветы неохотно согнули свои нежные головки, молча соглашаясь потесниться на некоторое время. Я не помнил своего прошлого, не представлял будущего, но знал, что эта ночь определит мою судьбу.

– Цветы – хозяйке! – приказала она не терпящим возражений тоном. Ей нравился мой вид, и щедрый взнос в праздничную ночь. Я понял это по её бесхитростному лицу, не умевшему притворяться и лицемерить. Она небрежно представила меня однокурсникам, сидевшим вдоль стен против стола, который ещё только начали накрывать. Они смотрели на меня пристально и пылливо, но без неприязни. Даже тот, последний, с которым случился разлад, не показывал ревности. Я знал, что он будет долго холостяковать, потом создаст добропорядочную семью с урождённой домохозяйкой.

Мне больше понравился другой, делавший предложение моей красавице на третьем курсе. Теперь он был женат на её однокурснице, красивой, статной еврейке. Я знал, что он из простой семьи, в институт поступил после службы в армии. Почему-то помнил, что через несколько лет, умученный нуждой и начальственным хамством людей, от которых зависела его карьера, он бросит науку и станет вольным экскаваторщиком.

Знал я и то, что горнолыжница с загипсованной ногой выйдет замуж за иногороднего парня и родит двух сыновей, а молодой инженер с кучерявой шевелюрой, окинувший меня равнодушным рассеянным взглядом, в настоящее время переживает развод с женой и разлуку с дочерью, которая погибнет в авто-аварии лет через двадцать. Я помнил будущее их всех, но как ни напрягал память, не мог ничего вспомнить о себе, верней о нас с ней.

После той, новогодней ночи мы прожили двадцать пять лет. Трудно назвать эти годы счастливыми, но любви и страстей, отчаянья и обид было в избытке. Я вспомнил, как она умерла у меня на руках с изуродованным болезнью телом и красивым, счастливым лицом. Это произошло в другом городе, в другой квартире и даже в другой стране, а здесь она торопливо накинула на обнажённые плечи шубейку, пристально, до боли знакомо, как перед очередной размовкой, взглянула на меня с вызовом, и я понял её безмолвный вопрос: будем ли мы супругами в следующей жизни? Мне было очень жаль, но я опустил голову и смущённо ответил «нет»!

Она хлестнула меня наотмашь по щеке, завернулась в шубейку и бросилась в прихожую. Я догнал её возле распахнутой двери на лестничную площадку, схватил за локоть, желая объясниться. Она обернулась с лицом, залитым слезами, и рассерженно вырвала руку. «Приходи, хотя бы иногда!» – жалостливо попросил я, глядя в спину, торопливо сбегавшей вниз по лестнице... Ей.

Я проснулся от слезинки, жгущей переносицу, и почувствовал, что до рассвета декабрьской ночи, уже не самой длинной в году, ещё несколько часов. Но полночь прошла, и дело было не в

минуте, на которую прибавится наступающий день: в космической стуже Вселенной планета Земля вместе со мной уже летела к солнцу и лету. Осторожно втягивая в себя морозный воздух через пуховую трубу спального мешка, я попробовал приоткрыть лицо, щеку царапнул лёд: борода от дыхания примёрзла к ткани. Я глубже зарылся в мешок, подышал на неё, отодрал, оттаял в кулаке и открыл лицо обжигавшей тьме. По пади скатывался ровный, без порывов ветер, предвещающий устойчивую погоду. Ветки могучей ели над крышей балагана тихонько поскрипывали. Продолжал совершаться великий космический круговорот. В ночной тишине тайги он был особенно явственен, чувственно глубок и полон.

Сквозь щели в стене пробивались колючие снежинки, впивались в лицо и таяли. Подниматься было рано, но и уснуть не было надежды. Я до пояса выполз из тёплого кокона, нащупал спички, чиркнул, на миг высветив балаган в четыре квадратных метра, поджёг приготовленную растопку в жестяной печурке. Затрещала сухая береста, пустил сладкий дегтярный дымок, загорелись дрова, заметались тени по стенам, по розовому узору изморози на воронёных стволах ружья. Я смотрел, как разгорается огонь, и чувственно переживал причудливый сон.

– Приходи, хотя бы иногда! – прошепелявил выставшими губами.

Мучительно захотелось переместиться в эти сны вместе со своим стареющим телом, чтобы они, а не пошленькие воспоминания стали настоящим прошлым. Но вместо этого в сознании крутилась какая-то бесовщина о двух жизнях одновременно: одно до конца не переходило в другое, существовало само по себе и бередило душу.

Балаган наполнялся теплом. Я окончательно выбрался из спального мешка и сел на нарах, свесив ноги на кучу сухих дров. Глядя на пляшущее пламя в печи, выдрал из усов и бороды остатки ледышек, бросил к двери, на наметённый за ночь сугроб, вытащил из спального мешка вкладыши бахил, обулся, накиннул на плечи ветрозащитную куртку с башлыком и, вдвое согнувшись в двери, выбрался наружу.

Сквозь тёмное небо без звёзд, как лампа за плотными шторами, расплывчатым пятном просвечивала луна. Ветер скатывался с гор и жёг лицо. Ковш Большой Медведицы должно быть уже опрокинулся, солнцестояние закончилось, наступил очередной Звёздный год, Земля заходила на новый круг моей вольной жизни. Четвёртый раз я переживал самую долгую ночь в этом месте, где снились причудливые сны отредактированного или идеального прошлого, задуманного Великим Творцом и реализованного мной с большими погрешностями.

Но на этот раз, в отличие от предыдущих снов, в новогоднее видение с пережитым когда-то чувственным восторгом новогодней ночи, вклинилась печальная ирреальность обычного сна. Было жаль, что не удалось проснуться в тот миг, когда я осматривал квартиру, удивлялся и восхищался, что она у меня есть. После нескольких лет супружеской жизни с мотаниями по съёмному жилью, она досталась мне такими трудами и хлопотами, что в реальной памяти не было ни восторгов, ни радости.

Постояв под тёмным небом, я вернулся к раскалившейся печке, сел на нары и подлинное, не отредактированное прошлое полезло из углов балагана.

Та новогодняя ночь, пожалуй, была самой чудесной во всей моей жизни, но в действительности, которую не хотелось вспоминать, мне тогда не было слегка за двадцать лет. Я работал в районной многотиражке, а на вечер, круто переменявший мою жизнь, пришёл в джинсах, свитере и крытом тулупчике, но ощущал себя при этом вполне преуспевшим, многого добившимся, и будущее в ту ночь обнадёживало иллюзиями, свойственными глупой молодости. Я пил, танцевал, вместе со всеми дёргался под музыку, в черёд с другими курил свою сигару и любовался девушкой, предназначенной мне в жёны. Рассудок, здравый смысл, логика событий вопили о том, что мы разные люди из разной среды, что у меня нет ни жилья, ни стабильных заработков, одни только мечты и надежды. Но победила «Воля рода» Артура Шопенгауэра. По крайней мере, в отношении меня его идеалистический волюнтаризм оказался правым: наградой безрассудной страсти стал талантливый сын.

«Забыть бы всё?!» – досадливо поморщился я, глядя на огонь, и поставил на печурку котелок, набитый снегом. Для тихой таёжной ночи он неприлично громко зашипел талой водой. Действительно, жизнь была прожита и прожита не хуже других, душа взрошена ей, отшлифована и перед прыжком в вечность мне дарована долгожданная свобода. Что за дело клинку до шероховатостей камня, которым был отточен?

Четыре года назад на этом самом месте я впервые увидел во сне эпизод молодости без обыденной глупости и пошлости, затем старался вспоминать его именно так. Для меня это было значимо. Многолетняя редакторская работа давала о себе знать: голова, отстранённая от чтения чужих рукописей, непроизвольно мусолила собственное прошлое, которое не поддавалось редактуре.

В тот год, спасаясь в тайге от обычной хандры в дни зимнего солнцестояния, я провалился под лёд горной речки, монотонный шум которой доносился до балагана. Мне удалось выбраться. Сухими оставались только шапка и рукавицы. В бахилах хлюпала вода, штаны и куртка дубели от стужи. Многие охотники гибли в подобных случаях, но я имел опыт зимних купаний и знал, что у меня есть несколько минут и спички, надёжно укрытые от сырости. Снега было мало, я бросился под ближайшую ёлку, свесившую нижние ветки до земли, прикрывшие меня от ветра. Возле комля была сухая подстилка из опавшей хвои и иссохших веток.

Первым делом я освободился от панциря леденевшей одежды, наспех обтёрся шапкой. Обнажённое тело охватил внутренний жар. Я сел на шапку, сгрёб сухую хвою и ветки, с первой спички запалил костерок чуть больше кулака. Над головой было много сухих ветвей, за дровами не надо лезть в снег, я кое-как просушил обувь, бельё, вылез из-под ёлки и осмотрелся. Поблизости

было много сухого валежника. Я быстро развёл большой костёр, возле которого окончательно просушился, отодвинул угли в сторону, запалил нодью, набросал коры и лапника на разогретую землю. Небо было чистым, смотрело на меня тысячами ярких звёзд, тёмный лес с насмешливым любопытством наблюдал суетливую борьбу существа за жизнь.

Ночью случилось чудо. В прерывистых волчьих снах я увидел свою юность такой нравственной и прекрасной, какой она, наверное, была задумана Творцом, а прожита в жалком подобии по обстоятельствам, генному наследию и собственной дури. Позже я нашёл в интернете версию, объяснявшую эту странность случайным попаданием в точку пересечения невидимых линий, покрывающих планету, или в место повышенной энергетики. Математика и геофизика мне были не интересны, причины и истоки меня не интересовали, но я почувствовал свой шанс получить другую, параллельную прожитой, память.

Весь год сон у горной речки так грел душу, что в следующее зимнее солнцестояние я снова пришёл сюда на ночлег, надеясь на продолжение чуда, и оно случилось. Всё повторилось и на третий год. Стало невозможно списывать эти сны на случайности. Ночлеги у костра в декабрьскую стужу не вызывали у меня юношеского восторга: прошлым летом я построил здесь лёгкий балаган, и вот что-то переменялось. Кров ли над головой вместо неба, жестяная печурка, сделанная из старого ведра и куска жести, или что другое повлияло на мой нынешний ночлег, но сон не был законченной редакцией: всё портила концовка, сбой, унёсший меня в обычный сон, или на связь с душой покойной жены.

Связанные страстью, мы многие годы мучили друг друга, не раз пытались и не могли расстаться, а когда смирились с тем, что наш брак предопределён и расторгнуть его не в наших силах – обвенчались в церкви. Через год открылась её болезнь, через четыре она достойно ушла из жизни или из времени, в котором мне выпало задержаться.

«Пожалуй, придётся сжечь балаган!» – с сожалением подумал я, подбрасывая сухие дрова на раскалённые угли. Нынешний ночлег был приятней предыдущих, разбирать наспех построенный кров не хотелось, но больше того не хотелось путаницы во сне, которого ждал целый год, следовательно, бессмыслицы этих зимних ночёвок.

«Хотя для чего? – думал я, глядя на весёлый пляшущий огонь в печке, на прокопчённый котелок, всё ещё шипящий, но успокаивающийся, смиряющийся с жаром снаружи и снегом внутри. – Для того, чтобы мучиться несовершенством прошлого, для самообмана или познания идеала». В котелке появилась вода. На её поверхности плавали жёлтые иглы прошлогодней лиственничной хвои. Глядя на неё, я признался себе, что согласен на приятный самообман. А подумав, усомнился, что смогу сказать «нет» при новой встрече с бывшей богоданной женой, даже при ясной памяти пережитого.

Я неспешно позавтракал, сложил в рюкзак спальный мешок, котелок, остатки продуктов и, вытянувшись на нарах, стал ждать утра. Серело небо, обыденно рождался новый день. Земля неслась по вечному кругу, вращаясь, подставляя солнцу моря и суши.

При позднем, мутном рассвете я прикрыл дверь балагана, скинул башлык на плечи, поклонившись на сереющий восток, почитал утренние молитвы, надел на плечи лёгкий рюкзак, перекинул поверх него ружейный ремень, сунул носки бахил в лыжные крепления и скатился на лёд речки, на свой вчерашний след. Ветер дул вниз по пади, очищая небо от распушенных облаков, обнадеживая устойчивой погодой.

Зашуршал, захрустел снег под лыжами, перемежаясь с погромыхиванием по голому льду. Предстояло возвращаться по проложенной вчера лыжне, но не к людям, а подальше от них. И был бы этот путь приятен, по сравнению со вчерашней ишачкой по рыхлому снегу, если бы не ветер, выжигавший глаза. Страхивая остатки ночной дрёмы, деревья приветствовали меня шевелением веток в противную сторону, будто советовали поменять курс. Вскоре ветер должен был перемениться. Я хорошо знал об этом и мог бы дожидаться его перемены в балагане, но очень уж не хотелось бездельничать возле печки наедине с мыслями и воспоминаниями, а потом вернуться в своё выставшее зимовьё ночью.

На другом конце лыжни была моя избушка. Синички и поползни, которых я подкармливал, искали в кормушке хлебных крошек и не находили их. К тому же, в честь нового, звёздного года надо было испечь баню, а прежде выдержать в тепле тесто: я еженедельно выпекал в банной каменке пять булок, их хватало на неделю, даже оставался запас на сухари.

На вершинах хребта, подпиравшего горную речку с востока, зарозовели верхушки лиственниц, заголубело небо. Вскоре над хребтом показался краешек солнечного диска и стал наливать багрянцем верх противоположного, малоснежного западного хребта, желтевшего поникшей травой. Ему доставалось больше солнца и меньше снега. Я остановился, поприветствовал Небо, Солнце, Землю и Великого Творца, сотворившего эту красу.

На том же месте, что по пути сюда, откуда-то со середины западного склона донёсся грозный рык, немного похожий на медвежий. Я отозвался таким же. Некоторое время зверь в недоумении молчал, потом рывкнул с обидой: дескать, чего дразнишься?! Молодой глупый изюбр, пасшийся на солнечном склоне, опять возмутился моему присутствию в облюбованном им месте.

Ветер начал стихать. Над восточным хребтом во всю окружность поднялось неяркое солнце, с лёгкой грустью напомнив новогодний сон. Если бы те события происходили лет на двадцать позже, наверное, так бы всё и случилось. «Значит, для меня, в моём нынешнем времени и состоянии, этот сон правдивей тех давних, подлинных событий, – думал я на ходу, – реальное прошлое пора забыть, концовку нынешнего сна сократить, как в сырой рукописи начинающего автора: «выделить» и нажать «делейт». Я мысленно попробовал сделать так – не получилось. Перед глазами стояло

залитое слезами лицо упокоившейся жены, в ушах звучало моё робкое оправдание и сочувствие: «Приходи, хотя бы иногда!»

Я попробовал читать «Живый в помощи...». Но прошлое, подлинное и приснившееся, пробивали чувственные, чеканные слова псалма, как прилив решётку. Я ругнулся, мотнул бородой, забормотал в такт шагам коллаж из туристских песен молодости:

«Забудь про всё, забудь про всё, ты не редактор, не осёл.

Одна дустволка две ноги. Ты – бич из черновой тайги,

Закон таёжный не лукав, не промахнулся – значит прав...» Тьфу! – попытался сплюнуть на снег, но получилось фырканье. Остановился, осмотрелся.

Береговой кедр раскинул блеклую зимнюю зелень веток над застывшей горной речкой. Среди могучих деревьев с густой хвоей смущённо жались обнажённые берёзы и осины, будто прятались от глаз нежданного путника. Из сухой мёрзлой травы, присыпанной редкими островками снега, шумно выпорхнул выводок рябчиков и расселся по ветвям деревьев. Птицы с любопытством уставились на меня, не пытаюсь спрятаться. Неподалёку от того места, с которого они поднялись, я заметил шевеление, остановился, вынул из кармана бинокль. Это был рябчик с перебитым или отгрызенным крылом. Неуклюже переваливаясь с боку на бок, он убежал и пытался укрыться. Нынешней ночью ему не повезло. «Бедолага!» – пробормотал я вытывшими губами, вскинул дустволку и выстрелил крупной картечью, «трёхрядкой», предназначенной медведю-шатуну. Другой ствол был заряжен круглой пулей.

Выводок рябчиков поднялся с ветвей, тяжело и часто взмахивая крыльями, скрылся среди деревьев. Я вынул из патронника тёплую гильзу с едким запахом селитры, перезарядил ружьё и подошёл к убитой птице. Выстрел был удачным, выпадение рябчика из времени случилось мгновенным: одна картечина снесла ему голову, другая прошла тёплым тельце, но не разворотила его. Тушка была относительно цела и могла сгодиться на приправу к лапше.

«Прости, парень, но так будет лучше и для тебя тоже!» – повинился я перед невольной добычей, сел на ствол упавшего сухостоя, оципал окровавленную птицу, пока она не остыла, выпотрошил и сунул в карман рюкзака.

А заметённое снегом русло речки всё тесней обжимали склоны хребтов, прорвавшаяся, выдавленная из-под льда вода парила там, где ещё вчера я проходил посуху. Приходилось обходить сырые места, выбирать на береговые камни, но всё равно лыжи намокли и обмёрзли толстым слоем налипшего снега. Стало трудно передвигать их даже по сухой лыжне. Надо было остановиться, очистить полозья и ждать, когда они покроются тонкой корочкой льда.

На ходу я выбирал глазами удобное место для остановки и заметил под скалой рядом с лыжнёй что-то странное, непохожее на упавший камень. Вскинул к глазам бинокль – кабан! Видимо зверь сорвался с обледеневшей скалы. Погромыхая обмёрзшими лыжами, я заспешил к нему. Ночной ветер стих, дневной ещё не начался, в их равнодействии захотелось распахнуть куртку и скинуть на плечи башлык. Ветка нависшего кустарника сорвала с головы шерстяную шапочку и скинула на лёд за моей спиной. Я чертыхнулся, сбросил лыжи, вернулся, хотел обругать старый куст. Но кабан продолжал лежать, и был уже хорошо виден без бинокля. Устыдившись своей горячности, я поклонился скале, деревьям, поднял и надел захолодевшую шапочку, неспешно подошёл к туше.

Это был подсвинок, неосторожно подошедший к краю обледеневшей скалы. Я подумал, что зверь разбился, высматривая меня, но туша была чуть тёплой, скорее всего несчастье случилось ночью или на рассвете. Я захлестнул петлёй рыло за выпиравшие из-под губ клыки, подтянул тушу к удобному месту, скинул отяжелевшие лыжи, очистил их ножом от налива, поставил полозьями к солнцу, развёл костёр, навесил над огнём котелок со снегом и только потом принялся разделять подаренного мне зверя. Его внутренности, отбитые и окровавленные, были тёплыми и грели руки. Я вынес их на берег и бросил под лиственницу, затем отрезал ноги по суставам, приподнял тушу – в ней было килограммов пятнадцать. Шкурить кабана, да ещё остывающего – дело не быстрое, но тащить на себе треть ненужного веса – того хуже.

Внутреннего тепла зверя хватало, чтобы не обморозить руки, но всё равно то и дело приходилось их греть у огня. Закипела вода в котелке, напел чай из чаги. Окровавленными пальцами я подсластил его остатками сахара, напился, погрыз сухарей. Это был вынужденный обед. Дошкурив нечаянную добычу, с сожалением отделил от туши голову, обмотал её шкурой и вместе с копытами спрятал в ветвях кедра.

Чистого мяса было килограммов десять. Я завернул его в сменную рубаху, уложил в рюкзак, остатками чая обмыл от крови руки, насухо вытер их полкой свитера и просушил над углями затухавшего костра. Солнце стояло в зените, снег слепил глаза. К этому времени я рассчитывал добраться до зимовья, но не подобрать добычу, подаренную тайгой, не мог: такая неблагодарность могла обернуться долгими и многими невезениями.

Через час монотонной ходьбы с тяжёлым рюкзаком я уже основательно выдохся, сбросил лыжи, сел на них, вытер разгорячённое лицо проволглгой шерстяной шапочкой. Мокрая рубаха под сырым свитером холодила тело, ныло колено с надорванными связками.

«Однако?! – пробормотал я под нос. – Уже не тридцать, и даже не пятьдесят!»

Отдышавшись и слегка остыв, туго перетянул колено сырым шейным платком и снова встал на лыжи. Надо было спешить, чтобы вернуться засветло, если, конечно, опять чего-нибудь не случится. Совсем не лишний груз мяса стал раздражать, в отместку прут молодого кустарника больно хлестнул по лицу. «За что?» – просипел я, и приложил к щеке обледеневшую рукавицу. Огляделся.

Сугробы на северном склоне были вытоптаны и на добрый десяток шагов обрызганы кровью. Здесь рысь поймала зайца и перед завтраком долго забавлялась с подранком. Косому экстремалу не повезло этой ночью, как и тысячам других таёжных существ, закончивших жизнь: судя по следу, заяц хотел подразнить кота, который по заячьему соображению догнать его не мог. Но рысь оказалась хитрей, и остались от зайчика хвостик да лапка с чёрными когтями. А кот, полежав на бересте трухлявой берёзы, неспешно засеменял по моей лыжне к зимовью.

Я познакомился с ним в конце октября. Молодой рысёнок, впервые зимующий самостоятельно, повадился греться возле трубы на чердаке моей избушки. Ленивый, как все коты, он часто ходил по моим следам, чтобы не топтать целик сугробов, и пока не пакостил.

За крутым поворотом пади русло речки резко расширялось. Хребты расступались, склоны берегов стали положе и были покрыты густым кедром. След рыси оставил мою лыжню и скрылся в лесу. Я стал двигаться медленней, осторожней, стараясь не греметь лыжами по открытому льду, внимательно осматривал подходы к зимовью. Чужих следов не было, дверь прикрыта и подперта жердочкой так, как я её оставил, окно затянуто куском полиэтилена. На всякий случай я высмотрел в бинокль подходы, не заметив подозрительного, пробормотал: «Защити, Господи, от нападений зверя лютого, от встречи с человеком всяким!» – перекрестился, не снимая рукавицы, и быстрой двинулся к избушке, построенной в этом месте для постоянного жительства в моей свободной жизни.

Невидимые издали следы всё-таки были: рысёнок дневал или ночевал возле холодной трубы, среди навешенных рядами берёзовых и осиновых веников. Прикормленный горностаем навещал зимовье через свои подкопы и лазы. Я скинул лыжи, очистил их от налипшего снега и поставил, прислонив к срубам. Из раскрытой двери пахло выстывшим жильём и золой. Печка была заряжена, схватилась от первой спички. Приветствуя меня, весело загудела жестяная труба. Я бросил на нары рюкзак, вытряхнул из него тушу подсвинка, оттянувшего мне плечи, спальный мешок, котелок, остатки продуктов, которые брал в балаган, достал остывшую тушку рябчика. Кабанятина была мягкой. Прежде чем забросить мясо в лабаз, нужно было его проморозить. От одной мысли, что надо нести лестницу, затаскивать наверх тушу, мне стало плохо.

Хотелось откинуться на спину, лежать, пока не отпустит тупая боль в суставах и пояснице, не успокоится сердце, гулко бившее в виски густой кровью. Ещё надо идти за водой на речку, а прорубь, конечно же, затянулась крепким льдом. Не переодевшись в сухое, перебарывая усталость, я выбрался из избушки с тушей на руках, накинул верёвку на ветку ближайшего дерева, привязал к ней свою случайную добычу. Растворив обрезанные по суставам ноги, безголовый кабанчик повис в метре над снежным покровом.

Ветра почти не было. Солнце скатилось за хребет, прощаясь, холодно блеснуло последним лучиком, чиркнувшим по верхушкам деревьев. В лесу было ещё светло, а в зимовье стало сумеречно от оконца, для сохранения тепла обитого полиэтиленом изнутри и снаружи. Весело плясали по стенам отблески огня из печки. Я подбросил в неё дров, скинул и повесил на просушку сырую рубаху, надел свитер на голое тело, поверг его холодной пуховку, затворил за собой дверь и присел на крыльце из расщепленных листовенных чурок. Белый как снег, трудноразличимый на нём, откуда-то выскочил горностаем. Метнул быстрый взгляд на подвешенное мясо, затем пристальный и оценивающий – на меня. Чёрные глазки азартно блеснули. Решив, что я не опасен, горностаем дёрнул белым хвостом с чёрным кончиком, прыгнул, пытаясь достать тушу, не достал, снова метнул на меня оценивающий взгляд и стал прыгать раз за разом.

Я долго смотрел на его попытки добраться до дармового мяса, не выдержав, посоветовал: «Устал ведь, может быть, подумаешь...». И указал глазами на ствол дерева, намекая, что к мясу можно спуститься по веревке. Зверёк намека не понял. «Что тут думать – прыгать надо!» – бросил на меня скользкий взгляд и скакал до тех пор, пока я не отрезал ему кусок с брюшины. Схватив его, зверёк исчез за углом.

Избушка прогревалась. Я снова подкинул дров в жестяную печку, взял ведра, перекинул через плечо ружейный ремень и отправился к речке. Прорубь затянулась толстым льдом. Под деревом стояли пешня и лопата. Я поставил на их место ружьё, раздолбил прорубь, очистил, набрал в ведро чёрной, студёной воды, опять перекинул через плечо ружейный ремень и вернулся в зимовье.

Таскать двустволку, даже когда уходил от избушки на десяток шагов, не было прихотью. Споры со здешним медведем начались ещё во время строительства. Но тогда он был молодым и добродушным, если начинал реветь вблизи, я дёргал стартер бензопилы, а она у меня заводилась с первого оборота. Медведь пугался резкого звука, поспешно убегал и не беспокоил меня неделями. Но время шло, он взрослел, старел и наглел. Однажды разворотил крышу, изорвал мою сменную одежду. В другой раз влез через дверь, выбросил наружу печку, измял алюминиевую кастрюлю. Уже старый и опасный, прошлой осенью среди ночи полез в окно, вышиб стекло и просунул голову. Я дал дулет пуль и картечью, стрелял в упор с подствольным фонарём, промахнуться не мог. Зверь взревел, вывалился за стену. Я перезарядил ружьё, выглянул из вынесенного окна, поводит под ним фонарём – медведя не было. На рассвете с ружьём наперевес, осторожно вышел из зимовья, надеясь увидеть тушу поблизости. Стена под окном была в крови, жёлтая заиндевевшая трава на полсотни шагов забрызгана кровью, дальше след терялся.

Несколько дней сряду я искал убитого зверя вблизи от зимовья, расстрелял пачку патронов по корягам и пням, за которыми мог прятаться подранок – всё зря. Жизнь в тайге принимала военный оборот. Если моего медведя не съели его соседи и кабаны, он должен был начать охоту на меня, а это совсем другое дело, чем охота человека на зверя. При встрече с подранком у меня были далеко

не равные с ним шансы остаться в живых, даже с огнестрельным оружием против когтей и клыков. Поэтому даже поблизости от жилья приходилось держать ружьё под рукой.

Между тем день, начавшийся в балагане на пересечении каких-то невидимых линий магнитного поля Земли, сменила тёмная безлунная ночь. Я снял с чердака берёзовый веник, принёс из бани бочонок, сделанный из берёзового капа. В него входило три ведра воды. Летом он стоял в зимовье на видном месте, долго сохранял воду свежей и холодной. Причудливого вида наружное углубление, похожее на человеческий глаз, казалось мне живым, смотрело с важностью и достоинством, могло менять выражение в зависимости от настроения. По моим ощущениям, бочонок был обидчив и капризен. Зимой я выносил его в баню, чтобы не разморозить до трещин. Этого небрежения он понимать не хотел. Его глаз то рассерженно, то печально приуживался, сучки на шершавом лице укоряли за то, что были убраны с видного места. Но теперь, в избе, наполненный водой, с торчавшим веником на манер еврокосички, глаз бочонка подобрел и утешился, исполнившись чувством собственной значимости, поскольку был при деле.

Я заперся в жарко натопленном зимовье, сбросил верхнюю одежду, завёл опару, поужинал подоспевшей похлёбкой с рябчиком. Затем, при свете керосиновой лампы, долго пил бадановый чай, цыкал меж зубов, вычищая остатки пищи, без мыслей глядел на угли в печке. Потом, отставив пустую кружку, с удовольствием вытянулся на нарах. Планируя следующий день, жевал листовничную смолу вместо чистки зубов. Покой ночи схлестнулся с памятью многолетней давности. Усилим я остановил воспоминания той, прожитой жизни, выплюнул на горячую печку смолу, зачем-то прошептал: «Приходи, хотя бы иногда!», задул лампу и укрылся пуховым спальным мешком. Остро запахло душистой смолой и горелой солярой перемешанной с бензином. Смола приглушённо шипела, наполняя избушку духом тайги.

То и дело сбиваясь в глубокую дремоту, я ещё пытался мысленно дочитать вечерние молитвы, когда послышалось шебаршение под нарами. Это вернулся горностай. Он погромел консервной банкой, в которой я оставил ему косточки рябчика, зазвенели кружка и ложка на столе, зверёк пробежал по спальному мешку, которым я укрылся с головой, опять сиганул под нары. Придавленно пискнуламышь, решившая поживиться остатками ужина, и зимовье накрыла тишина, изредка прерываемая лёгкими порывами ветра. Вкупе с ощущением лёгкости и свободы, которые давало многокилометровая удалённость от людей, звуки зимней ночи убаюкивали, уносили в мир, из которого приходили сны в последнюю ночь солнцестояния. Под утро послышался скрежет когтей по сруб, зашелестели сухие веники, развешанные под крышей, сквозь сон я понял, что рысь забралась на чердак погреться. Вспомнилось неприбранное мясо, но подниматься не было сил, и я снова погрузился в глубины спокойного сна.

Редела долгая ночь, во тьме стало смутно высвечиваться оконце, я приоткрыл глаза в сумерках позднего зимнего утра. Камни, которыми была обложена жестяная печка, вчера не успели прогреться, избушка выстыла. Пуховка лежала в изголовье вместо подушки. Я вылез из-под спального мешка, накинул её на плечи, чиркнул спичкой, снял закопченное стекло с лампы, на ощупь убрал нагар с фитиля. Потрескивая и постреливая искорками, он разгорелся, а под стеклом расправился и засветил в полную мощь. Лампа была старой, служила мне лет тридцать, а до того – другому охотнику. Я спохватился: не замёрзла ли опара. Соскочил с нар, сунул руку в кастрюлю, опара была холодна, но не покрылась льдом. Утро нового дня, прибавившегося ещё на одну минуту, начиналось обыденно: я растопил печку, поставил чайник, позвякивавший льдинками, долго сидел, глядя на огонь, мысленно перебирая остатки снов: ни к добру, ни к худу.

День предстоял хозяйственный, все дела предполагались возле дома, удач ждать не с чего, а без мелких неурядиц не обойтись. Я резко вспомнил про мясо – цело ли? Распахнул дверь. Сумерки переходили в мутный рассвет. Расшиперив культи ног, туша висела на прежнем месте и на первый взгляд казалась вполне целой. Крупных следов под ней не было. Низкое небо без звёзд укрывалось плотной сереющей пеленой. Голые берёзы и кедры в хвойных шубах неприязненно воротились от дыма, стекающего с крыши моей избушки на заметённую снегом землю. В сонной тишине тайги ощущалась близость снегопада. Я подхватил ружьё и перешагнул порог: каким бы ни был наступивший денёк, мои дела не зависели от погоды.

Почитав утренние молитвы, поприветствовав Небо, Солнце за облаками, Землю и их Создателя, вернулся в тепло жилья, отвоёванное у зимней стужи, неторопливо позавтракал, напился чаю, посидел возле печки, прислушиваясь, не оставила ли тёплую лёжку длинноногая квартирантка. Мои движения должны были пугать рысь, а близившийся снегопад – убаюкивать. В такую погоду звери обычно отлеживаются, хотелось и мне залезть в спальник сразу после завтрака. С баней можно было подождать, тесто заморозить. С четверть часа я сидел в ленивом раздумье, затем вздохнул и надел шапку.

Перво-наперво, надо было принести хворост и растопить каменку. Перебарывая старческую лень, наваянную погодой, я вышел из зимовья, плотно затворив за собой дверь, направился вглубь леса, стал ломать нижние иссохшие ветки с деревьев. Всякий излом звучал как пистолетный выстрел и безобразил таёжную тишину. Моя киска, не выдержав шума, соскочила с чердака и засеменяла в гору, где среди камней было много укрытых от ветра мест. Я успел увидеть её длинноногий куцый зад. Жаль было портить зверю отдых, но у меня скопились важные дела. С охупкой сушняка в руках я протиснулся в низкую банную дверь, разжёг огонь в каменке.

Моя банька была наполовину врыта в склон горы, крыша и стены утеплены землей. Топилась она по-чёрному, не потому, что я не мог сделать трубу, но для удобства выпечки хлеба. Банька была

мала: мыться и париться можно только сидя, в каменку вмазана половина бочки, сделанной во времена СССР из толстого железа. На хорошую помывку со стиркой требовалось четыре ведра кипятка и столько же холодной воды. Холодную я заливал в бочонок из берёзового капа, который опять вернул в баню, к нему прилагался такой же ковш. На их изготовление у меня ушло едва ли не половина одной из зим, но я был доволен работой и тем, что вложил дух и жизнь в часть большой, умиравшей берёзы. Бочонок, несмотря на возвращение в баню, одобрительно поглядывал на меня шлифованным глазом. Размякший и разомлевший за ночь, в нём распластался берёзовый веник.

Полулёжа на осиновом тесе пола, я подбросил крупных дров на бойко горевший сушняк, дым поднялся к чёрному от сажи потолку, потянулся наружу через распахнутую дверь. В мечущемся пламени мне представлялись лица друзей и знакомых, задававших глуповатые вопросы: не скучно ли в лесу? Да ещё одному? Выживать бывает трудно, но не скучно. Наверное, так! И моё одиночество скорей вынужденное, чем добровольное. Здесь я мысль, без возраста и суеты, существующая в величественной и спокойной среде. В городе я тоже мысль, но мельтешащая, загнанная в суетливый муравейник, в чуждый мне конвейер с шумом, вонью, всегдашним раздражением. У каждого одиночки есть на то своя причина и свой выбор. Я знал отшельников, одиноко живущих в тайге из-за слабости к спиртному и криминального прошлого. В городах и сёлах одни спивались, другим не давали жить законники.

Я вздохнул, выполз из баньки, снял ружьё со штыря рядом с распахнутой дверью, из которой клубами валил дым, перекинул через плечо ремень и отправился к речке долбить прорубь, которая, конечно же, затянулась за ночь крепким слоем льда.

После полудня баня потрескивала от жара, тесто в формах поднялось. Я выгреб угли из каменки, сунул в топку руку: первое время определял нагрев бумагой, которая должна желтеть, но не загораться, теперь обходился так. Посадил в каменку формы с приподнявшимся тестом, принёс в избу горячей воды и, пока выпекался хлеб, выстирал бельё, вкладыш спального мешка, замоченную с вечера рубашку с кровавыми пятнами кабанчика. Едва развесил постирушку, испёкся хлеб. Я это понял по запаху, стекающему к зимовью от бани. Поспешил туда, вытряхнул булки из форм на чистую рубашку, принёс в избушку и укрыл спальным мешком. До конца беспокойного дня оставалось только попариться, помыться да поднять мясо в лабаз. Я постучал по подвешенной туше тыльной стороной ножа, она была крепка как камень.

Печка в зимовье почти весь день тлела, но от частой беготни жильё выстывало. Я подбросил дров для жара, разделся и голышом, в одних опорках, с ружьём в руке отправился к бане. Тело приятно окатило стужей, стало покалывать невидимыми ледышками бусившего снега. Развешенная стирка была бела. Гасло небо, деревья, продремавшие весь день, ещё ниже склонили кроны. Я повесил заряженное ружьё с наружной стороны возле банной двери, обмёл голяком сажу с потока и стен, закрылся, посидев до первого пота, зачерпнул из повеселевшего бочонка воды берёзовым ковшом, сделанным наподобие пригоршни руки, плеснул на каменку. Тело обдал едва терпимый жар.

Уже во тьме распаренный и помытый вернулся с ружьём в прохладное зимовье, зажёл керосиновую лампу. Обнажённое тело парило и пахло берёзовым листом. Обыскав, я поставил на печку выстывавший чайник, отломил тёплый ещё кусок выпеченной булки, пожевал. Хлеб нужно было заморозить, а выходить из зимовья, опять лезть в лабаз очень не хотелось. «Мышей горностай усмирил, – подумал, с ленцой отхлебывая травяной отвар из кружки, – сам до хлеба не охоч, вдруг и не погрызут выпечку до утра?!»

Тело обсохло и начало знобить. Я надел чистую рубашку, пахнущую свежим хлебом, чистые подштанники и откинулся на нарах. До ленинского Нового года, который шумно празднуют в городах, можно было не беспокоиться ни о хлебе, ни о помывке.

Тихая, безветренная ночь чуть слышно шелестела снежинками, леденила выстиранную одежду. Я слегка приоткрыл дверь, впусив ночь в жильё, поприветствовал её сквозь щель, попросил себе крепкого сна и отдыха, исцеления от недуг, освобождения от навязчивых воспоминаний. Горностай не появлялся. Под нарами осторожно зашебаршила осмелевшая мышь. Я повесил мешок с хлебом на гвоздь в стене, придвинул ружьё к изголовью, закрепил подствольный фонарь, забрался в спальный мешок с чистым вкладышем и задул фитиль лампы.

Помывочный, хлебный день с низким небом и снегом изрядно вымотал. К радости моей квартирантки я мог бы, как зверь, переждать его, лёжа на нарах, но тогда всё, что сделано сегодня, пришлось бы делать завтра. Довольный собой я перекрестился поперёк спальника, стал мысленно читать вечерние молитвы, то и дело сбиваясь и сонно путаясь в словах. Всплыло в памяти: лестничная площадка, лицо покойной жены, залитое слезами, моя просьба при расставании. Неотредактированное, изжившее себя во времени, прошлое попыталось влезть в душу, но усталость взяла своё. С ощущением чистоты тела и постели пришёл сон.

Проснулся я в темноте, ощущая близость утра, посветил фонариком на часы – половина седьмого. До рассвета – два часа. Под нарами бесчинствовал и наводил порядок горностай, с чердака не доносилось ни звука. Зимовье выстыло, но не сильно. Я зачерпнул из ведра холодной воды, сделал несколько глотков, снова завернулся в спальный мешок, вскоре понял, что уснуть не смогу, потянулся до хруста в костях, растёр лицо руками, размышляя, как прожить новый декабрьский день с мясом, свежим хлебом и опасностью встречи с шатуном. Поздней осенью я обшарил весь юго-запад, выискивая его тушу: туда указывал кровавый след. Пожалуй, стоило осмотреть и противоположную сторону: вдруг раненый зверь в каком-то месте поменял направление. Ради этого стоило потратить очередной зимний денёк.

Я зажёл лампу, высветив венцы сруба с торчавшим сухим мхом, сел на нарах, натянул поверх рубахи холодный свитер, оделся, растопил печку, накинул на плечи пуховку и вышел. Снегопад был недолгим и прекратился ночью. Небо очистилось от низких туч. В полуденной стороне догорала едва различимая Утренняя звезда – планета. С чердака прыгнула длинноногая кошка и с недовольным видом удалилась в мрачный холодный лес.

Я откланялся на тёмный ещё восток, почитал утренние молитвы, попросил у святого покровителя удачи на день. Затем приставил к лабазу лестницу, забросил туда четыре булки остывшего хлеба, скинул на снег бурую от крови, смёрзшуюся лопатку кабаньей туши. Спустившись, порубил её топором на пне, сложил куски в чёрную от копоти, помятую медведем кастрюлю, залил водой и поставил на печку. Хотелось позавтракать свежим хлебом с сахаром: но, пост постом, а поход походом, и в дорогу надо было подкрепиться мясом. Я отрезал от булки свежую корку и, пока варилась кабанятина, пожёвывая, стал собирать рюкзак: сложил в него спальный мешок, хлеб, котелок, сахар.

Едва мясо доварилось, посветлело затянутое полиэтиленом оконце. После сытного завтрака захотелось полежать, что я себе и позволил в согревшейся избушке. Остатки начатой булки сунул в пакет и подвесил к потолку. Хотелось провалиться до полудня, но утро обещаало погожий день. Я отложил лёжку на непогоду и неохотно вышел из избушки. «Ненадолго! – пообещал ей, похлопав рукавицей по венцу. – Жди!» Накинул на плечи лёгкий рюкзак, подхватил ружьё, встал на просохшие лыжи и двинулся к северу, чувствуя на себе укоризненный взгляд зимовья.

Маршрут предполагался в противоположную сторону от направления следа ушедшего подранка. У подножья хребта скопилось много рыхлого снега, лыжи глубоко проваливались в него, за спиной оставался рваный, неровный след лыжни. До пади, которую я хотел осмотреть, летом можно было пройти за полчаса, но заметённый сугробами бурелом быстро вымотал: взмокла спина, студёный воздух колко входил в разгорячённые ноздри. Наконец показался скрытый деревьями распадок. Я случайно нашёл его несколько лет назад. Издали падь была незаметна, казалась обычным склоном со стекающим по нему ручьём, который терялся в болотце. Я задумался, откуда он мог течь, поднялся по нему и вместо родника обнаружил за деревьями скрытую ложбину.

И вот снова карабкался теперь уже по застывшему ручью. Крутой склон был обдур ветрами и не обижен полуденным солнцем, снега здесь было мало. Я скинул лыжи, подвязал их за отверстия в загнутых концах, выпуская за собой репшнур, полез вверх. Передо мной открылась небольшая долина, заросшая колками толстых осин и вековых лиственниц. Я вытянул за собой лыжи, сунул носки бахил в крепления, снова стал топтать лыжню. Снега в пади было так же много, как и внизу, ноги с лыжами проваливались почти до колен, но бурелома меньше, идти легче, чем под хребтом.

Через полчаса ходьбы я увидел стаю ворон, сидевших на верхушках деревьев. Птицы беспокойно перелетали с места на место и шумно выясняли отношения. Я направился напрямик к птичьему базару. Вороны заметили меня, стали громко возмущаться появлению незваного гостя, беспокойно перелетали с места на место, но не разлетались. Из-под нижних ветвей изрядно обгаженной пихты поднялись и тяжело замахали крыльями несколько обожравшихся птиц.

Не обращая внимания на их галдёж, я подошёл к пихте, отодвинул ствол ружья испачканные помётом ветки и увидел его. Голова зверя была так расклёвана, что невозможно понять, куда угодил мой дуллет. Раны оказались смертельными, но, истекающий кровью зверь ещё смог пройти изрядное расстояние. Расклёван был его пах, выклеван почти весь кишечник, задние лапы медведя скрывались в снегу. Наверняка у него была берлога и даже не одна, он шёл к ней в надежде выжить и перезимовать. В этом месте силы оставили зверя, но он до конца боролся за жизнь и даже пытался прикрыть себя ветками с наветренной стороны. Вид его тела вызывал сострадание.

«Прости, брат! – пробормотал я, опуская раздвинутый лапник. – Не моя вина, что пришлось защищаться и стрелять».

Я развернулся и по проложенной лыжне быстро вернулся в зимовье. Избушка радостно встретила меня не выстывшим ещё теплом и запахом свежего хлеба. Я бросил рюкзак на нары, подкинул дров, зажёл кусок бересты, пустившей приятный дегтярный дымок, и заново растопил печку. Теперь со спокойной душой можно было отдохнуть, отлежаться и пообедать почти свежим хлебом со сладким чаем и не возле костра, а в домашнем уюте.

Настал ранний тихий вечер. В сумерках над западным хребтом показался тонкий серпик народившегося месяца. Предвещая снегопады, похожий на лодку, он лежал едва ли не на выгнутой спинке, задрав острые рожки, не к востоку, откуда должен был прибывать, а к Полярной звезде. Денег при мне не было, чтобы показать ему: они оставались на карточке и за три месяца, которые я не снимал пенсионных переводов, должна скопиться приличная сумма. На небе с редкими облаками одна за другой зажигались звёзды. Я распахнул настежь дверь, приглашая в дом Тёмную ночь для крепкого сна и отдыха.

«Пора, мой друг, пора!» – пробормотал, недоверчиво прислушиваясь к своему голосу. И хотелось, и не хотелось спускаться в посёлок. Мясо есть, муки и круп хватит на месяц. Кончился запас подсолнечного масла, но можно было обойтись без него. В октябре культурным посолом без варки и кипятка я посолоил сало дикого кабана, и получил жвачку, которую можно было положить в рот на завтрак, жевать весь день и выплюнуть к ужину. Пришлось перекрутить посол мясорубкой и перетопить на сковороде. Голод не грозил. Вот только народившийся месяц обещал завалить снегом путь к людям, и тогда доставка продуктов потребует очень больших трудов. К тому же два месяца я жил без сливочного масла, хотелось жирной алюторской селёдки и картошки. Ночная тишина

обволакивала приятной ленью, медлительные, спокойные мысли то и дело прерывались короткими волчьими снами. «Готовить дрова никогда не поздно, было бы чем растопить печку при возвращении!» – окончательно решил я.

Под нарами послышался знакомый топот. Я вздохнул, протёр слипавшиеся глаза, встал, развёл в консервной банке остатки сухого молока и выставил в обусловленное место. Через минуту послышались знакомые звуки: горностаёй лакал договорную плату за истребление мышей, которые временами доводили меня до таких страстей, каких я никогда не испытывал на охоте. Слегка погремев жестью, зверёк принялся наводить порядок. Чтобы не мешать ему и не пугать, я лёг на спальный мешок и затих. Прогорающая печь потрескивала углями, погромыживала жестяной трубой, чадила соляркой керосиновая лампа. В полумраке носился по избе горностаёй, перепрыгивал со стола на нары, перебежал по мне, выискивая ему одному понятный след добычи, которую я с большой радостью уступал желанному гостю. Отработав своё, он затих, видимо, выскочил из зимовья только ему и мышам известным лазом.

«Пора, мой друг, пора!» – опять пробормотал я, прислушиваясь к своему, почти незнакомому голосу и стал думать о сборах в путь. С тем незаметно уснул. Проснулся в ночи, задул лампу, прислушался к чердачным звукам: похоже, рысь всё ещё охотилась. Если я уйду, выставшая избёнка останется в её полном владении, но труба и присыпанный глиной потолок греть не будут, разве двускатная крыша слегка прикроет от ветра. Не бросить ли ей пуховку, сонно думал я. В пути она мне не понадобится, хотя?.. Может сгодиться в балагане. И не отпугнет ли её запах квартирантку? С теми ленивыми мыслями опять уснул и проснулся затемно, чувствуя, что рассвет близок, чиркнул спичкой, зажгёт лампу. С недовольным видом она стала потрескивать фитилём и раздражённо мигать, на что-то намекая или предостерегая. У неё была душа и свой, мне одному понятный характер. Но за продуктами идти надо. Раньше или позже, без этого не обойтись.

Не хотелось вылезать из спального мешка, но печка выстыла и была не заряжена. Я лежал и полусонно вспоминал, каких трудов стоило сделать её из той же бочки, что и банный котёл, сколько пил по металлу было при этом сломано. Трубу я склепал из жести в селе, в доме друга, с которым в прошлом охотились в паре, нёс её по тайге под клапаном рюкзака, звон и скрежет разносились на километры, она отчаянно цеплялась за кустарник и ветки, будто вопила: куда ты меня и зачем? Я злился, грозил бросить её, обзывал дурой, прельщал прекрасной судьбой таёжницы. Теперь она была при деле и на своём месте.

Покряхтев и пошмыгав носом, пришлось выбраться из спального мешка, накинуть на плечи пуховку. Сладко задымила береста на выстывших углях, легко схватился пламенем сухой хворост, весело загудела труба, от печки пошёл приятный жар. Я полностью оделся и вышел за порог без ружья. Серело небо, между облаков блекло мигали последние звёзды, призывая новый день. Я умылся снегом, встал лицом к тому месту, где зимой от первых лучей розовел хребет, почитал утренние молитвы, отклонялся, пожелал вечно здравствовать Синему Небу, невидимому ещё Солнцу, Земле и их Создателю, попросил доброй погоды, пути без препятствий, слегка продрогший и бодрый, вернулся в зимовье.

Избушка уже наполнилась живым теплом. Я позавтракал разогретым мясом, оставшийся кусок выложил на сковороду, чтобы остыл и подсох в дорогу. Глядя на тлевшие угли, долго сидел, думая о трудностях предстоящего дня. Затем, со вздохами, поднялся, подпёр дверь жердью, спрятал ружьё, замёл следы вокруг зимовья, накинул на плечи рюкзак, сунул ноги в крепления лыж, подхватил верёвку нарт и налегке заскользил к балагану. Ветер дул в спину, холодное солнце багровым полукругом тлело над хребтом. Затем, будто освободившись от припёкшейся скорлупы, поднялось над падью и ярко засветило. День начинался удачно. Лыжи не мокли, легко катились и тихо шуршали по лыжне, присыпанной свежим снегом. На какое-то время ветер, дувший в спину, стих, потом переменялся и потянул в лицо. Видимо, встречный ветерок и почти бесшумное скольжение по свежему снегу стали причиной того, что я заметил трёх волков раньше, чем они услышали меня.

Серая братва что-то торопливо грызла на льду, почти в том самом месте, где я разделявал поросёнка. Я замер, потянулся за биноклем, но каким-то звуком выдал себя. Волки мгновенно кинулись врассыпную: один на восточный склон, другой на западный, третий, мелькая серой спиной, ушёл в низовья речки. Я сунул бинокль обратно в карман, подошёл к месту пира. На льду валялась обглоданная голова подсвинка, рульки, из которых я хотел сварить холодец, и разодранная шкура.

«Да как же вы достали мою хованку?» – удивился я, сбросил лыжи, подошёл к дереву, в ветвях которого прятал остатки туши. Для того чтобы сбросить её на землю, мало было трёхметровых прыжков в высоту, надо лезть между ветвей. Следов воронья не было. Снег под деревом так вытопан, что понять что-либо невозможно. «Сам скинул, что ли?» – задирая голову, я пошлёпал рукавицей по стволу кедра. Удивляясь странностям, снова встал на лыжи, пробежал сотню метров по застывшей, заметённой снегом речке, остановился, стал высматривать кедр в бинокль и увидел возле вершины рысь, обхватившую лапами ствол. Повисев, она начала тихонько спускаться, куцым задом вниз.

Я рассмеялся, укладывая на место бинокль: «Что? Хотела скрытничать? А поесть не дали».

Видимо, моя квартирантка, не в лучшее время скинула на землю шкуру с головой и костями, вскоре была загнана на дерево и смотрела, как волки грызут мясо, которым хотела полакомиться сама. Лыжи снова бесшумно заскользили по присыпанному снегом льду. Почти на том же месте, что и в прошлый раз, меня обругал молодой и глупый изюбрь. Я спешил и даже не ответил ему. Почти не утомившись, добежал до конца лыжни против балагана, осторожно обошёл kloкочущий подо льдом

водопад, под который когда-то провалился, сбросил лыжи, поставил нарты полозьями к солнцу и поднялся на берег.

Возле балагана ещё не замело мои следы. Я протиснулся внутрь, сбросил рюкзак, вытащил хворост из-под нар, стал с хрустом ломать и набивать печурку. Балаган наполнился дымом, приветствуя меня, своего создателя, ведро, которому я дал новую жизнь в виде печки, загудело и стало наполнять жилуху теплом. Я вытащил из рюкзака походный котелок, набил снегом, поставил на огонь и стал оттаивать хлеб. Предстояла вторая, не равная первой половина пути.

Я переночевал, а на рассвете отправился дальше, предполагая, что приду в село до сумерек. Но случилась неприятность: проломился лёд, правая нога с лыжей ушла под него. Падая, я успел лечь на нарту, не намок, но долго провозился, чтобы достать лыжу и просушить её. К закату солнца была пройдена только половина пути. Я остановился отдохнуть возле старой толстой валежины, присыпанной снегом. Здесь была одна из моих «телефонных будок», куда доходила волна сотовой связи. Мобильник включился, поймал волну, запустил неприкрытыми смс. Заряд батареи был почти на нуле, но его могло хватить на звонок. Телефон пустил два гудка, сдох и отключился.

В сумерках я несколько раз присаживался, высматривая место для ночлега, но не решался остановиться, потому что обустроиваться пришлось бы до полуночи. Посидев и отдохнув, тащился дальше. Напрочь обессиленный, вышел к посёлку поздним вечером. Людей на улице не было. Ярким электрическим светом сияли окна домов, из кирпичных и жестяных труб гнулись по ветру дымы, приторно пахло горелым углём. Непонятно откуда доносились тупые ритмы ударников без музыки. Я добрался до дома товарища, вошёл в знакомый дворик. Тупые звуки стали громче, заглушили другие, слышалась сопровождавшая их музыка. В прошлом с хозяином дома мы охотились в паре: он приносил удачу в добыче, но плохо переносил тишину и одиночество, доставал нежеланием провярать путики в одиночку.

В чисто прибранных, покрашенных сенях ударник и мелодия резко стихли, громко залопотал диктор. Стучать в дверь не было смысла. Я толкнул её и вошёл без разрешения. Резкие звуки наотмашь хлестнули по лицу, студёная волна следом за мной раскатилась по полу. В доме было жарко.

– Какие люди?! – раскинул руки Игорь. – Живой? А я уже звонил твоему сыну, думали, не звать ли на поиск эмчээсников...

Игорь выглядел слегка погрузневшим, весёлым и вполне довольным жизнью. Его жена, Марина, всплеснула руками, весело засуетилась возле электрической плиты. Их дочь жила и работала в городе, частенько навещала родителей-пенсионеров, привозила на лето детей. Без них дом товарища казался непомерно просторным.

– Неужели с октября, безвылазно? – торопливо расспрашивал Игорь. – Одичал?

Он задавал вопрос за вопросом, а я, снимая сосульки с бороды и усов, морщился и напрягал слух, чтобы разобрать его голос среди лопотанья, воплей восклицаний, музыки, рвавшихся одновременно с разных каналов телевизоров: одного на кухне, другого в комнате. Скинул на плечи башлык, промёрзшими пальцами постучал по ушам. Игорь подхватил пульт, убавил звук на кухне, помог освободиться от рюкзака.

– Говорить, вроде, не разучился, – пробормотал я, сдирая с плеч сырой от пота свитер, скинул мокрую рубашку, повесил над печкой. Марина принесла свежую поглаженную рубашку мужа.

– Сперва душ! – потянул меня за руку товарищ. – У нас всё цивилизно! – при этом он расспрашивал: – Надолго ли в люди? Какие планы?

– Забросить продукты, пока не завалило снегом. Поможешь?

Игорь был мужиком домашним и семейным. Его устраивали быт, хороший, тёплый дом, мебель, изготовленная своими руками. За время, пока мы не виделись, он выгородил от просторной кухни комнатку, устроил в ней душ от электрического нагрева воды, вполне городской туалет с белым, блестящим унитазом, с гордостью показывал мне свои обновы и поучал:

– К старости надо готовиться загодя!

Я ополоснулся под душем, утёрся свежим полотенцем с душистым запахом мыльного порошка, взглянул на себя в зеркало и слегка оторопел: из зазеркалья смотрел старик. В белом сугробе мокрых волос и бороды пылало красное как помидор, обветренное лицо. Игорь тоже был сед, но коротко подстрижен и чисто выбрит. Его лицо казалось серовато-белым, хотя жил не в городе и дышал почти чистым воздухом.

– Кра-са-вец! – пробормотал я, удивлённо разглядывая себя.

– Подстричь, побрить, помазать сметаной, можно и женить, – рассмеялся товарищ, помогая Марине выставлять на стол закуску. – Одиноких женщин много.

– Я бы не против, да где найти такую дуру, которая согласится жить в тайге. Нынче, наверное, и эвенкийку не прельстишь?!

– Перебирайся в деревню! Чего одному куковать – не пойму?

Этого он никогда не понимал.

– Или построй в тайге хороший дом с удобствами, – указал глазами на ванную и туалет. – Сейчас для этого есть всё, даже своя электростанция – не проблема.

Я обречённо скривил в бороде обветренные губы. Долгими зимними вечерами возле печки, бессонными ночами такие мысли были нередки.

– Хочу того, или не хочу, – вздохнул, – такой дом станет таёжной гостиницей, а я уборщицей, поваром, кастеляншей, бухгалтером и директором в одном лице, – с усталой усмешкой поднял глаза на товарища и убедился по взгляду, что он ничего не понял.

– Ну и что? – спрашивало его самодовольное лицо. – Будешь уважаемым человеком!

Понимания в этом вопросе у нас никогда не было, спорить и объяснять не хватало сил. После первой же рюмки я заклевал носом, слегка перекусил и отпросился на отдых. Увидев, что Марина застилает кровать свежим бельём, устало заспорил, вытряхнул из рюкзака спальный мешок и стегно подсвинка. Другие гостевые подарки пришлось отложить на следующий день.

– Одичал! – рассмеялась женщина, поддерживая мужа, подхватила мой спальник, который среди больнично-белых стен, покрытых кафелем, газовой и электрической плит, пахнул в лицо золой и потом. Хлопнув дверью, Марина вынесла его в сени, а также рюкзак и мясо. Ничего не оставалось, как упасть на чистые проглаженные простыни с запахом стирального порошка, всем телом ощущая полузабытый комфорт семейной жизни. Ныли суставы, болела поясница, мышцы подрагивали от перенапряжения дня, но я быстро уснул, затем, так и не поняв, сколько проспал, был разбужен рёвом пронёсшейся под окнами машины. Потом много раз засыпал и просыпался от лая собак, шума машин. Вскоре залопотал телевизор за стеной, это поднялись хозяева. Полежав с открытыми глазами, я поднялся с тяжёлой головой, неповоротливым телом и желанием поскорей вернуться в свою избушку.

За продуктами пришлось ехать в райцентр: в поселковом магазине выбор был невелик. Вернулся я на газельке, закупив почти всё по продуманному списку. Игоря дома не было, пришлось одному перегружать продукты в прицеп его квадроцикла. И опять, как на оптовом складе, я пыхтел и удивлялся тому, что пятидесятикилограммовые мешки с мукой стали тяжелее, чем были прежде. Управившись с ними – с сахаром, крупами, макаронным припасом, – сливочное масло, селёдку и сало я занёс в сени, чтобы не достали собаки. Едва отпустил газельку, скрипнули ворота, хозяин поднялся на крыльцо, обмёл ичиги голяком, вошёл в сени, рассмеялся, кивнув на упаковку пломбира.

– А ты сладкоежка!

– Это вам с Мариной! – отдуваясь и смахивая пот со лба, просипел я. – И шоколадные, подарочные, – выложил из сумки блестящую расписную коробку.

– Маринке хватит конфет! Мороженого мы не едим, а тебе сгодится: в тайге, после бани, да возле печки с шампанским?! – рассмеялся, сбив шапку на ухо. – Заходи! – указал на дверь.

– Не обеднею! Пломбира – две упаковки. Теперь вся надежда на тебя, бензин за мой счёт.

– Видел! – он мотнул головой в сторону гружёного прицепа, и в глазах его колко блеснула сдерживаемая настороженность. Видимо, вспомнил непростую, прошлогоднюю заброску продуктов.

– Сто муки, двадцать пять сахара, крупы, подсолнечное и сливочное масла, всякие мелкие радости. Где-то под двести пятьдесят! – стал оправдываться я. – Только до водопада! Дальше утяну нартами.

– Да уж, как прошлый год волоклись на лебёдке – не удовольствие, и сил уже нет надрываться. Старее!

Ещё день и две ночи мне пришлось промучиться среди лая, рёва и того, что здесь называли музыкой. Вечерами долбёжка доносилась чуть не из каждого двора, будто хозяева соревновались, чей шум громче или, не желая слышать соседей, глушили их своей музыкой. Моя таёжная одежда просохла, можно было переодеться в привычное и удобное. Наконец, мы выехали на рассвете. День случился погожий, я радовался, что успел выбраться до большого снега. Наглотавшись выхлопных газов, засветло мы добрались до балагана, при этом ни разу не перевернулись, не перегружались, всего лишь пару раз выбрались из промоин с помощью лебёдки. Против балагана Игорь помог мне разгрузить прицеп на береговые камни. Отдышавшись, мы перекусили возле костерка и поспешили в обратную сторону.

Я проводил товарища до мест, где начиналась безопасная колея, среди ночи вернулся на лыжах в балаган, перенёс под кров ценный продукт, который могли поклевать вороны, погрызть звери, мыши и вездесущие белки, растопил печурку, упал на нары без сил, радостно прислушиваясь к затаённым звукам тайги. Дрожали натруженные мышцы, колотилось сердце в ритмах музыкальной долбёжки. Согревшись, я поднялся, похлебал «доширака», бросил под язык таблетку фенозепама, провалился в глубокий сон и спал почти до полудня. Затем растопил печку, заварил чай, пробил две дырки в банке со сгущёнкой, оттаял безвкусный городской хлеб, погрыз его попеременно с куском мёрзлого масла. После позднего завтрака упаковал в полиэтилен один из мешков с мукой, накрепко привязал его к нартам. При этом опять удивлялся его тяжести.

– Однако уже не сорок! – пробормотал, вспомнив, как когда-то мои сверстники успокаивали себя тем, что «ещё не сорок!» – значит всё впереди. Зловредная память тут же воспроизвела давнее из прошлой, ненужной теперь жизни. Я плюнул через плечо: «Забудь про всё, забудь про всё! Ты не редактор не осёл!». Мысленно выругался, вот ведь: смолоду суетились, чтобы было что вспомнить под старость, а под старость хотелось забыть почти всё, что было в молодости. Психологи утешают, что переосмысление прошлого должно отпустить после семидесяти.

Смирясь с ослаблением тела взамен на пенсионную свободу, с помощью полиспаста я протянул нарты с мукой через камни и лёд водопада, двинулся к зимовью и вскоре пожалел, что не остался в балагане до утра. Промёрзшая речка кипела, по льду шла вода, и не везде её можно было обойти. Нарты и лыжи намокали, облипали неподъёмным слоем мокрого снега, который превращался в лёд. Приходилось останавливаться, переворачивать нарты, которые с каждым часом становились тяжелее, соскребать налип и сушить полозья. Погода портилась, ночной ветер так и не переменялся на противоположный, резкими порывами скатывался по пади. До больших снегов надо было успеть перевезти хотя бы муку.

К ночи я уже очень устал, хотя вышел поздно и ночью хорошо отдохнул, часто садился, думал, не бросить ли нарты и уйти налегке. Но до зимовья было не так уж далеко. «Еще сотню шагов, – обманывал себя, торговался с собой, сидя на мешке с мукой, – дотянуть до удобного места». А такого места всё не находилось. На низком небе без звёзд тускло желтело размазанное пятно луны. В

очередной раз, свесив голову и тяжело дыша за пазуху, я в полудрёме посидел на холодном мешке с мукой, затем огляделся: хребты расступились, до зимовья оставалось с полчаса ходьбы. Подстегнув себя, снова встал на лыжи, и волок груз пока из тьмы не показалась избёнка. Поникшая и ссутулившаяся, она терпеливо ждала меня.

Бросив нарту с мешком в двадцати шагах от жилья, на подгибающихся ногах я ввалился в промёрзшее зимовье. Негнущимися пальцами раскрыл коробок со спичками, чиркнул и разжёл заряженную печку. Она схватилась огнём, заждавшись моего возвращения. В ушах гулко стучала густая кровь, дыхание не выравнивалось. Я засветил лампу, сбросил куртку, свитер и рубаху. Обнажённое тело обожгла стужа с приятным запахом дыма. Переодевшись в сухое, вспомнил, как в прошлом, до пенсионной воли, во времена отпускных охот, в таких случаях выпивал стакан водки, потом переодевался. Теперь вытряхнул из карманной аптечки таблетку валидола и положил под язык. Несколько моих ровесников-таёжников уже «дали клина» от перегрузок, не смирившись с тем, что сил становится меньше. И первыми погибли самые сильные, с крепчайшим здоровьем, дарованным им природой.

Идти за водой, долбить прорубь не было сил. Я нагрёб снега в кастрюлю и поставил на печку. Она скаречно, по-старушечьи зашипела, будто корила за день, который по уму-разуму надо было отлежаться в балагане и выйти с грузом на рассвете. Поужинав мёрзлым хлебом и сгущённым молоком, я выпил остатки баданового отвара, снова набил кастрюлю снегом и вытянулся на нарах. Сердце не успокаивалось и всё ещё натруженно стучало. Я бросил под язык таблетку валидола, затем феназепам и уснул при непогашенной лампе.

Проснулся в полутьме. Стекло лампы было чёрным от копоти и тускло высвечивало неприбранный стол. Кутаясь в расстёгнутый спальник, я поблагодарил Бога, что жив, набросал хвороста в выставшую печку, разжёл её куском бересты. В кастрюле с водой из снега был лёд. Остатки городского хлеба, оставленного на камнях у печки, погрызли мыши. Видимо, горностаи не наведывались ночью. Я почувствовал себя слегка отдохнувшим, стал готовить завтрак, а на рассвете приволок нарту с мукой. Мешок был целым, этой ночью мыши не успели проложить тропу к дармовой еде. О том, чтобы подняться по лестнице к лабазу с мешком на плече, не было и мысли. Я перекинул верёвку через закреплённый блок, поднял муку с помощью полиспаста и втиснул в лабаз. Оттуда сбросил на снег мясо: перед выходом надо было основательно подкрепиться.

После полудня с пустой нарткой в поводу, налегке я отправился в балаган, переночевал там и на рассвете поволок к зимовью второй мешок муки. Через пять дней все продукты были дома. Я натопил баню, выстирал бельё, напарился, стал считать прожитые в делах дни. Ленинская новогодняя ночь прошла незаметно в балагане, не оставив даже запомнившегося сна, а наступающая – была предрождественской. Каких чудес ждать за полсотни километров от людей? Снегурочке явиться неоткуда, леший – спит, даже с медведем-шатуном встреча маловероятна, поскольку поклёванное воронами, погрызенное зверьми его тело лежало под деревом, а у души не могло быть претензий: я – защищался. Разве какой другой, с соседних угодий проснётся и выберется из берлоги от недостатка нагулянного жира?! Но это маловероятно.

Падал снег, заматывая мой след, перекрывая подходы к избушке. Запас продуктов можно растянуть на год. Я ощущал себя мыслью, получившей возможность существовать в своей идеальной среде. Но этой чудной ночью, с чёрным небом и отвесно падающим снегом, душа просила праздника. В выгороженном от холода, высветленном семилинейной лампой пространстве, баюкая свою тихую радость, я развёл до менделеевского градуса семьдесят граммов спирта, в тепле и чистой одежде воссел на нары, празднуя свободу и независимость. Разведённый спирт щипал язык и першил в горле, пломбир студил рот, весело потрескивала печка.

Я накинул на плечи пуховку, сунул ноги в валенки, вышел на крыльцо под снегопад. В темени едва угадывались кроны ближайших деревьев, за спиной уютно высвечивалось моё прибранное жильё. И почудилось вдруг – остановилась январская ночь. Ничто не нарушало её покоя и своеобразной тишины. Где-то там, за снеговыми облаками по-прежнему мерцали вечные звёзды, катилась по небу золотая луна, объезжая землю. А здесь – в неслышном шелесте снежинок – звучала колдовская песня. Чудны были её слова и музыка, и казалось явным, что у всего вокруг есть свой язык и душа: у дремавших деревьев, избёнки, печки, у слегка чадающей на столе керосиновой лампы, заправленной соляркой, сдобренной бензином. Даже она что-то лопотала, вспоминая своё долгое не простое прошлое, бывших хозяев, их жизни и мысли. Симфония звуков этой кажущейся тишины дополнялась танцем снежинок, движением невидимых звёзд: под снегом бегали мыши, которым нельзя не есть несколько часов сряду. Они жевали, дрались, совокуплялись, плодились. Очистив себе места до сухой травы, дожидаясь чистого неба, где-то лежали изюбри и козы. Дремали сытые вороны, оголодавшие волки грызли окаменевшие останки медведя. Чудны были неслышные звуки и плавные движения вечного танца природы в эту тихую, нарядную, цветущую ночь, не ополненную рокотом города. Может быть, только здесь, ощущая себя частицей тайги и космоса, соединяясь со всем живым, по-настоящему становишься соучастником всей этой жизни, во всей полноте ощущаешь, что ты жив и не одинок в мире. Я оглядывался на распахнутую дверь, во внутренность своей тёплой, высветленной избушки, душа замирала от полноты и глубины ощущений, уносилась за пределы видимого. Полная тайн и звучания ночь неслась ко дню и свету.

Обратная связь.....

...самая лучшая критика – это письма читателей.

Валентин Григорьевич Распутин

Зато не скучно! или При чём тут шапка Мономаха?

(попытка критического осмысления конкретного художественно-публицистического текста)

Сразу хочу пояснить (то есть, заранее расставить точки над «и»): всё ниженаписанное - это сугубо моё личное мнение, моя личная точка зрения. Уточняю это специально и потому, что ни в коей мере не претендую на абсолютную непогрешимость моих оценок. Кому-то они могут не понравиться, и это будет совершенно закономерно.

Итак, журнал «Северо-Муйские огни» №5 (87) сентябрь-октябрь 2021 год. Валерий РУМЯНЦЕВ г. Сочи, Краснодарский край. Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018). Литературный экспресс (продолжение, начало в №№ 1, 2, 3, 4-2021).

Начал читать – и сразу же, с первых же строк, вспомнилось классическое (а может, даже и бессмертное): «– Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает бывало, – так как-то всё...». Большой оригинал» (Н. В. ГОГОЛЬ «Ревизор»).

А теперь собственно по тексту. Первое, что обращает на себя внимание: явный перебор имён собственных. Во всяком случае, обычного рядового читателя (а текст, насколько я понимаю, рассчитан именно на него, а не на специалиста-литературоведа) это обстоятельство будет напрягать. Смотрите сами: чуть ли не затылок в затылок – Фет, Лисянский, Агранян, Исаковский... Далее – фронтовики: Твардовский, Слуцкий, Друнина, Межиров, Поженян... Дальше: «шестидесятники», Рубцов, Прасолов, Анищенко... И это бы ладно: все – литераторы, все – «деятели пера», но при чём тут Сталин. Микоян, Каганович и даже незабвенный «горшок душистых прерий Лаврентий Палыч Берий»? Какой смысл в этом перечислении? Зачем оно? Чтобы показать, что автор «в теме», умеет мыслить даже не широко, а именно что глобально? Или чтобы подчеркнуть авторскую эрудицию? Тогда получается текст ради самого текста. Прошу понять меня правильно: никаких претензий к автору. Я просто НЕ ПОНИМАЮ!

Далее. Цитирую: «– А как же жизнь души вне классового подхода? – спросил Есенин» (конец цитаты). Это Есенин-то? Который «я читаю стихи проституткам и с бандитами жарю спирт»? Почитайте хотя бы ту же Википедию: «Для творческой практики имажинистов характерен эпатаж, анархические мотивы». Анархические! Какая классовость? Есенин её не просто ненавидел. Он её, как типичный «человек от сохи», не понимал и не воспринимал!

Следующее (начну опять с цитаты): «– А меня особенно, знаешь, что тогда радовало? – оживился Есенин. – Какие песни родились! «Катюша» Исаковского, «Каховка» Светлова, «Широка страна моя родная» Лебедева-Кумача. Эти песни порождали у людей оптимизм, энергию, молодой задор...» (конец цитаты).

Посчитаем: дата смерти Есенина – 25 декабря 1925 года. «Песня о Каховке» впервые прозвучала в фильме «Три товарища», который вышел – внимание! – в 1935 году. То есть, через десять лет после смерти Есенина. Далее: «Широка страна моя родная...» (вообще-то, её официальное название – «Песня о Родине», но не буду буквоедом: «широка» так «широка». Как в анекдоте: «умерла так умерла») – 1935 год. А про «Катюшу» и говорить нечего: впервые прозвучала в ноябре 1838-го. Вот уж действительно, «тяжела ты, шапка Мономаха... Много в ней лесов, полей и рек...».

Слышу, слышу ехидное: гражданин автор, нельзя же всё воспринимать так буквально! Здесь же разговор **ВООБРАЖАЕМЫЙ!** Возражу: разговор хотя и воображаемый, но здесь приводится **ПРЯМАЯ** речь. То есть, слова не автора, а **ЯКОБЫ** самого Есенина. Такой приём в литературе (как документальной, так и художественной) называется передёргиванием фактов. Увы.

И это – лишь несколько **КОНКРЕТНЫХ** примеров моей критики. Да и сама тональность отношений между героями (это прочитывается из их разговора), «отлакирована». Ведь не секрет, что отношения между Маяковским и Есениным были, мягко говоря, весьма своеобразны. Я не соглашусь называть их сложными, поскольку сложными могут быть отношения среди людей **ОДНОЙ** социальной группы, а эти двое представляли совершенно разные социальные даже не группы, а целые социальные слои. И опять же допускаю, что ошибаюсь, но мне что-то не верится в искренность слов как Есенина о Маяковском («...Чего-чего, а Маяковского не выкинешь. Ляжет в литературе бревном, и многие о него споткнутся»), так и Маяковского о Есенине как представителе имажинизма и имажинистов («Из всех них останется лишь Есенин»).

И в заключение: текст Румянцева, что говорится, «не мой» (имею в виду себя как читателя), но, безусловно, имеет право на существование – и в первую очередь, своей необычностью, разножанровым сплавом из сатиры, литературоведения, публицистики и такого модного ныне направления как фэнтези. (Давайте и я похвастанюсь своей эрудицией и процитирую Вольтера: «Все жанры хороши, кроме скучных».)

Алексей КУРГАНОВ, сатирик, г. Коломна (Московская область).

Слово о журнале

***

... «гурманю» чтением последнего выпуска «Северо-Муйских огней» (№5/87/2021).

Порадовал Максим Орлов «Литературной кухней Дмитрия Быкова». Я как раз читаю Марата Гизатулина «Булат Окуджава. Вся жизнь – в одной строке», где тоже упоминается в ряде авторов о поэте и Дмитрий Быков, грешащий непроверенной информацией и сносками к предвзятым к творчеству поэта авторам. Обидно за талантливого литератора, примкнувшего к «критиканам» Отечества и сеющего в умы читателей сумбур, с уклоном антироссийским. Одно уже «Шолохов для бедных» отшатнул от себя многих его почитателей. Жаль, что у нас теперь нет цензуры! Моё почтение Максиму Орлову за краткость, глубину и доказательность всех этих «кухонь» одурачивания народа. (А какие были у Быкова лекции по русской литературе! Смотрела по интернету несколько и восхищалась его эрудицией и знанием предмета... жаль, его талант не туда порой направлен.)

Увлекаюсь историей, и потому мне интересны тексты Анастасии Соколовой, с её развенчанием исторических мифов о России, и художественная проза Камиля Зиганшина – «Хождение к Студеному морю»: сочный язык, богатое знание народных (старообрядческих) традиций и быта. Понравился рассказ Ольги Флярковской «В храме», просто пронзил самое сердце: «...мало добрых дел делаем». Ярko запомнились впервые представленные авторы: Тима Ковальских с рассказом «Я вижу» и Дарья Фомина с «Бегущей по строкам».

Чудесным предварением поэтической рубрики стали выдержки из трактата Феофана Прокоповича.

Из самих же поэтических подборок зацепили стихи Татьяны Михайловой – «О наших предках знаем мы немного...». Хороши стихотворения «Шёпот времени» Никиты Брагина, «Подсолнух» гл.редактора, «Все поэты – сумасшедшие» Николая Ерёмина, «Осени», «На закат» и «Промокший город» Ольги Борисовой. А какой вкусной оказалась концовка венка сонетов Марка Пыльковского!!! Понравилась стихи Владимира Ильичева, метафоры Александра Дивеева в стихотворении «Осень». Как трогательно стихотворение «Евдокия, Дуся, Дунюшка» Елены Зябловой, ведь это не только о её бабушке, это стихотворение – гимн любви всем бабушкам!!!! Юрий Виткин поразил фразой «...Попытка уйти – лишь желанье остаться». Запомнился и Рустам Мавлиханов. Порадовали и наши земляки из подборки «Поэтический Омск»: Дмитрий Румянцев, Владимир Цыганков, Галина Непомнящих, Георгий Бородянский, Игорь Егоров.

Светлана КАЗАКОВА,
библиотечный работник, г. Омск.

На сказ «День шахтёра по-новому»

Я хотел бы вычертить чёрным по белому несколько слов о сказе А. А. Шерстюка «День шахтёра» (СМОг №5-2021), по настроению и надрыву согласованном со временем крушения то ли Ура, то ли Ниневию. В страшный ствол проваливается читатель сего сказа, а потом его выбрасывает оттуда рёвом сирены вместе с антрацитом его же пороков и «чёрных дней календаря». Ну никак этот праздник красной датой календаря не назовёшь, если только красной на чёрном! И так всё сгущено и «причалено», запелёнуто тревогой о супруге автора*, что выть хочется наперекор сладкоголосым сиренам и в подражание сирене Красного Луча. А говорят, лучи бесконечны; этот же конкретно упёрся в монолит, пласт не Хрустальский и не Садовый, а – в безысходный, тусклый, бесплодный, никаким тараном не прошибаемый! Стих – ртутно-живой, как отрывок из «De rerum natura» Лукреция на современный лад – автор и биохимию образования угля затронуть хочет и художествами побаловать. Разговор автора с Хрустальским и Садовым – пример допустимого консенсуса намерений человека с дарами природы, когда эти дары вроде бы подписаны на присвоение человеком, но он весьма лояльно позволяет богатствам природы смириться с этим его правом, немножко даже пофрондёрствовать; в общем, получается намёк на модель голосования, как оно у нас проходит. И стих удручение несколько сглаживает, хоть в финале не побеждает – тема трагедии, как вагонетка, прочно стоит на рельсах. Может быть, они тоже куда-нибудь упрутся? А то за луч обидно!

Александр СНЕГУРОВ,
педагог, труд коего, по уверению газеты «Аргументы и факты», приравнен к шахтёрскому; г. Москва.

* Имеется в виду полученный в эти же дни инсульт Лилии Васильевны Шерстюк, жены автора сказа, и её нахождение в реанимации. В этой фразе сказывается частный характер отзыва А. Снегурова.

... От сказа «День шахтёра по-новому» – меня мороз по коже продрал. Горько читать... и, кажется, что слышишь эту сирену нескончаемую, а может, она и вправду нескончаемая, давно уже над всей Россией гудит... сколько горечи в нашей зрелости: строили-строили, умирали, воевали, жилы надрывали, судьбы ломали и вот что выстроили, сидишь среди руин и утрат...

Светлана ЗАБАРОВА,
член Союза российских писателей, г. Санкт-Петербург.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новонкутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Тимохин Николай Николаевич (Семипалатинск, Казахстан)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни» Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

*Авторский литературный журнал
"Северо-Муйские огни"*

Северомуйск – 2021